

ЦЕНТР ЗАЩИТЫ ПРАВ СМИ

**СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
ПО СВОБОДЕ ВЫРАЖЕНИЯ МНЕНИЯ И
СВОБОДЕ ИНФОРМАЦИИ**

ТОМ 7

ВОРОНЕЖ
2010

УДК 341.645:341.231.14

ББК 67.910.822

С89

Редактор – Г. Ю. Арапова

Составители – Г. Ю. Арапова, С. И. Кузеванова

Правовое редактирование – Г. Ю. Арапова

Перевод с английского Центра Защиты Прав СМИ

(М. Н. Залата, В. А. Бушин) и

Института проблем информационного права (г. Москва)

Художественное оформление - И. Ю. Ледовских

С89 Судебная практика Европейского Суда по правам человека по свободе выражения мнения и свободе информации, Т. 7/ Под редакцией Г. Ю. Араповой – Воронеж: ООО Фирма «Элист», 2010 – 238 с.

ISBN 978-5-87172-031-8

В седьмой по счету сборник вошли переведенные на русский язык избранные постановления Европейского Суда по правам человека по статье 10 Конвенции (свобода выражения мнения). Среди них ряд прецедентных интересных российских дел, таких как Пасько против России и Кудешкина против России. В данном издании каждое постановление сопровождается кратким неофициальным изложением дела, помогающим ориентироваться в прецедентном праве Европейского Суда.

Книга предназначена для юристов, судей, журналистов, а также для всех, кто интересуется проблемами свободы выражения мнения, свободы информации и практикой Европейского Суда.

УДК 341.645:341.231.14

ББК 67.910.822

ISBN 978-5-87172-031-8

© Центр Защиты Прав СМИ, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	4
Дело «Крутов против России»	
Краткое изложение дела.....	6
Постановление Суда по делу	10
Дело «Кудешкина против России»	
Краткое изложение дела.....	25
Постановление Суда по делу	31
Дело «Лешник против Словакии»	
Краткое изложение дела.....	87
Постановление Суда по делу	90
Дело «Пасько против России»	
Краткое изложение дела.....	111
Постановление Суда по делу	117
Дело «Салов против Украины»	
Краткое изложение дела.....	157
Постановление Суда по делу	161
Дело «Филипович против Сербии»	
Краткое изложение дела.....	196
Постановление Суда по делу	200
Дело «Шмидт против Австрии»	
Краткое изложение дела.....	216
Постановление Суда по делу	219

ОТ РЕДАКТОРА

Мы публикуем очередную, уже седьмую по счету, книгу в серии практики Европейского Суда по правам человека по ст. 10 Европейской Конвенции, посвященной свободе выражения мнения. В данном сборнике представлены переводы на русский язык «свежих» дел, безусловно представляющих интерес для практикующих юристов, судей и журналистов.

Особый интерес представляют два российских дела – дело Григория Пасько, военного журналиста, осужденного национальными судами за шпионаж и дело Ольги Кудешкиной, бывшего судьи, лишенной статуса судьи за критические высказывания в прессе о деятельности судов.

Первое из отмеченных дел, дело *«Пасько против России»*, бывшего офицера российского флота и журналиста газеты Тихоокеанского флота «Боевая вахта», который был арестован Федеральной службой безопасности в ноябре 1997 года и обвинен в измене родине за свои публикации по проблемам радиационной безопасности. В декабре 2001 года суд признал Григория Пасько виновным в государственной измене в форме шпионажа и приговорил его к лишению свободы сроком на четыре года в исправительной колонии строгого режима. Дело Григория Пасько привлекло внимание во всем мире. «Международная амнистия» объявила Пасько узником совести. В 2002 году Европейский парламент принял две резолюции, а Совет Европы назначил докладчика по его делу. В Европейском Суде по правам человека дело было рассмотрено только в 2009 году. И Суд не нашел в этом деле нарушения права на свободу выражения мнения, отдав приоритет интересам государственной безопасности.

В деле *«Кудешкина против России»* суд вынес решение с перевесом в один голос о нарушении статьи 10 Европейской Конвенции. Это довольно сложное и противоречивое дело, стало первым российским делом, где поднимался вопрос о степени свободы выражения мнения, которой может пользоваться федеральный судья. Европейский Суд пришел к выводу, что и судья имеет право участвовать в общественной дискуссии о проблемах судопроизводства, а лишение статуса судьи явилось чрезмерно жестким наказанием за высказанную критику, о чем суд сказал следующее:

«Это было наиболее суровым из возможных видов наказания, которое может быть вынесено в ходе дисциплинарных разбирательств, и, в свете вышеописанных выводов Суда, несоответствующим серьёзности правонарушения. К тому же, это, конечно, могло в будущем отбить у других судей охоту критически высказываться о государственных учреждениях или их деятельности из страха потерять судебные полномочия».

Итак, всем, кто интересуется практикой Европейского суда и следит за развитием правовой мысли, данный сборник даст возможность лучше понять позицию Европейского Суда, международные стандарты в области свободы выражения мнения и продемонстрирует широкий спектр проблем, которые поднимают заявители в Страсбурге.

ГАЛИНА АРАПОВА

Директор, ведущий юрист

Центра защиты прав СМИ

www.mmdc.ru

Краткое изложение дела

ДЕЛО «КРУТОВ ПРОТИВ РОССИИ» (Krutov v. Russian Federation)

(жалоба № 15469/04)

Постановление Суда

Страсбург, 3 декабря 2009 года

Суть принятого решения: В отношении заявителя имело место нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод); единогласно.

Краткое изложение обстоятельств дела:

Заявитель, журналист из г. Саратова, опубликовал статью под названием «Политические расклады 2002 года: старые лица и новые времена» в газете «Неделя области». Статья касалась взаимодействия политических групп в Саратовской области и, в частности, роли прокуратуры в Саратовской области и г-на Б., прокурора Саратовской области.

Г-н Б. подал иск о защите чести и достоинства против заявителя и редакции в Кировский районный суд г. Саратова, считая, что заявитель опорочил его честь, достоинство и деловую репутацию высказываниями из публикации (в частности, сведениями о том, что в благодарность за «необходимое» рассмотрение уголовного дела в отношении ряда чиновников городская администрация снабдила прокуратуру мебелью, а самому прокурору предоставила участок земли в аренду на 49 лет).

Проведенная по делу экспертиза показала, что опубликованные сведения не относились к личности прокурора, а также то, что часть спорных фраз являлась мнением и предположением журналиста.

14 ноября 2003 года Кировский районный суд г. Саратова вынес решение в пользу истца, указав на то, что спорные сведения являются

именно утверждениями о фактах, а не мнением журналиста и порочат именно репутацию прокурора.

При этом суд отметил, что факты изложенные журналистом действительно имели место быть (предоставлялся участок в аренду прокурору, а также автомобиль и мебель в пользование прокуратуры). Однако, по мнению суда, заявитель не смог доказать, что близкое окружение мэра «было уведено от ответственности» и что мебель, иномарка и кусок земли были предоставлены в «благодарность за поддержку».

Суд обязал заявителя опубликовать опровержение и взыскал по 5 000 рублей с заявителя и с газеты.

Саратовский Областной суд вынес постановление по апелляции, поданной заявителем, в котором поддержал решение суда первой инстанции.

Оценка Европейского Суда:

И Суд, и стороны пришли к единогласному заключению, что вынесенное в отношении заявителя решение суда являлось вмешательством в его право на свободу выражения мнения и было предусмотрено законом. Суд также согласился с Правительством, что вмешательство преследовало правомерную цель – защитить репутацию прокурора.

Важным для Суда являлось установить, было ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе».

Суд напомнил о важной роли прессы в демократическом обществе и ее миссии распространять информацию по общественно-важным вопросам (п. 25-26):

«Хотя пресса и не должна переступать установленных границ, особенно в отношении репутации и прав других людей, тем не менее, ее долг состоит в том, чтобы сообщать любым способом, который не противоречит ее обязанностям и ответственности, - информацию и идеи по всем вопросам, представляющим общественный интерес.»

...

По мнению Суда, статья затрагивала важные вопросы, и заявитель был вправе привлечь внимание общественности к этим вопросам через публикации в прессе».

Суд повторил также, что *«границы допустимой критики в отношении должностных лиц, обладающих властью, шире, чем в отношении частных лиц, и рамки свободы усмотрения национальных властей касательно защиты их репутации должны быть соотнесены с интересами демократического общества в обеспечении и поддержании свободы прессы»* (п. 27).

Суд указал, что национальные суды не смогли установить должный баланс между правом журналиста на свободу выражения мнения и правом областного прокурора на защиту репутации (п. 28):

«В своем анализе власти ограничились важностью защитить интересы прокурора без принятия во внимание стандарта, требующего, в соответствии с Конвенцией, веских причин для обоснования ограничения обсуждения в прессе вопросов, представляющих общественный интерес. Соответственно, Суд находит, что национальные суды не смогли распознать, что настоящее дело затрагивало конфликт между правом на свободу выражения мнения и правом на защиту репутации».

Суд также отметил, что национальные суды не разграничили утверждения о фактах от мнений, высказанных журналистом. Мнения же, в свою очередь, были достаточно обоснованы и имели право на существование:

«Суд отмечает, что достоверность всех предпосылок, которые легли в основу сведений, распространенных заявителем, была подтверждена в ходе судебного разбирательства в национальных судах. ... Следовательно, Суд убежден, что предположение заявителя о том, что «привилегии» для прокуратуры и самого прокурора не были случайными, имело достаточное фактическое основание.

...

Суд считает, что намекая на «благодарность» областному прокурору со стороны городской администрации, заявитель сделал оценочное суждение, достоверность или ложность которого не подлежит доказыванию. Соответственно, национальные суды возложили на заявителя чрезмерное бремя, требуя доказать его правдивость». (п. 30-31)

В итоге Суд пришел к выводу, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

© Центр Защиты Прав СМИ, 2010

ДЕЛО «КРУТОВ ПРОТИВ РОССИИ»

(*Krutov v. Russian Federation*)

(жалоба № 15469/04)

Постановление Суда
Страсбург, 3 декабря 2009 года

По делу «Крутов против России» Европейский Суд по правам человека (Первая секция), заседая Палатой, в состав которой вошли:

г-н Кростос Розакис, *Председатель*,
г-жа Нина Вайич,
г-н Анатолий Ковлер,
г-н Сверре Эрик Йебенс,
г-н Дин Шпильманн,
г-н Джордж Николау,
г-н Джиорджио Малинверни, *судьи*,

а также Сорен Нильсен, *Секретарь Секции*,

Проведя 12 ноября 2009 года закрытое заседание,

Вынес следующее постановление, принятое в указанный выше день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано после подачи жалобы (№ 15469/04) против Российской Федерации в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - «Конвенция») гражданином России, Александром Николаевичем Крутовым (далее - «Заявитель»), 23 марта 2004 года.

2. Интересы заявителя представлял г-н М. Рачковский, практикующий юрист из г. Москвы. Российское правительство (далее -

«Правительство») было представлено бывшим Уполномоченным Российской Федерации в Европейском Суде, г-ном П. Лаптевым.

3. Заявитель утверждал, в частности, что был привлечен к ответственности за выражение своего мнения.

4. 14 октября 2005 года Председатель Первой Секции принял решение уведомить Правительство о подаче жалобы. Было также решено изучить существо жалобы одновременно с вопросом о ее приемлемости (пункт 3 статьи 29).

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

5. Заявитель родился в 1960 году и проживает в г. Саратов.

6. 9 января 2003 года заявитель опубликовал статью под названием «Политические расклады 2002 года: старые лица и новые времена») в выпуске № 1 (10) газеты «Неделя области». Статья касалась взаимодействия политических групп в Саратовской области и, в частности, роли прокуратуры в Саратовской области и г-на Б., прокурора Саратовской области.

7. Г-н Б. подал иск о защите чести и достоинства против заявителя и редакции газеты в Кировский районный суд г. Саратова. Он утверждал, что следующий абзац в тексте статьи порочил его честь, достоинство и деловую репутацию:

«Наверное, только этим можно объяснить ту непреклонность, с какой областная прокуратура возбуждала уголовные дела в отношении членов областного правительства ... но при этом столь же последовательно уводились от уголовного преследования действующие чиновники мэрии и городской думы. Так, в заведомо коррупционном деле вокруг так называемого «Городского благотворительного фонда здравоохранения» на скамью подсудимых сел лишь депутат гордумы К., да и то вскоре был оправдан. А близкое окружение мэра во главе с самим А. было уведено от ответственности. В благодарность за

поддержку городская администрация стала снабжать прокурорские структуры «дареными» иномарками, мебелью. А сам областной прокурор Б. получил от мэрии в аренду на 49 лет (!) участок земли (якобы для благоустройства) во дворе многоэтажного дома, где он проживает».

8. Районный суд назначил проведение лингвистической экспертизы оспариваемого фрагмента четырьмя экспертами из Саратовского Государственного Университета.

9. 12 сентября 2003 года экспертная группа, состоящая из четырех человек, единогласно пришла к заключению, согласно которому в статье не давалась оценка личности г-на Б. и статья не носила порочащий характер касательно чести и деловой репутации указанного лица. Публикация создавала впечатление, что действия прокурора были ненадлежащими, и ставила под сомнение правомерность такой долгосрочной аренды и обоснованность цели данной аренды. Однако эти вопросы требовали скорее правового, а не лингвистического изучения. Эксперты единодушно признали, что фразы *«наверное, только этим можно объяснить»* и *«в благодарность за поддержку»* были выражением собственного мнения журналиста, а не утверждениями о факте. Автор не утверждал, что прокурор Б. получил выгоду от поддержки городской администрации. Журналист лишь предположил, что прокурор не был беспристрастным, и что уголовное преследование чиновников носило избирательный характер.

10. 14 ноября 2003 года Кировский районный суд г. Саратова вынес решение в пользу истца на основании следующего:

«Принимая во внимание фактические обстоятельства дела, суд считает, что [в статье заявителя] истец – г-н Б. не может рассматриваться как частное лицо, поскольку в общественном восприятии (учитывая тот факт, что истец является публичной фигурой) г-н Б. - гражданин, занимающий должность прокурора Саратовской области, и его личная и профессиональная репутация и каждодневные поступки должны отвечать более высоким стандартам.

Далее, суд считает, что термин «прокурорские структуры», использованный заявителем в статье, также относился к прокурору, так как в силу занимаемой должности, он нес

ответственность за работу всех органов прокуратуры на территории Саратовской области.

С учетом вышесказанного, суд считает, что отрывок из рассматриваемой статьи является ничем иным, как сведениями, распространенными об истце и порочащим его честь, достоинство и деловую репутацию...

Суд не находит доказанным довод ответчиков о том, что они распространили мнение журналиста, основанное на фактах, потому что мнение автора должно не только быть основано на конкретных сведениях, но и не должно порочить честь или репутацию истца, и не должно содержать сведений о противоправном поведении истца.

Поскольку цель выражения мнения – сообщить его третьей стороне, то форма его выражения должна исключать возможность ввести третью сторону в заблуждение относительно того, является ли данная информация мнением или утверждением о факте.

Суд считает, что в настоящем деле ответчики не смогли соблюсти данные требования, и что содержащиеся в статье сведения являются утверждениями о фактах, подлежащими доказыванию в судебном порядке...».

11. Районный суд отметил, что факты, лежащие в основе оспариваемого отрывка, не оспаривались сторонами. Так, действительно, уголовные дела были возбуждены в отношении некоторых членов областного правительства, включая члена городской думы – г-на К. Г-н Б. получил кусок земли на условиях, указанных заявителем, и городская администрация безвозмездно предоставила в пользование прокуратуры автомобиль марки «Хендай», шесть столов и девять шкафов для хранения документов.

12. Однако, по мнению суда, заявитель не смог доказать, что близкое окружение мэра *«было уведено от ответственности»* и что мебель, иномарка и кусок земли были предоставлены в *«благодарность за поддержку»*.

13. Районный суд признал весь отрывок статьи порочащим и обязал газету опубликовать опровержение и взыскал по 5 000 рублей с заявителя и с редакции газеты.

14. 19 декабря 2003 года Саратовский Областной суд вынес постановление по жалобе, поданной заявителем, в котором поддержал решение суда первой инстанции.

II. Применимое национальное законодательство и практика, имеющие отношение к делу

A. Конституция Российской Федерации

15. Статья 29 гарантирует свободу мысли и свободу слова, наряду со свободой массовой информации.

B. Гражданский кодекс РФ от 30 ноября 1994 года

16. Статья 152 предусматривает, что гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. Гражданин, в отношении которого распространены сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, вправе наряду с опровержением таких сведений требовать возмещения убытков и морального вреда, причиненных их распространением.

C. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 августа 1992 года № 11 (в редакции от 25 апреля 1995 года)

17. Постановление (действующее на момент рассмотрения дела) предусматривало, что порочащими являются такие не соответствующие действительности сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства или моральных принципов (о совершении нечестного поступка, неправильном поведении в трудовом коллективе, быту и другие сведения, порочащие производственно-хозяйственную и общественную деятельность, деловую репутацию и т.п.), которые умаляют честь и достоинство гражданина либо деловую репутацию гражданина или юридического лица. Под распространением сведений, порочащих честь и

достоинство граждан или деловую репутацию граждан и юридических лиц следует понимать опубликование таких сведений в печати, трансляцию по радио и телевидеопрограммам, демонстрацию в кинохроникальных программах и других средствах массовой информации, изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам, или сообщение в иной, в том числе устной, форме нескольким или хотя бы одному лицу (пункт 2).

18. Пункт 7 Постановления регулирует распределение бремени доказывания соответствия действительности распространенных сведений по делам о защите чести и достоинства. Истец обязан доказать лишь сам факт распространения сведений лицом, к которому предъявлен иск. Обязанность доказать соответствие действительности распространенных сведений лежит на ответчике.

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

19. Заявитель утверждал о нарушении его права на свободу выражения мнения, предусмотренного статьей 10 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

А. Приемлемость

20. Суд считает, что жалоба не является явно необоснованной в рамках значения пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд далее отмечает, что не видит других оснований для признания жалобы неприемлемой. Следовательно, Суд объявляет жалобу приемлемой.

В. Существо жалобы

1. Объяснения сторон

21. Правительство считало, что вмешательство в осуществление заявителем его права на свободу выражения мнения было предусмотрено законом, а именно статьей 152 Гражданского кодекса РФ. Вмешательство преследовало законную цель - защитить репутацию других людей, в частности прокурора Б., и было необходимым в демократическом обществе. Правительство ссылалось на постановление районного суда, в котором указывалось, что заявитель не смог доказать достоверность распространенных им сведений. Наказание, которое было назначено заявителю, не было суровым.

22. Заявитель поддержал свою жалобу. Он утверждал, что отрывок из рассматриваемой статьи выражал лишь его личное мнение, основанное на известных ему фактах, касающихся политической обстановки в области. Вынося решение по иску г-на Б. о защите чести и достоинства, районный суд не стал разграничивать оценочные суждения и утверждения о фактах. Суд не придал значения заключению группы экспертов, которые пришли к выводу, что рассматриваемый отрывок выражал личное мнение заявителя, и вынес несправедливое решение при рассмотрении настоящего спора. Действуя в соответствии с положениями пункта 2 статьи 10 Конвенции, заявитель в своей статье обсуждал вопросы, представляющие общественный интерес и касающиеся взаимодействия политических групп в области, и выразил критику в адрес работы областного прокурора. Национальные суды не обосновали, почему ими было отдано предпочтение защите личных неимущественных прав областного прокурора, а не праву заявителя на свободу выражения мнения и интересу общественности в получении

информации. Как не было продемонстрировано и то, какое негативное влияние оказали распространенные заявителем суждения на профессиональную карьеру г-на Б. Напротив, г-н Б. был впоследствии повышен до должности заместителя генерального прокурора РФ в Дальневосточном округе. В целом, заявитель настаивал, что вмешательство российских властей в осуществление им своего права на свободу выражения мнения не преследовало законную цель, не было необходимым в демократическом обществе, и шло вразрез с пунктом 2 статьи 10 Конвенции.

2. Оценка Суда

23. Суд отмечает, что у сторон не вызывает разногласий тот факт, что вынесенные по делу о защите чести и достоинства постановления представляли собой вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения, охраняемого пунктом 1 статьи 10 Конвенции. Сторонами также не оспаривается, что вмешательство было предусмотрено законом, а именно, статьей 152 Гражданского кодекса РФ. Суд также принимает довод Правительства, что вмешательство преследовало законную цель защитить репутацию и права областного прокурора Б. с тем, чтобы он мог выполнять свою работу без ненадлежащих помех. Следовательно, остается установить, является ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе».

24. Основные принципы, касающиеся этого вопроса, четко установлены в практике Суда, и могут быть кратко изложены следующим образом (см., к примеру, постановление по делу *Хертель против Швейцарии (Hertel v. Switzerland)*, 25 августа 1998 года, § 46, Reports 1998-VI):

«(i) Свобода выражения мнения, как предусматривает пункт 1 статьи 10, является одной из фундаментальных основ демократического общества и одним из основных условий его развития и самореализации каждой личности. Как отмечено в пункте 2, она применима не только по отношению к «информации» или «идеям», которые благоприятно воспринимаются в обществе, либо рассматриваются как безобидные или нейтральные, но также и в отношении тех, которые шокируют, оскорбляют или вызывают беспокойство; таковы требования терпимости, плюрализма и широты взглядов, без которых нет «демократического общества». Как указано в статье 10, осуществление этой свободы предполагает

ограничения, которые ... «должны трактоваться узко, и их необходимость должна быть убедительно доказана ...».

(ii) Как следует из смысла пункта 2 статьи 10, прилагательное «необходимый» предполагает существование «насуущной общественной потребности». Договаривающимся государствам представлены определенные пределы усмотрения в оценке того, существует ли подобная потребность, но в то же время это идет рука об руку с европейским надзором за законодательством и практикой его применения, включая решения, вынесенные независимыми судами. Таким образом, Европейский Суд уполномочен выносить окончательное решение по вопросу о том, насколько «ограничение» совместимо со свободой выражения мнения в том виде, как она защищается статьей 10.

(iii) Задача Суда при осуществлении его контрольной функции состоит не в том, чтобы подменять собой национальные органы власти, а скорее в том, чтобы проверить в свете статьи 10 и обстоятельств всего дела, вынесенные национальными судами решения, которые последние выносят, используя свое право на свободу усмотрения. В частности, Суд должен установить, было ли рассматриваемое вмешательство «пропорционально преследуемым законным целям», и были ли причины, указанные органами федеральной власти в его оправдание «убедительными и достаточными». Осуществляя эту функцию, Суд должен убедиться в том, что органы государственной власти применяли стандарты, отвечающие принципам, изложенным в статье 10, и, более того, что в основе их решений лежит допустимая оценка соответствующих фактов ...».

25. При изучении конкретных обстоятельств дела, Суду необходимо взвесить ряд факторов, чтобы определить пропорциональность оспариваемой меры. Во-первых, Суд отмечает, что заявитель был журналистом. В этой связи, Суд напоминает, что пресса играет важную роль в демократическом обществе. Хотя пресса и не должна преступать установленных границ, особенно в отношении репутации и прав других лиц, тем не менее, ее долг состоит в том, чтобы сообщать любым способом, который не противоречит ее обязанностям и ответственности, - информацию и идеи по всем вопросам, представляющим общественный интерес (см. постановление по делу *Де Хаес и Гийселс против Бельгии (De Haes and Gijssels v. Belgium)* от

24 февраля 1997 года, § 37, Reports 1997-I, и постановление по делу *Бладет Тромсе и Стенсаас против Норвегии (Bladet Framst Stensaas v. Norway)* [GC], № 21980/93, § 59, ECHR 1999-III). Журналистская свобода также охватывает возможное обращение к некоторой степени преувеличения или даже провокации (см. постановление по делу *Прагер и Обершлик против Австрии (№ 1) (Prager and Oberschlick v. Austria (no. 1))* от 26 апреля 1995 года, § 38, Series A no. 313).

26. Суд также принимает во внимание тот факт, что оспариваемая статья была опубликована в начале 2003 года и содержала обзор политической обстановки в регионе, суммируя политические события ушедшего года. В статье приводились комментарии взаимодействия политических сил, и упоминалась роль, которую в нем играли известные политики и должностные лица. По мнению Суда, статья затрагивала важные вопросы, и заявитель был вправе привлекать внимание общественности к этим вопросам через публикации в прессе.

27. Далее Суд отмечает, что в рассматриваемом отрывке критика заявителя относилась к областному прокурору Б., который, будучи должностным лицом, вносящим свою лепту в обеспечение надлежащего отправления правосудия, должен пользоваться доверием общественности и быть защищен государством от необоснованных обвинений (см. постановление по делу *Лешиник против Словакии (Lešník v. Slovakia)*, № 35640/97, §§ 54-55 *in fine*, ECHR 2003-IV). Тем не менее, Суд повторяет, что границы допустимой критики в отношении должностных лиц, обладающих властью, шире, чем в отношении частных лиц, и рамки свободы усмотрения национальных властей касательно защиты их репутации должны быть соотнесены с интересами демократического общества в обеспечении и поддержании свободы прессы.

28. Соответственно, национальные власти должны были установить должный баланс между правом журналиста на свободу выражения мнения, с одной стороны, и правом областного прокурора на защиту своей репутации, с другой. Однако в тексте решений, принятых национальными судами, Суд не углядывает каких-либо свидетельств того, что они пытались установить такой баланс. В своем анализе власти ограничились важностью защитить интересы прокурора без принятия во внимание стандарта, требующего, в соответствии с

Конвенцией, веских причин для обоснования ограничения обсуждения в прессе вопросов, представляющих общественный интерес (см., среди других, постановление по делу *Годлевский против России (Godlevskiy v. Russia)*, № 14888/03, § 41, от 23 октября 2008 года). Соответственно, Суд находит, что национальные суды не смогли установить, что настоящее дело затрагивает конфликт между правом на свободу выражения мнения и правом на защиту репутации.

29. Что касается причин, которые привели национальные суды в обоснование вмешательства в право заявителя на свободу выражения мнения, Суд отмечает, что суды не приняли довод заявителя о том, что оспариваемый отрывок представлял собой оценочное суждение, считая его утверждением о факте, сделанным заявителем, который давал понять, что г-н Б. совершал противоправные действия, что заявитель не смог доказать. Отклонив довод заявителя, национальные суды не стали изучать вопрос, являлся ли отрывок выражением оценочного мнения. Они также не привели никаких объективных доказательств, свидетельствующих либо о достоверности, либо о недостоверности оспариваемого отрывка. В этой связи Суд отмечает, что во многих случаях оценить, является ли конкретная фраза оценочным суждением или утверждением о факте, может быть достаточно сложно. Однако в соответствии с установленной практикой Суда даже оценочное суждение может иметь под собой достаточную фактическую основу, чтобы являться справедливым комментарием в соответствии со статьей 10 Конвенции (см., например, постановление по делу «*Шарзах и Ньюс Ферлагсгезельшафт*» против Австрии» (*Scharsach and News Verlagsgesellschaft v. Austria*), № 39394/98, § 40 *in fine*, ECHR 2003-XI).

30. В рассматриваемом отрывке заявитель предположил наличие политического союза между городской администрацией и областной прокуратурой. Он сделал данный вывод на основании ряда фактов, таких как возбуждение и исход уголовных дел в отношении некоторых политиков, передача мебели и транспортных средств прокуратуре, и долгосрочная аренда земли областным прокурором, предоставленная на льготных условиях. Суд отмечает, что достоверность всех соображений, которые легли в основу сведений, распространенных заявителем, была подтверждена в ходе судебного разбирательства в национальных судах. Уголовные дела были действительно возбуждены в отношении некоторых членов областного правительства, депутата городского законодательного органа К. Г-н Б.

действительно получил кусок земли на условиях, указанных заявителем, и городская администрация г. Саратова действительно предоставила в пользование прокуратуры автомобиль марки «Хендай», а также шесть столов и девять шкафов для хранения документов (см. пункт 11). Следовательно, Суд убежден, что предположение заявителя о том, что «привилегии» для прокуратуры и самого прокурора не были случайными, имело достаточное фактическое основание. Оснований для других выводов нет, кроме тех, что предположение заявителя было сделано без злого умысла и с законной целью содействовать информированию общественности о политической ситуации в области и роли в ней областного прокурора.

31. Суд считает, что намекая на «благодарность» областному прокурору со стороны городской администрации, заявитель высказал оценочное суждение, достоверность или ложность которого не подлежит доказыванию. Соответственно, национальные суды возложили на заявителя чрезмерное бремя, требуя доказать достоверность мнения.

32. В заключение, Суд отмечает, что в рассматриваемом отрывке заявитель не прибегал к оскорбительным и несдержанным формулировкам. Возможно, что использованные фразы граничили с преувеличением и провокацией, но, учитывая цель публикации и реакцию, на которую она была направлена, Суд приходит к мнению, что использованные формулировки нельзя считать чрезмерно резкими.

33. В свете вышеизложенного, Суд считает, что национальные власти преступили границы свободы усмотрения, признав заявителя виновным в диффамации. Они не представили «веских» причин в обоснование рассматриваемого вмешательства. Тот факт, что дело рассматривалось в порядке гражданского, а не уголовного, судопроизводства и что окончательная сумма компенсации морального вреда была незначительной, не оправдывают то, что принципы, использованные российскими судами, противоречили принципам, установленным статьёй 10 Конвенции. Следовательно, вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения было непропорциональным преследуемой цели и не было «необходимым в демократическом обществе».

34. Таким образом, имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

II. Предполагаемое нарушение статьи 6 Конвенции

35. Заявитель подал жалобу в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции, утверждая, что районный суд вышел за рамки требований г-на Б. и не разрешил спор о защите чести и достоинства в соответствии с гарантиями справедливости, предусмотренными в пункте 1 статьи 6 Конвенции.

36. Однако изучив все представленные материалы, Суд не находит свидетельств нарушения данной статьи. Отсюда следует, что эта часть жалобы должна быть отклонена как необоснованная в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

III. Применение статьи 41 Конвенции

37. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протокола к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне ...».

A. Ущерб

38. Заявитель требовал 150 евро в качестве компенсации материального ущерба, что соответствует сумме, которую заявитель уплатил г-ну Б. по решению российских судов и 5 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

39. Правительство сочло разумной сумму компенсации материального ущерба, заявленную заявителем. Правительство отметило, тем не менее, что эта сумма может быть выплачена заявителю после предоставления доказательств того, что он фактически заплатил указанную сумму г-ну Б. Что касается требования заявителя в части компенсации морального вреда, Правительство считало заявленную сумму чрезмерной и предложило, что признание нарушения будет являться достаточной справедливой компенсацией.

40. Суд отмечает, что требование заявителя о компенсации материального ущерба прямо вытекает из постановлений, принятых национальными судами, которые Суд счел противоречащими статье 10 Конвенции. Соответственно, Суд удовлетворяет требование заявителя в части компенсации материального ущерба в размере 150 евро. Далее, Суд считает, что моральный вред, причиненный заявителю, не может быть возмещен в должной степени лишь признанием самого факта нарушения его права. Сделав объективную оценку, Суд присуждает заявителю 1 000 евро плюс налоги, взимаемые с этой суммы.

В. Судебные расходы и издержки

41. Заявитель не требовал возмещения судебных расходов и издержек. Следовательно, Суд не видит необходимости назначать ему какую-либо сумму по данному пункту.

С. Процентная ставка

42. Суд считает справедливым, что процентная ставка должна соответствовать предельной процентной ставке Европейского центрального банка с добавлением трех процентных пунктов.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявляет* жалобу в части вмешательства в право заявителя на свободу выражения мнения приемлемой, а в остальной части - неприемлемой;

2. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;

3. *Постановляет*:

(а) что государство-ответчик обязано выплатить заявителю, в течение трех месяцев с момента окончательного вступления данного решения в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции следующие суммы с последующим их пересчетом в валюту Государства-ответчика по курсу, действующему на момент расчета:

(i) 150 (сто пятьдесят) евро в качестве возмещения материального ущерба;

(ii) 1000 (одну тысячу) евро в качестве компенсации морального вреда;

- (iii) сумму любого налога, которым могут облагаться суммы, указанные выше;
 - (b) на указанную сумму начисляется простой процент в размере 3% годовых, который подлежит уплате по прошествии вышеупомянутого трехмесячного срока вплоть до погашения задолженности;
4. *Отклоняет* остальную часть требования заявителя о справедливой компенсации.

Выполнено на английском языке, представлено в письменной форме 3 декабря 2009 года, в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Кристос Розакис
Сорен Нильсен

Председатель Суда
Секретарь Секции Суда

**© Центр Защиты Прав СМИ,
перевод с английского, 2009**

Краткое изложение дела

ДЕЛО «КУДЕШКИНА ПРОТИВ РОССИИ» (Kudeshkina v. Russian Federation)

(жалоба № 29492/05)

Постановление Суда

Страсбург, 26 февраля 2009 года

Суть принятого решения: В отношении заявителя имело место нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод); четыре голоса против трех.

Краткое изложение обстоятельств дела:

Заявитель занимала должность судьи в Мосгорсуде. В июне 2003 года заявитель в качестве судьи с участием двух народных заседателей начала рассмотрение уголовного дела, касавшегося превышения служебных полномочий следователем милиции, г-ном Зайцевым. Ему было предъявлено обвинение в проведении незаконных обысков в рамках расследования дела о крупномасштабном таможенном и финансовом мошенничестве с участием группы компаний и, предположительно, некоторых высокопоставленных государственных служащих.

При рассмотрении данного дела прокурор первоначально заявил отвод заявителю на основании предвзятости, который был отклонен народными заседателями. Вслед за этим прокурор заявил отвод заседателям и он был отклонен. В тот же день прокурор заявил повторный отвод заседателям. Через пару дней народные заседатели заявили ходатайства о самоотводе. Заявитель разрешила самоотвод заседателей.

По словам заявителя, председатель Мосгорсуда Егорова вызвала ее в кабинет, задавая вопросы относительно происходящего на слушании и решений по вышеупомянутым ходатайствам, и на следующий день после самоотвода заседателей отстранила ее от участия в деле.

В октябре 2003 года заявитель выдвинула свою кандидатуру на всеобщих выборах в Государственную Думу РФ. Ее предвыборная кампания включала в себя программу судебной реформы. Полномочия судьи на время предвыборной кампании были приостановлены.

1 декабря 2003 года Заявитель дала интервью на радиостанции «Эхо Москвы», в ходе которого подвергла резкой критике существующую судебную систему и рассказала о некоторых фактах давления на суд, приводя конкретные примеры находящихся в ее рассмотрении дел, в том числе и дело Зайцева. 4 декабря 2003 года две газеты – «Новая газета» и «Известия» – опубликовали интервью с заявителем.

На выборах заявитель не была избрана и с 8 декабря судебные полномочия заявителя были восстановлены.

2 декабря 2003 года заявитель обратилась в Высшую квалификационную коллегию судей, требуя привлечения председателя Мосгорсуда Егоровой к дисциплинарной ответственности за оказание незаконного давления на нее при рассмотрении уголовного дела в отношении Зайцева.

Оба народных заседателя и секретарь направили письма в Высшую квалификационную коллегию судей в поддержку заявителя.

Рассматривая обвинения в отношении Егоровой, квалификационная коллегия судей пришла к выводу, что заявитель сама обращалась к Егоровой за советом, разговоры происходили наедине, поэтому невозможно установить их содержание, а также то, что дело Зайцева было передано другому судье ввиду непоследовательных процессуальных действий заявителя.

На этом основании Верховный суд решил не привлекать Егорову к дисциплинарной ответственности, о чем было сообщено заявителю.

В то же время, до того, как Заявитель была восстановлена в своих судебных полномочиях, председатель Совета судей г. Москвы начал процедуру прекращения полномочий заявителя в качестве судьи. Он обратился в квалификационную коллегию судей г. Москвы, утверждая, что во время своей предвыборной кампании заявитель вела себя в манере несовместимой с авторитетом и званием судьи. Он

заявил, что в своих интервью она намеренно оскорбляла судебную систему и отдельных судей, а также делала ложные высказывания, которые могли ввести в заблуждение общественность и подорвать авторитет правосудия.

19 мая 2004 года квалификационная коллегия судей г. Москвы рассмотрела обращение Совета судей г. Москвы и пришла к выводу о том, что заявитель совершила дисциплинарное правонарушение и, что ее полномочия судьи будут прекращены в соответствии с законом «О статусе судей в РФ».

Заявитель оспорила решение квалификационной коллегии судей г. Москвы в Мосгорсуд, который оставил решение в силе.

Заявитель подала жалобу в Верховный Суд. Верховный Суд РФ, вынося постановление в качестве последней инстанции, оставил в силе первоначальные решения по тем же основаниям, что и нижестоящие инстанции.

Оценка Европейского Суда:

И Суд, и стороны согласились с тем, что дисциплинарное наказание, наложенное на заявителя, явилось вмешательством в осуществление права, гарантированного статьей 10 Конвенции.

Заявитель оспаривала то, что дисциплинарное наказание было «предписано законом», и что оно преследовало законную цель. Суд не согласился с этим и счел необходимым рассмотреть главным образом вопрос о том, было ли вмешательство «необходимо в демократическом обществе».

Суд отметил, что государственные служащие имеют право на свободное выражение мнения, однако они также имеют перед своим работодателем долг лояльности, сдержанности и осмотрительности (п. 85):

«Это особенно справедливо в случае с госслужащими, поскольку сам характер государственной службы предполагает, что госслужащий связан долгом лояльности и осмотрительности. ... По этой причине раскрытие госслужащими информации, полученной в ходе работы, даже

по социально значимым вопросам, следует рассматривать с поправкой на существование их долга сохранять лояльность и осмотрительность».

Суд отметил особую роль судебной системы в обществе (п. 86):

«Суд напоминает, что вопросы, касающиеся функционирования системы правосудия, являются вопросами, вызывающими интерес общественности, обсуждение которых требует защиты со стороны статьи 10. Однако Суд неоднократно подчеркивал особую роль судебной системы в обществе, которая, будучи гарантом справедливости и основополагающей ценностью в государстве, управляемом законом, должна пользоваться доверием общества для успешного выполнения своих функций. Поэтому может возникать необходимость защитить это доверие от разрушительных и, в сущности, необоснованных нападков, особенно в виду того обстоятельства, что судьи, ставшие объектом критики, связаны долгом осмотрительности, который заставляет их воздерживаться от ответа. ... Фраза «авторитет правосудия» предполагает, в частности, что суды являются и воспринимаются широкой общественностью как надлежащее место для разрешения правовых споров и определения виновности или невиновности человека, которому предъявлено уголовное обвинение. ... Главное, что необходимо сохранить для обеспечения авторитета правосудия - это доверие, которое суды в демократическом обществе должны внушать обвиняемым при рассмотрении уголовных дел, равно как и всей широкой общественности. ... По этой причине Суд считает обязательным для госслужащих, работающих в судебной сфере, чтобы они демонстрировали сдержанность при осуществлении своей свободы выражения мнения во всех делах, где авторитет и беспристрастность правосудия могут быть поставлены под вопрос».

При этом Суд указал и на значимость политической дискуссии в период выборов.

Относительно высказываний заявителя об уголовном деле Суд отметил, что национальные власти не ссылались на какие-либо

конкретные высказывания. В этой связи Суд оценивал фактологические основания высказываний.

Применительно к высказываниям заявителя о том, что она во время разбирательства была вызвана председателем Егоровой, Суд указал, что они были достаточно фактологически обоснованы. Ссылка Правительства на служебную проверку и на неправильные процессуальные действия заявителя в ходе рассмотрения дела, по мнению Суда, является необоснованной.

Суд также расценил высказывания заявителя как представляющие общественный интерес:

«Суд отмечает, что Заявитель публично высказала критику по весьма деликатному вопросу, а именно поведению различных официальных лиц в связи с широкомасштабным делом о коррупции, в слушании которого она участвовала в качестве судьи. Действительно в своих интервью она ссылалась приводящие в замешательство факты о состоянии дел, и утверждала, что примеры давления на судей встречались повсеместно и, что эта проблема требует серьезного внимания для обеспечения независимости судебной системы и сохранения общественного доверия к ней. Нет сомнений в том, что, действуя таким образом, она подняла значимую тему, имеющую общественный интерес. В демократическом обществе всегда должна сохраняться возможность открытого обсуждения подобных тем. Ее решение сделать эту информацию публичной было основано на ее личном опыте, и было принято только после того, как она была лишена возможности участвовать в судебном разбирательстве в своем официальном качестве».

Суд оценил наложенное на заявителя дисциплинарное наказание как чрезмерно суровое, и которое несомненно может в будущем повлиять на желание других судей критически высказываться о государственных учреждениях или их деятельности из страха потерять судейские полномочия, а также принять участие в общественной дискуссии об эффективности судебных органов (так называемый «охлаждающий эффект») (п. 98-100).

В свете всего вышеизложенного Суд постановил, что «*национальным органам власти не удалось соблюсти верный баланс между необходимостью защитить авторитет правосудия и репутацию или права других лиц, с одной стороны, и необходимостью защитить право Заявителя на свободное выражения мнения, с другой стороны*».

В итоге Суд пришел к выводу, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

© Центр Защиты Прав СМИ, 2010

ДЕЛО «КУДЕШКИНА ПРОТИВ РОССИИ»

(Kudeshkina v. Russian Federation)

(жалоба № 29492/05)

Постановление Суда

Страсбург, 26 февраля 2009 года

По делу «Кудешкина против России» Европейский Суд по правам человека (Первая секция), заседая Палатой, в состав которой вошли:

г-н Кростос Розакис, *Председатель*,

г-жа Нина Вайич,

г-н Анатолий Ковлер,

г-жа Элизабет Штайнер,

г-н Дин Шпильманн,

г-н Джордж Николау,

г-н Джорджио Малинверни, *судьи*,

а также Сорен Нильсен, *Секретарь Секции*,

Проведя 5 февраля 2009 года закрытое заседание,

Вынес следующее постановление, принятое в указанный выше день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было начато после подачи жалобы (№29492/05) в отношении РФ в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - «Конвенция») российской гражданкой г-жой Ольгой Борисовной Кудешкиной (далее - «Заявитель»), 12 июля 2005 года.

2. Интересы Заявителя представляли г-жа К. Москаленко, г-жа А. Паничева и г-жа М. Воскобитова, юристы, практикующие в Страсбурге и Москве. Российское Правительство (далее -

«Правительство») было представлено г-ном П. Лаптевым и г-жой В. Милинчук, бывшими представителями Российской Федерации в Европейском Суде по правам человека.

3. Заявитель утверждала, что ее увольнение из судебного органа вследствие критических высказываний, сделанных ею в СМИ, нарушило ее право на свободное выражение мнения, гарантированное в статье 10 Конвенции.

4. Решением от 28 февраля 2008 года, Суд объявил жалобу приемлемой.

5. Правительство подало письменные замечания (пункт 1 Правила 59). Заявитель этого не сделала.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

6. Заявитель родилась в 1951 году и живет в Москве. Ко времени происшедших событий, она работала судьей 18 лет.

7. С 6 ноября 2000 года Заявитель занимала судебную должность в Мосгорсуде.

A. Участие Заявителя в уголовном деле в отношении г-на Зайцева

8. В 2003 года Заявитель была назначена участвовать в слушании уголовного дела, касавшегося превышения служебных полномочий следователем милиции, г-ном Зайцевым. Ему было предъявлено обвинение в проведении незаконных обысков в рамках расследования дела о крупномасштабном таможенном и финансовом мошенничестве с участием группы компаний и, предположительно, некоторых высокопоставленных государственных служащих.

9. В июне 2003 года суд в составе Заявителя в качестве судьи и двух народных заседателей, г-жи И. и г-жи Д. начали рассмотрение этого дела. Во время слушания 26 июня 2003 года суд предоставил прокурору возможность представить доказательства в пользу обвинения. Тот заявил, что суд не обеспечил явку свидетелей

обвинения и заявил протест в отношении порядка ведения процесса. На следующий день, в пятницу 27 июня 2003 года, он заявил отвод Заявителю в качестве судьи на основании предвзятости, которую она якобы продемонстрировала при допросе одного из потерпевших. Другие участники процесса, включая упомянутого потерпевшего, возражали против удовлетворения отвода. В тот же день народные заседатели отклонили отвод, вслед за чем прокурор заявил отвод обоим народным заседателям. Участники процесса не согласились с отводом, и он был отклонен. В тот же день, прокурор заявил новый отвод народным заседателям на основании их предвзятости, также отклоненный Заявителем в тот же день.

10. В понедельник 30 июня 2003 года оба народных заседателя заявили ходатайства о самоотводе по данному делу.

11. 1 июля 2003 года прокурор заявил, что протокол слушания ведется неверно, и заявил ходатайство об ознакомлении с текстом протокола. Суд отказал ему в удовлетворении этого ходатайства на том основании, что ознакомление с протоколом разрешено в течение трех дней после его изготовления.

12. 3 июля 2003 года Заявитель разрешила самоотвод заседателей по следующим основаниям:

«Во время слушания народные заседатели И. и Д. заявили о своем самоотводе на основании того, что они не могли продолжать участвовать в рассмотрении дела из-за предвзятого и некорректного поведения [прокурора] по отношению к ним и по причине неприемлемой атмосферы на слушании, за которую он ответственен, и которая пагубно сказалась на их самочувствии».

13. По словам Заявителя, председатель Мосгорсуда, г-жа Егорова во время этого процесса вызвала Заявителя в свой кабинет, чтобы осведомиться о подробностях этого судебного разбирательства, задавая вопросы относительно происходящего на слушании и решений по вышеупомянутым ходатайствам.

14. Стороны по-разному описывают обстоятельства отстранения Заявителя от участия в данном деле. По словам Заявителя, председатель Мосгорсуда отстранила ее от этого дела 4 июля 2003

года, на следующий день после самоотвода народных заседателей. По мнению Правительства, это дело продолжало числиться за Заявителем до 23 июля 2003 года, когда по решению председателя Мосгорсуда дело было передано на том основании, что она задерживала формирование нового состава суда, и существовал риск дальнейшей задержки в виду ее намерения уйти в очередной ежегодный отпуск с 11 августа по 11 сентября 2003 года, заявление на получение которого было подано 22 июля 2003 года.

15. 23 июля 2003 года председатель Мосгорсуда передала дело судье М.

16. Заявитель участвовала в качестве судьи в еще нескольких других уголовных делах.

В. Предвыборная кампания Заявителя

17. В октябре 2003 года Заявитель выдвинула свою кандидатуру на всеобщих выборах в Государственную Думу РФ. Ее предвыборная кампания включала в себя программу судебной реформы.

18. 29 октября 2003 года Квалификационная Коллегия судей г. Москвы удовлетворила просьбу Заявителя о приостановлении ее судебных полномочий для участия в предвыборной кампании в качестве кандидата.

19. 1 декабря 2003 года Заявитель дала интервью на радиостанции «Эхо Москвы», которое было передано в тот же день. Она сделала следующие высказывания:

«Эхо Москвы» (ЭМ): ... к нам пришли довольно неожиданные новости, сообщения о том, что действующий судья Мосгорсуда подвергла резкой критике существующую судебную систему и рассказала о некоторых фактах давления на суд...

Ольга Кудешкина (ОК): Это действительно так. Годы работы в Мосгорсуде вселили в меня серьезные сомнения в существовании независимости суда в Москве. Случаи, когда по делам, представляющим не только большой общественный интерес, но и по делам, затрагивающим интересы каких-либо

значимых влиятельных лиц или конкретных групп, оказывается на суд давление с целью принятия нужного решения, не так уж редки в Москве.

...

ЭМ: Что ж это было за дело, где Вы столкнулись с таким откровенным и серьезным давлением на Вас?

ОК: Многие, наверное, слышали об уголовном деле по контрабанде мебели, поступавшей в крупные торговые центры г. Москвы. Это "Три кита" и "Гранд". Ущерб от этого преступления, определенный следствием, составил несколько миллионов рублей. Среди тех, кем заинтересовалось следствие, возглавляемое следователем Зайцевым, были личности весьма влиятельные и известные. Это дело получило большой резонанс в связи с тем, что Генеральная прокуратура в срочном порядке изъяла из производства следственного комитета МВД РФ данное уголовное дело, а к уголовной ответственности привлекла следователя Зайцева [обвинив его в превышении служебных полномочий].

ЭМ: И Вы рассматривали дело не мебельных центров, а дело именно этого следователя?

ОК: Да, дело в отношении следователя Зайцева. Первоначально Мосгорсуд, рассмотрев дело, оправдал Зайцева. Более того, суд в приговоре прямо указал, что действия работников самой Генеральной прокуратуры при расследовании данного дела порой не соответствовали закону, а иногда прямо нарушали его. Таким образом, престиж Генеральной прокуратуры в глазах общественности был серьезно подорван...

ЭМ: И решение суда было опротестовано, насколько я помню?

ОК: Да, решение суда было опротестовано. Коллегия Верховного Суда приговор отменила и направила дело в Мосгорсуд на новое судебное рассмотрение.

ЭМ: Это дело получили Вы?

ОК: Да. В своем определении судебная коллегия указала, на что необходимо обратить внимание суду при новом рассмотрении дела.

ЭМ: Насколько я знаю, Вы не смогли довести расследование этого дела до конца? Что случилось?

ОК: Дело без объяснения причин, уже в ходе рассмотрения его, было изъято из моего производства по личному указанию председателя Мосгорсуда Егоровой.

...

ЭМ: Что предшествовало изъятию дела?

ОК: В судебном заседании суд стал исследовать доказательства по делу, представленные обвинением, стал допрашивать потерпевших. Но государственный обвинитель, представитель Генеральной прокуратуры, наверное, счел, что показания потерпевших свидетельствуют не в пользу обвинения. Поэтому он стал делать все, для того чтобы сорвать процесс. С таким поведением прокурора в судебном заседании за 20 лет судебной практики я столкнулась впервые... Он пытался поставить суд в жесткие рамки относительно того, какие вопросы можно задавать потерпевшим, а какие нельзя... Когда же государственный обвинитель понял, что ему не удастся поставить суд в такие жесткие рамки, то он стал безосновательно заявлять отводы мне, народным заседателям, всему составу суда.

...

ЭМ: ... Как обычно поступают судьи в подобной ситуации, когда видят, что представитель той или иной стороны в процессе откровенно нарушает закон? Вы к кому-то можете обратиться за помощью, поддержкой, разъяснениями хотя бы?

ОК: Да, суд... мог обратиться к Генеральному прокурору о замене государственного обвинителя в процессе, указав на его поведение в судебном заседании. Но именно в этот момент меня вызвала к себе в кабинет председатель Мосгорсуда Егорова.

ЭМ: Подождите, а разве председатель Мосгорсуда может вмешиваться в сам ход ведения вами процесса?

ОК: Нет, конечно. Ведь уголовное судопроизводство в России, согласно закону, должно строиться на принципе состязательности сторон, при котором суд не выступает ни на стороне обвинения, ни на стороне защиты... Мне в явной форме дали понять, что в данном случае председатель Мосгорсуда и руководство Генпрокуратуры по данному делу действуют едино, имеют в этом деле общий интерес.

...

ЭМ: ... по Вашему знанию, это случай, скорее, единичный или это широко распространенная практика?

ОК: Нет, насколько мне известно, такие случаи не единичны, когда суд, по существу, превращается в инструмент сведения политических, коммерческих или просто личных счетов. Вся опасность в том, что в такой ситуации никто не может быть застрахован и уверен в том, что его дело, любое, будь то гражданское, административное или уголовное, будет разрешено по закону, а не в угоду кому-либо... Да, я хорошо понимаю, какое заявление я сделала. Но то, о чем я сказала, на самом деле имеет место. Но если все судьи будут молчать об этом, в стране уже в самое ближайшее время может просто наступить судебный беспредел».

20. 4 декабря 2003 года две газеты – «Новая газета» и «Известия» – опубликовали интервью с Заявителем.

21. В соответствующих частях интервью «Новой газете» говорится:

«...За двадцать лет работы в судах...мне приходилось рассматривать самые разные дела: как уголовные, так и

гражданские. Я рассмотрела многие сотни, если не тысячи дел, насмотрелась много чего, судебную систему знаю глубоко и изнутри. Но того, что произошло между мной и Егоровой, я раньше и представить себе не смогла бы. Скажу, что в Сибири суды намного чище, чем в Москве. Там и представить себе нельзя таких грубо заказных дел или таких разговоров о коррупции.

...

Это не просто конфликт, это было беспрецедентное давление на суд. Егорова вызывала меня несколько раз, когда прокуратуре казалось, что слушания движутся не в том направлении, а последний раз — из совещательной комнаты, что вообще неслыханно. Никогда на меня никто так не кричал. Я бы не пошла, если бы знала, зачем она меня вызывает...

Именно в результате конфликта с Егоровой я и решила, если повезет на выборах, сменить профессию. Мне есть, чем заняться в высшем органе законодательной власти: это проблемы правосудия. Я сомневаюсь, чтобы в каком-нибудь из провинциальных судов творились такие же запредельные безобразия, как в Мосгорсуде, но это вопрос степени, а проблемы-то общие.

Судья, именуемый в законе независимым носителем судебной власти, зачастую оказывается в положении обычного чиновника, подчиненного председателю суда. Механизм давления основан на том, что прокурор или другие влиятельные и заинтересованные лица звонят не судье (если только нет каких-то личных связей), а председателю суда. Председатель вызывает судью и начинает сначала мягко, в форме рекомендаций или консультаций, а затем и более жестко убеждать судью принять «правильное», то есть удобное кому-то решение. Судья же зависит от председателя суда в элементарных вопросах получения квартиры или премий, в вопросах распределения дел для слушания. При желании председатель суда всегда найдет в работе судьи такие недостатки (при существующем навале дел нельзя, например, избежать элементарной волокиты), которые

позволят прекратить его полномочия через квалификационную коллегию судей, которую тоже контролируют чиновники от правосудия... реально суд до сих пор чаще всего выступает на стороне обвинения. Суд превращается в инструмент сведения политических, коммерческих или просто личных счетов.

Никто не может быть уверен, что его дело — будь то гражданское, административное или уголовное — будет разрешено по закону, а не в угоду кому-то. Сегодня это следователь Зайцев, расследовавший уголовное дело по контрабанде мебели, а завтра может быть любой из нас...».

В соответствующих частях интервью «Известиям» говорится:

«Известия»: Зачем вы пошли в депутаты?

ОК: Когда смотришь на то, что происходит вокруг, просто поражаешься беззаконию. По отношению к обычному человеку закон соблюдается весьма строго, но совсем не так по отношению к людям, занимающим высокие должности. А ведь они тоже нарушают закон. Я хотела бы участвовать в создании законов, при которых судебная власть действительно была бы независимой....

«Известия»: А как на практике выглядит давление?

ОК: Это такие консультации, деловые советы, обычно, по делам, которые имеют большой общественный резонанс. Иногда это имеет нормальную подоплеку - в рамках ученого спора. Судья говорит свою позицию, зампреда - свою. Сам председатель редко работает напрямую с судьей. В таких совещаниях руководство суда выясняет степень управляемости каждого судьи и в нужный момент знает, кому можно поручить щекотливое дело, а с кем лучше не связываться.

...

«Известия»: В чем конкретно выражалось давление на вас?

ОК: Давление было со стороны государственного обвинителя Шохина. Только задашь потерпевшему вопрос, тут же Шохин заявляет протест. Я за 20 лет работы с таким не сталкивалась. Зайцева обвиняли в превышении служебных полномочий. Он провел обыск без санкции прокурора. Закон допускает это в случаях, не терпящих отлагательств, и следователь в течение 24 часов должен поставить об этом в известность прокуратуру. Прокуратуру Зайцев уведомил, а суду предстояло выяснить, была ли срочная необходимость в обысках. Для этого надо было исследовать дело фирм "Гранд" и "Три кита", торгующих мебелью. Но государственный обвинитель своими постоянными протестами вообще не давал возможности суду коснуться этого дела ...».

22. 7 декабря 2003 года прошли всеобщие выборы. Заявитель не была избрана.

23. 24 декабря 2003 года квалификационная комиссия судей Москвы восстановила судебные полномочия Заявителя, начиная с 8 декабря 2003 года.

С. Жалоба Заявителя на председателя Мосгорсуда

24. 2 декабря 2003 года Заявитель обратилась в Высшую квалификационную коллегия судей со следующей жалобой:

«Я требую привлечения председателя Мосгорсуда, Ольгу Александровну Егорову, к дисциплинарной ответственности за оказание незаконного давления на меня в июне 2003 г., когда я выполняла обязанности председателя на слушании уголовного дела в отношении П. В. Зайцева. Она потребовала от меня отчета по существу разбирательств в то время, когда рассмотрение еще не было закончено, а также сообщения о том, к принятию каких решений склоняется суд; для этого она даже вызвала меня из совещательной комнаты. [Она] настаивала на изъятии определенных документов из материалов дела, принуждала к фальсификации протокола слушания, и также порекомендовала мне предложить народным заседателям не являться на слушание. После моего отказа подчиниться

этому незаконному давлению [она] отстранила меня от разбирательств по делу и передала его другому судье.

Что касается конкретных обстоятельств, они были следующими.

Я была назначена рассматривать дело в отношении Зайцева, и суд, в состав которого входили два народных заседателя, И. и Д., начал слушание.

В начале слушания суд задал вопросы ряду потерпевших. Было ясно, что прокурор, представлявший Генеральную прокуратуру, решил, что эти вопросы не отвечали интересам обвинения, и поэтому делал все возможное, чтобы сорвать слушание. Без каких-либо на то оснований, он заявил отвод мне в качестве судьи, народным заседателям и всему составу суда. Его ходатайства были сделаны в манере унижительной, грубой и оскорбительной для суда, и были абсолютно необоснованны. Вскоре после того, как требование об отводе было отклонено, председатель Мосгорсуда Егорова вызвала меня в свой кабинет.

В нарушение Статьи 120 Конституции и статьи 10 закона «О статусе судей в РФ», председатель Мосгорсуда потребовала от меня объяснения того, почему народные заседатели и я задавали один или другой вопрос пострадавшим в ходе слушания, и почему одно или другое ходатайство сторон было отклонено или принято. В моем присутствии председатель Мосгорсуда разговаривала по телефону с [первым заместителем Генерального прокурора], который составил обвинительный акт в отношении Зайцева. Егорова сообщила [первому заместителю Генерального прокурора], что судья была вызвана для отчета относительно происшедшего на разбирательствах.

Вернувшись в свой кабинет, я рассказала народным заседателям о том, что произошло. К этому времени они уже были в отчаянии из-за повторявшихся безосновательных возражений и оскорбительных выпадов в их адрес со стороны прокурора, и поэтому они считали невозможным продолжение своего участия в разбирательствах. Одному из

народных заседателей, 2-же И., пришлось обратиться за медицинской помощью. По этим причинам они приняли решение о самоотводе, откровенно изложив в соответствующем ходатайстве, что причиной их самоотвода было давление, оказанное на них представителем Генеральной прокуратуры.

На следующем заседании народные заседатели заявили о своем самоотводе по вышеуказанным основаниям. Соответствующие письменные ходатайства были переданы мне для приобщения к материалам дела, и суд удалился в совещательную комнату.

Я вновь была вызвана из совещательной комнаты председателем Мосгорсуда, Егоровой. На этот раз она потребовала, чтобы я объяснила, что мы делали в совещательной комнате, и какие решения мы собирались принять. Главным ее требованием было, чтобы в письменных ходатайствах народных заседателей не должно быть указано, что основанием для их самоотвода было давление на суд. Председатель Мосгорсуда также настаивала на изъятии из протокола судебного заседания любого упоминания о поведении прокурора, которое заседатели восприняли как давление. По сути, Егорова вынуждала меня сфальсифицировать материалы дела. К тому же, она предложила мне сделать так, чтобы заседатели не явились на слушание, буквально сказав «попросите их больше не приходить в суд». Цель была очевидна – если заседатели не являются, то и само слушание становится невозможным. Создавалось впечатление, что по какой-то причине [она] не хотела, чтобы рассмотрение дела продолжалось этим составом суда. Произвол действий председателя Мосгорсуда был очевиден.

Я не выполнила ни одного из ее указаний. Ходатайства народных заседателей были приобщены к материалам дела, суд удовлетворил их самоотвод, указав, что причиной этому было давление, оказанное Генеральной прокуратурой. В протоколе судебного заседания было отражено все, что произошло на судебном заседании.

После того, как я поставила подпись [под протоколом], Егорова изъяла это дело из моего производства и передала его другому судье без указания причин.

Я считаю, что такие действия председателя Мосгорсуда, Ольги Александровны Егоровой, несовместимы со статусом судьи и подрывают авторитет правосудия, и, таким образом, разрушительны для судебной системы, за которую она призвана нести ответственность. Таково требование, с которым я обращаюсь в Высшую квалификационную коллегия судей РФ».

25. 15 декабря 2003 года г-жа Д., один из народных заседателей, которая, 3 июля 2003 года, заявила о самоотводе при рассмотрении уголовного дела в отношении г-на Зайцева, направила письмо в Высшую квалификационную коллегия судей в поддержку Заявителя:

«В связи с публикацией интервью с судьей Кудешкиной ... я решила написать вам, потому что я принимала участие в деле Зайцева в качестве народного заседателя.

Я полностью поддерживаю все сказанное судьей Кудешкиной в этом интервью.

Во время слушания [прокурор] делал все для того, чтобы помешать суду рассматривать это дело. Он был груб и агрессивен по отношению к суду; в своих высказываниях и требованиях он намеренно искажал происходившее в судебном заседании, и многократно заявлял отводы составу суда. Эти ходатайства были облечены в унижительную, даже оскорбительную манеру. Делая это, он оказывал давление на суд, чтобы принудить его к принятию постановления, которое было угодно ему, либо, как альтернатива, сорвать слушание.

Я была этим потрясена, но каково было мое удивление, когда я узнала о давлении, которое председатель суда также оказывала на судью Кудешкину!

Мы, заседатели, были там когда, во время перерыва, судья Кудешкина получила телефонный звонок от председателя

суда с требованием прийти к ней. Через некоторое время судья Кудешикина вернулась. Она была расстроена и подавлена. На наш вопрос она ответила, что председатель суда Егорова обвинила ее в том, что суд не желает рассматривать это дело; что народные заседатели задавали потерпевшим неправильные вопросы; и, что она предложила судье Кудешикиной организовать неявку народных заседателей на заседание суда.

... На следующее утро ... г-жа И. и я решили заявить о самоотводе.

В начале слушания в тот день прокурор, перед представлением доказательств, заявил ходатайство, в котором он, по сути, вновь унизил и оскорбил меня, повторив замечание, которое высказал потерпевший вне зала суда обо мне ... он не отреагировал на замечание судьи.

После этого... я заявила о самоотводе в связи с грубым и оскорбительным поведением прокурора, которое нельзя расценивать иначе, как давление на суд. Тогда г-жа И. также взяла самоотвод.

До этого слушания я никогда не встречалась ни с кем [из участников разбирательства]: ни с судьей, ни с Зайцевым, ни с прокурором, ни с адвокатом; у меня не было никакой личной заинтересованности в этом деле. Поэтому поведение прокурора было необъяснимым и шокирующим для меня.

Около 6 часов вечера судья Кудешикина была вызвана из совещательной комнаты, где суд принимал решение. Ее вызвала к себе председатель суда...

На следующий день ... судья Кудешикина рассказала нам, что председатель суда накричала на нее, требуя, чтобы она не приобщала заявления [заседателей] о самоотводе к материалам дела и не упоминала о причине самоотвода в решении суда.

Г-жа И. и я были шокированы происходящим. Во-первых, прокурор, оказывавший давление на нас во время слушания, а

затем выяснилось, что и [председатель суда] присоединилась к этому.

Каково же было мое удивление, когда [заместитель председателя суда] зашла в совещательную комнату и начала убеждать меня и г-жу И. не ссылаться на поведение прокурора в решении суда, а указать в наших заявлениях и решении суда, что мы взяли самоотвод по медицинским показаниям. Она сказала, что они будут приглашать меня и г-жу И. принимать участие в других процессах.

Г-жа И. и я отказались изменить текст своих заявлений, и после того, как заместитель председателя ушла, суд сформулировал определение [об удовлетворении самоотвода], которое отражало то, что произошло.

Я была народным заседателем и раньше в нескольких других процессах, но впервые я столкнулась с таким давлением на суд.

Я прошу вас изучить вышеупомянутые события и принять меры в отношении [председателя суда и ее заместителя]».

26. 16 декабря 2003 года другой народный заседатель, заявившая о самоотводе, г-жа И., направила подобное же письмо в Высшую квалификационную коллегия судей.

27. Аналогичное заявление было направлено и г-жой Т., секретарем суда, председателю Верховного Суда РФ. Она сообщала о своем участии в деле Зайцева и свидетельствовала, что председатель суда действительно неоднократно вызывала Заявителя, которая была сильно расстроена вторжением в ход разбирательств. Она также жаловалась на неприемлемое поведение прокурора, который, по ее мнению, вынудил народных заседателей взять самоотвод.

28. После направления Заявителем жалобы от 2 декабря 2003 года, Высшая квалификационная коллегия судей назначила г-на С., судью Арбитражного Суда г. Москвы, рассмотреть обвинения в отношении г-жи Егоровой.

29. Государство-ответчик представило копию заключения, подготовленного г-ном С. и переданного в Высшую квалификационную коллегия судей. Заключение содержало следующие выводы:

– во время слушания уголовного дела в отношении Зайцева сама Заявитель обращалась к г-же Егоровой за советом относительно проведения слушания в виду поведения прокурора;

– остальные разговоры между Заявителем и г-жой Егоровой и, заместителем председателя суда, происходили наедине и установить их содержание невозможно;

– не было достаточных доказательств того, что г-жа Егорова оказывала давление на Заявителя, поскольку и г-жа Егорова и заместитель председателя суда обвинения отрицали его;

– Г-жа Егорова передала материалы уголовного дела в отношении Зайцева другому судье на том основании, что г-жа Кудешкина «была неспособна вести судебное слушание, ее процессуальные действия были непоследовательны, [она действовала] в нарушение принципа состязательности и равенства сторон, она высказала свое мнение по рассматриваемому делу до окончания процесса и делала попытки получить консультации у председателя суда по данному делу, а также в виду наличия оперативной информации соответствующих правоохранительных органов, переданной председателю Мосгорсуда в отношении судьи Кудешкиной, в связи с рассмотрением дела Зайцева и других уголовных дел».

30. 11 мая 2004 года Высшая квалификационная коллегия судей доложила председателю Верховного Суда о своих выводах относительно жалобы на г-жу Егорову. Он принял решение, не указывая каких-либо причин, что оснований для привлечения г-жи Егоровой к дисциплинарной ответственности нет.

31. 17 мая 2004 года Высшая квалификационная коллегия судей решила не возбуждать дисциплинарного разбирательства в отношении г-жи Егоровой. Копия этого решения так и не была предоставлена суду. В тот же день Заявитель была извещена письмом о том, что ее жалоба в отношении председателя суда была рассмотрена

и, что дальнейшие действия в связи с этой жалобой не представлялись необходимыми.

D. Увольнение Заявителя

32. В то же время, до того, как Заявитель была восстановлена в своих судебных полномочиях, председатель Совета судей г. Москвы начал процедуру прекращения полномочий Заявителя в качестве судьи. Он обратился в квалификационную коллегия судей г. Москвы, утверждая, что во время своей предвыборной кампании Заявитель вела себя в манере несовместимой с авторитетом и званием судьи. Он заявил, что в своих интервью она намеренно оскорбляла судебную систему и отдельных судей, а также делала ложные высказывания, которые могли ввести в заблуждение общественность и подорвать авторитет правосудия. Заявитель представила свои возражения.

33. Заседание квалификационной коллегии судей г. Москвы было назначено на 24 марта 2004 года, но было отложено до 31 марта 2004 года, по просьбе Заявителя, в связи с плохим самочувствием. Затем оно было отложено вновь до 14 апреля 2004 года в связи с неявкой Заявителя, затем до 28 апреля 2004 года, 12 мая 2004 года и, наконец, 19 мая 2004 года.

34. 19 мая 2004 года квалификационная коллегия судей г. Москвы рассмотрела обращение Совета судей г. Москвы. Заявитель не присутствовала на разбирательствах, предположительно без веских причин. Квалификационная коллегия судей Москвы пришла к выводу о том, что Заявитель совершила дисциплинарное правонарушение и, что ее полномочия судьи будут прекращены в соответствии с законом «О статусе судей в РФ». В соответствующих частях решения говорится следующее:

«Во время своей предвыборной кампании, для того чтобы добиться известности и популярности у избирателей, судья Кудешкина умышленно распространяла вводящие в заблуждение, сфальсифицированные и оскорбительные представления о судьях и судебной системе РФ, умаляя авторитет правосудия и подрывая престиж профессии судьи, в нарушение закона «О статусе судей в РФ» и Кодекса чести судьи РФ.

Таким образом, в ноябре 2003 г., на встрече со своими избирателями, судья Кудешикина утверждала, что Генеральная прокуратура оказывает беспрецедентное давление на судей во время рассмотрения ряда уголовных дел в Мосгорсуде.

В своем интервью во время прямого эфира на радиостанции «Эхо Москвы» 1 декабря 2003 г., судья Кудешикина заявила, что «годы работы в Мосгорсуде вселили в меня серьезные сомнения в существовании независимости суда в Москве; «судья, именуемый в законе независимым носителем судебной власти, зачастую оказывается в положении обычного чиновника, подчиненного председателю суда»; «суд, по существу, превращается в инструмент сведения политических, коммерческих или просто личных счетов», «если все судьи будут молчать об этом, в стране уже в самое ближайшее время может просто наступить судебный беспредел».

В интервью газете «Известия» от 4 декабря 2003 г., судья Кудешикина заявила: «Когда смотришь на то, что происходит вокруг, просто поражаешься беззаконию. По отношению к обычному человеку закон соблюдается весьма строго, но совсем не так по отношению к людям, занимающим высокие должности. А ведь они тоже нарушают закон – но их не привлекают к ответственности»; «руководство суда выясняет степень управляемости каждого судьи и в нужный момент знает, кому можно поручить щекотливое дело, а с кем лучше не связываться».

В другом интервью с судьей Кудешикиной, опубликованном в «Новой газете» 4 декабря 2003 г., она также заявила, что «в Сибири судьи намного чище, чем в Москве. Там и представить себе нельзя таких грубо заказных дел или таких разговоров о коррупции»; «Я сомневаюсь, чтобы в каком-нибудь из провинциальных судов творились такие же запредельные безобразия, как в Мосгорсуде, но это вопрос степени, а проблемы-то общие»; «Судья, именуемый в законе независимым носителем судебной власти, зачастую оказывается в положении обычного чиновника, подчиненного председателю суда. Механизм давления основан на том, что

прокурор или другие влиятельные и заинтересованные лица звонят не судье (если только нет каких-то личных связей), а председателю суда. Председатель вызывает судью и начинает сначала мягко, в форме рекомендаций или консультаций, а затем и более жестко убеждать судью принять «правильное», то есть удобное кому-то решение»; «реально суд до сих пор чаще всего выступает на стороне обвинения. Суд превращается в инструмент сведения политических, коммерческих или просто личных счетов. Никто не может быть уверен, что его дело — будь то гражданское, административное или уголовное — будет разрешено по закону, а не в угоду кому-то».

Действуя таким образом, судья Кудешикина осознанно и намеренно распространяла в гражданском обществе ложные и сфабрикованные факты произвола, якобы царящего в судебной сфере; что, разбирая некоторые дела, судьи оказываются под постоянным и неприкрытым давлением, оказываемым через посредство председателей судов; что председатели судов предварительно выясняют степень управляемости каждого судьи, чтобы определить, кому можно доверит вынесение заведомо несправедливого постановления по делу; что никто не может быть уверен, что его дело будет разрешено справедливым судом; что на деле судьи предают интересы правосудия, выступая на стороне обвинения во многих случаях; что судья в нашей стране не независим и нечестен, а является лишь обычным государственным служащим; что в стране у нас беззаконие и судебный хаос».

Вышеупомянутые высказывания судьи Кудешиной явно основаны на домыслах, заведомо ложных и искаженных фактах.

Однако распространение судьей такой информации представляет огромную общественную опасность, потому что порочит авторитет правосудия и умышленно подрывает престиж профессии судьи, а также предлагает неверные представления о коррумпированности, зависимости и пристрастности судебных органов власти в стране. Это

ведет к утрате общественного доверия в справедливость и беспристрастность судебного разбирательства.

В результате, ложная информация, распространенная в гражданском обществе судьей Кудешиной, членом судейского сообщества России, способствовала подрыву общественного доверия к судебной системе в России как к независимому и беспристрастному институту; таким образом, теперь многие граждане ошибочно склонны думать, что все судьи в нашей стране беспринципны, необъективны и коррумпированы, что, осуществляя свои полномочия, они преследуют только корыстные интересы или движимы другими собственническими побуждениями.

...

В поддержку своих беспочвенных и необоснованных попыток очернения судебной системы в нашей стране, судья Кудешикина ссылалась [в своих интервью] на уголовное дело в отношении П.В. Зайцева, в котором она ранее участвовала в качестве судьи.

Она также ссылалась на это дело в своей жалобе в Высшую квалификационную коллегия судей РФ.

...

В соответствии с ответом председателя Высшей квалификационной коллегии судей (№ ВКК-7242/03 от 17 мая 2004 г.), Высшая квалификационная коллегия судей РФ провела проверку заявления судьи Кудешиной по ее жалобе; на основании которого председатель Верховного Суда РФ отказал в удовлетворения ее жалобы в связи с отсутствием оснований

Таким образом, заявление во вмешательстве в осуществление судьей Кудешиной ее судебных полномочий не нашли подтверждения в выводах проверки.

Квалификационная коллегия судей г. Москвы отмечает, что судья Кудешикина не заявила об этом во тот периода, когда

она рассматривала дело в отношении Зайцева, а сделал это спустя почти полгода, во время и непосредственно после предвыборной кампании. Поэтому квалификационная коллегия считает, что распространение судьей Кудешиной ложной и недостоверной информации основано только на ее собственных домыслах и превратном толковании.

Кроме этого, делая свои высказывания в СМИ, судья Кудешикина раскрыла конкретную фактическую информацию, касающуюся уголовного дела в отношении Зайцева, до того, как приговор по этому делу вступил в законную силу.

...

[Закон о статусе судей в РФ и Кодекс чести судьи в РФ] обязывали ее воздержаться от любых публичных высказываний, дискредитирующих суд и всю судебную [систему].

...

В целом, квалификационная коллегия судей г. Москвы находит действия судьи Кудешиной умаляющими честь и достоинство судьи, дискредитирующими авторитет правосудия [и] наносящими значительный ущерб престижу профессии судьи, составляя, таким образом, дисциплинарное правонарушение.

Избирая дисциплинарное наказание для судьи Кудешиной, квалификационная коллегия принимает во внимание, что своими высказываниями [она] обесчестила судей и судебную систему России; она распространила ложную информацию о своих коллегах; она променяла достоинство, ответственность и честь судьи на политическую карьеру; продемонстрировала пристрастность на слушании дела; предпочла собственные политические и другие интересы ценностям правосудия; злоупотребила своим статусом судьи, пропагандируя правовой нигилизм и нанося непоправимый ущерб авторитету правосудия...».

35. В решении указывалось, что оно может быть обжаловано в суде в течение 10 дней с момента принятия.

36. Заявитель обратилась в Мосгорсуд, оспаривая решение квалификационной коллегии судей г. Москвы.

37. 13 сентября 2004 года Заявитель заявила ходатайство на имя председателя Верховного Суда о передаче ее дела из Мосгорсуда в другой суд, на основании отсутствия у первого беспристрастности.

38. 7 октября 2004 года Мосгорсуд, в составе одного судьи, начал рассматривать это дело. Заявитель сначала заявила отвод судье на том основании, что он был членом Совета судей Москвы, т.е. был непосредственно связан с противной стороной. Далее она заявила, что Мосгорсуд, в любом состав, не будет независимым и беспристрастным, так как оспоренные высказывания непосредственно относились к самому суду и его председателю. Это ходатайство было рассмотрено в тот же день и отклонено на том основании, что передача дела другому судье внутри одного суда невозможна и, что только вышестоящий суд имеет право передавать дела другому суду. Заявитель обратилась с ходатайством об отложении рассмотрения дела до вынесения Верховным Судом РФ решения по ее ходатайству о передаче дела; ей было отказано.

39. 8 октября 2004 года Мосгорсуд оставил решение Квалификационной коллегии судей г. Москвы в силе. Он пришел к выводу, что высказывания Заявителя в СМИ были ложными, необоснованными и подрывающими репутацию правосудия и авторитет всех судов. Он также установил, что Заявитель публично выразила мнение по незаконченному уголовному делу, что отрицательно сказалось на его исходе. Суд пришел к заключению о том, что Заявитель злоупотребила своим правом на свободное выражение мнения в угоду своих политических амбиций, что она публично отрицала верховенство закона и, что такое поведение было несовместимо с полномочиями судьи. Суд отклонил аргумент Заявителя о том, что решение было принято в ее отсутствие, мотивировав это тем, что после многочисленных отложений она не предоставила суду никакого документа, объясняющего причины ее отсутствия ранее. Он также отклонил ее возражение о том, что во время предвыборной кампании ее полномочия судьи были приостановлены, и постановил, что во время приостановления, она по-

прежнему была связана правилами поведения, применимыми к судьям. Относительно применимости Кодекса чести судьи в РФ, суд решил, что он являлся действующим и юридически обязывающим во время происходивших событий и мог быть применен в настоящем деле.

40. Заявитель подала жалобу в Верховный Суд.

41. 25 октября 2004 года Заявитель получила письмо от судьи Верховного Суда РФ, в котором сообщалось, что ее ходатайство о передаче дела из Мосгорсуда не было удовлетворено, поскольку противоречило правилам подсудности.

42. 19 января 2005 года Верховный Суд РФ, вынося постановление в качестве последней инстанции, оставил в силе решение от 8 октября 2004 года, повторив выводы, ранее сделанные квалификационной коллегией судей г. Москвы и Мосгорсудом. По вопросу о якобы имевшей место предвзятости Мосгорсуда, который рассматривал это дело в первой инстанции, Верховный Суд сделал вывод, что Заявитель не подавала соответствующих жалоб в ходе разбирательств в Мосгорсуде и поэтому не имела более права на подобное возражение.

II. Применимое национальное законодательство и практика

A. Положения о судебной этике и дисциплинарной ответственности

43. Закон № 3132-1 от 26 июня 1992 года «О статусе судей в РФ» гласит:

Статья 3 Требования, предъявляемые к судье

«1. Судья обязан неукоснительно соблюдать Конституцию РФ и другие законы.

2. Судья при исполнении своих полномочий, а также во внеслужебных отношениях должен избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти, достоинство судьи или вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности».

Статья 12.1 Дисциплинарная ответственность судей

«За совершение дисциплинарного проступка (нарушение норм настоящего Закона, а также положений кодекса судейской этики, утверждаемого Всероссийским съездом судей) на судью, за исключением судей Конституционного Суда РФ, может быть наложено дисциплинарное взыскание в виде:

предупреждения;

досрочного прекращения полномочий судьи.

Решение о наложении на судью дисциплинарного взыскания принимается квалификационной коллегией судей, к компетенции которой относится рассмотрение вопроса о прекращении полномочий этого судьи на момент принятия решения».

44. Кодекс чести судьи Российской Федерации, принятый Советом Судей РФ 21 октября 1993 года, и утвержденный на Втором всероссийском съезде судей в июле 1993 года, гласит:

Статья 1.3 Общие требования, предъявляемые к судье

«Судья должен избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти. Он не вправе причинять ущерб престижу своей профессии в угоду личным интересам или интересам других лиц».

Статья 2.5 Правила осуществления профессиональной деятельности судьи

«...Судья не вправе делать публичных заявлений и давать комментарии в прессе по делам, находящимся в производстве суда до вступления в силу постановлений, принятых по ним. Судья не вправе публично вне рамок профессиональной деятельности подвергать сомнению постановления судов, вступивших в законную силу и действия своих коллег».

Статья 3.3 Внеслужебная деятельность судьи

«Судья может участвовать в общественной деятельности, если она не наносит ущерб авторитету суда и надлежащему исполнению судьей своих профессиональных обязанностей».

В. Прекращение полномочий судьи

45. В статье 14 закона «О статусе судей в РФ сказано следующее:

«1. Полномочия судьи прекращаются по следующим основаниям:

...

(7) занятие деятельностью, не совместимой с должностью судьи»;

46. Гражданский процессуальный кодекс РФ предписывает:

Статья 27 Гражданские дела, подсудные Верховному Суду РФ

«1. Верховный Суд РФ рассматривает в качестве суда первой инстанции гражданские дела:

...

3) об оспаривании постановлений о приостановлении или прекращении полномочий судей либо о прекращении их отставки;...»

47. В статье 26 Федерального закона от 14 марта 2002 года «Об органах судейского сообщества в РФ» говорится, что споры, касающиеся прекращения полномочий судей, разрешаются в судах субъектов РФ.

48. 2 февраля 2006 года Конституционный Суд принял определение № 45-О:

«Юрисдикция в делах, касающихся оспаривания решений судебных квалификационных комиссий субъектов РФ о прекращении или приостановления полномочий судьи или

временное прекращение статуса судьи на пенсии, должна определяться в соответствии с пунктом 1(3) Статьи 27 Гражданско-процессуального кодекса РФ, который предписывает, что только Верховный Суд РФ может рассматривать, в качестве суда первой инстанции, гражданские дела, касающиеся оспаривания решений о постоянном или временном прекращении статуса действующего судьи или судьи на пенсии».

С. Состав суда и назначение дел судьям

49. Уголовно-процессуальный кодекс РФ предписывает:

Статья 242. Неизменность состава суда

«1. Уголовное дело рассматривается одним и тем же судьей или одним и тем же составом суда.

2. Если кто-либо из судей лишен возможности продолжать участвовать в судебном заседании, то он заменяется другим судьей и судебное разбирательство уголовного дела начинается сначала».

50. В законе № 3132-1 от 26 июня 1992 года «О статусе судей в РФ» говорится:

Статья 6.2. Полномочия председателей и заместителей председателей судов

«1. Председатель суда наряду с осуществлением полномочий судьи соответствующего суда, а также процессуальных полномочий, установленных для председателя суда федеральными конституционными законами и федеральными законами, осуществляет следующие функции:

1) организует работу суда;

...

3) *распределяет обязанности между заместителями председателя, а также в порядке, установленном федеральным законом, - между судьями.*

51. В инструкции по управлению внутренним документооборотом суда, действовавшей во время происходивших событий, сказано, что председатель суда отвечает за управление персоналом и делами суда.

52. Повсеместная практика такова, что председатель суда распределяет дела, поданные в суд, между судьями этого суда.

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

53. Заявитель обратилась с жалобой на то, что ее увольнение из суда вследствие ее высказываний в СМИ, являлось нарушением свободы выражения мнения, гарантированной в статье 10 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует Государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

А. Аргументы сторон

1. Аргументы Заявителя

54. Заявитель обжаловала то, что решение квалификационной коллегии судей г. Москвы о лишении ее судейского статуса вследствие ее критических публичных высказываний, было несовместимо с принципом, изложенным в статье 10 Конвенции. С ее точки зрения, судьи, как и другие люди, имеют право на защиту по статье 10 и, что вмешательство в осуществление ее свободы выражения мнения не было «предписано законом», не преследовало какую-либо законную цель и, наконец, не было необходимо в демократическом обществе. Ее доводы в этом отношении можно обобщить следующим образом:

(а) «Предписано законом»

55. Заявитель утверждала, что дисциплинарное взыскание было наложено на нее незаконно. Она считала, что положения закона «О статусе судей в РФ», применимые в данном деле, сформулированы слишком обще, чтобы служить правовым основанием для привлечения к дисциплинарной ответственности. В отношении Кодекса чести судьи, она заявила, что он не является нормативным документом, т. к. он не был принят на Всероссийском съезде судей, как того требует закон «О статусе судей в РФ», а лишь одобрен этим органом.

56. Далее она оспорила подсудность Мосгорсуду данного дела, в котором рассматривалась ее жалоба на решение квалификационной коллегии судей г. Москвы. Она сослалась на положения Гражданско-процессуального кодекса, в соответствии с которым подсудность споров о прекращении судейских полномочий отнесена к Верховному Суду, который должен их рассматривать как суд первой инстанции. Она также сочла недопустимым, что Мосгорсуд рассматривает дело, касающееся критики, в отношении него самого и его председателя. Ее обращения в Мосгорсуд и Верховный Суд с ходатайством о передаче дела в Верховный Суд были отклонены.

(b) Законная цель

57. Заявитель утверждала, что, хотя органы власти объявили, что прекращение ее полномочий было необходимо для «обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия», это не было настоящей целью оспариваемой меры. По ее мнению, власти были намерены продемонстрировать всем представителям судебной системы, что информация относительно нарушений в работе судебной системы не должна становится достоянием общественности с тем, чтобы оградить судебское сообщество от общественного контроля даже по делам, касающимся применения процессуальных механизмов защиты.

58. Далее она утверждала, что независимость и беспристрастность суда представляют большую общественную значимость в России, где граждане мало доверяют судам. Она приняла решение обнародовать факты давления на суд и рядовых судей, потому что считала, что привлечение внимания общественности к этой проблеме послужит интересам правосудия и принципам независимости и беспристрастности лучше, чем сокрытие негативных фактов.

59. Что касается «защиты репутации или прав других лиц», Заявитель усомнилась в том, что репутация или права председателя Мосгорсуда требуют защиты в форме дисциплинарных разбирательств. Если г-жа Егорова, или кто-либо другой, считают свою репутацию опороченной и хотели бы получить компенсацию, они могли бы подать гражданский иск о защите чести и достоинства или возбудить уголовное дело по факту клеветы. Однако ни иски, ни заявления о возбуждении уголовного дела поданы не были, и органы власти не должны были заменять собою частных лиц, предположительно затронутых высказываниями Заявителя.

(c) «Необходимо в демократическом обществе»

60. Наконец, Заявитель утверждала, что оспоренная мера была несоразмерным вмешательством в осуществление ею свободы выражения мнения и посему не могла рассматриваться как «необходимая в демократическом обществе».

61. Она заявила, что ей не должны были чинить препятствия в критике национальной судебной системы только потому, что она была судьей. Несмотря на то, что она осуществляла публичные функции, она пользовалась всеми правами и свободами, защищаемыми Конвенцией, включая гарантированные в статье 10, так же, как и прочие граждане.

62. Заявитель настаивала на том, что высказывания, на основании которых ей было предъявлено обвинение в дисциплинарном правонарушении, были выражением ее мнения, т.е. оценочными суждениями, а не утверждениями о фактах. Однако, по ее убеждению, все факты, лежащие в основе ее мнения, были достоверными и подкрепленными доказательствами.

63. Относительно высказываний, которые государство-ответчик расценило как «недостоверные факты», она подчеркнула, что не было предпринято никакого установления фактов как таковых. Ее обвинения в чрезмерном давлении, оказанном во время уголовного процесса в отношении Зайцева, не стали предметом внимательного расследования, равно как и не были опровергнуты противной стороной с соблюдением принципа состязательности. Проверка, проведенная по факту ее жалобы в Высшую квалификационную коллегия судей, не была публичной и была проведена неофициально. Поэтому ее выводы нельзя рассматривать как установленные факты. В этой ситуации бремя доказывания в слушаниях перед квалификационной коллегией судей г. Москвы должно было лежать на стороне, которая начала дисциплинарную процедуру. Другими словами, именно Совет судей Москвы должен был доказать, что высказывания Заявителя были недостоверны. Органы власти не доказали этого ни в разбирательстве в квалификационной коллегии судей г. Москвы ни в последующих процессах.

64. В качестве доказательств, подтверждающих свою позицию по поводу давления со стороны председателя Мосгорсуда, она сослалась на заявления народных заседателей, а также на необоснованную и незаконную передачу материалов известного уголовного дела от нее другому судье. Заявитель утверждала, что судебные органы власти проигнорировали доказательства, в первую очередь, отказавшись опросить народных заседателей или других свидетелей, о чем она ходатайствовала.

2. Аргументы государства-ответчика

65. Государство-ответчик не оспаривало применимость статьи 10 Конвенции в настоящем деле. Оно также признало, что решение о прекращении судебных полномочий Заявителя было вмешательством в ее свободу выражения мнения, гарантированную в статье.

66. Однако его представители утверждали, что это вмешательство было оправдано с точки зрения пункта 2 статьи 10 Конвенции, что оно было предписано законом, преследовало законную цель и было «необходимым в демократическом обществе». Соответствующие доводы государства-ответчика можно обобщить следующим образом.

(а) «Предписано законом»

67. С точки зрения государства-ответчика, судебский статус Заявителя был прекращен в соответствии с материально-правовыми и процессуальными законами. Его представители оспаривали аргумент Заявителя о том, что закон «О статусе судей в РФ» был сформулирован нечетко, чтобы стать основанием для дисциплинарного взыскания. Они также утверждали, что Кодекс чести судьи является юридически обязывающим документом с момента своего принятия 21 октября 1993 года Советом судей РФ после его утверждения на втором Всероссийском съезде судей. Он утратил свою силу только 2 декабря 2004 года, когда был заменен Кодексом судебной этики, принятым Всероссийским съездом судей.

68. В отношении предполагаемой ненадлежащей подсудности Мосгорсуда, государство-ответчик не согласилось с Заявителем, считая, что во время происшедших событий юрисдикция определялась федеральным законом «Об органах судейского сообщества в РФ», в соответствии с которым, суды субъектов РФ были уполномочены рассматривать такие иски. Положение изменилось только 2 февраля 2006 года, когда Конституционный Суд дал толкование коллизионных положений Гражданско-процессуального кодекса. Государство-ответчик указало на то, что Заявитель сама подала свой иск в Мосгорсуд, таким образом, признавая его юрисдикцию. К тому же, в своих обращениях о передаче дела, она не упоминала о ненадлежащей подсудности Мосгорсуда, но лишь о его предполагаемой пристрастности.

(b) Законная цель

69. Государство-ответчик заявило, что оспоренная мера была необходима для «обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия» и «защиты репутации или прав других». Высказывания Заявителя были разрушительны для судебной системы в целом и способствовали распространению «правового нигилизма» среди общественности. К тому же, она распространила порочащие высказывания в отношении руководства Мосгорсуда и не смогла доказать заявленные факты. Интересы правосудия и вовлеченных лиц, занимающих судебные должности, требовали вмешательства Государства и применения санкций к Заявителю.

(c) «Необходимо в демократическом обществе»

70. С точки зрения Правительства, прекращение судебных полномочий Заявителя было соразмерно преследуемой законной цели и, что оно отвечало «острой социальной необходимости». Его представители сослались на практику Европейского Суда, который ранее констатировал, что «в ситуациях, когда на повестке дня стоит право на свободное выражение мнения государственных служащих, «обязанности и ответственность», упоминаемые в пункте 2 статьи 10, приобретают особую значимость, которая оправдывает предоставление национальным органам власти определенных рамок усмотрения при определении соразмерности оспоренного вмешательства вышеупомянутой цели» (Правительство сослалось на дело *Фогт против Германии (Vogt v. Germany)*, 26 сентября 1995 года, § 53, Серия А № 323). С его точки зрения, ограничения на свободу выражения мнения судей имели даже большую важность, чем в случаях с другими госслужащими. Таким образом, Государство должно иметь даже более широкие рамки усмотрения при использовании ограничений на свободу слова судей.

71. Государство-ответчик усматривало два отдельных аспекта в дисциплинарном правонарушении, совершенном Заявителем, каждый из которых был настолько серьезен, что сам по себе оправдывал наложенную на нее дисциплинарную санкцию.

72. Во-первых, высказывания, касающиеся судей и судебной системы и свидетельствующие о незаконном поведении г-жи Егоровой и других служащих. Однако в своей жалобе на трех человек в Высшую

квалификационную коллегия судей она не представила достаточных доказательств этих фактов. Таким образом, эти обвинения нельзя было рассматривать как добросовестный отзыв или обоснованную критику.

73. Государство-ответчик заявляло, что даже если эти высказывания расценивать как оценочные суждения, они по-прежнему нуждались в каком-либо фактологическом основании и, в любом случае, должны были оставаться в рамках совместимых с высокими моральными стандартами, предъявляемыми к судьям. В настоящем деле, Заявитель зашла дальше, чем было допустимо для госслужащего, а особенно, судьи. Притом, что свобода выражения мнения гарантирована каждому, правила судебной этики накладывают определенные ограничения на занимающих судебные должности. Последние выступают в качестве гарантов принципа верховенства закона, и поэтому было необходимо установить строгие ограничения их поведения, чтобы обеспечить авторитет и беспристрастность правосудия. К тому же, мнение, выраженное судьей, представляло большую опасность ввести в заблуждение общественность, потому что имеет больший вес, нежели высказывания сторонних людей. Общественность более склонна доверять людям, обладающим профессиональными знаниями о судебной системе, и их взгляды считаются более авторитетными и взвешенными.

74. Второй аспект дисциплинарного проступка Заявителя состоял в том, что она высказалась об уголовном деле в отношении Зайцева, которое во время происшедших событий находилось на рассмотрении в вышестоящей инстанции. Для судьи недопустимо комментировать дело, рассмотрение которого судом еще не закончилось, поскольку это является посягательством на компетенцию суда, его независимость и беспристрастность.

75. Отвечая Заявителю на то, что заинтересованные лица должны были сами подать иски о защите чести и достоинства, государство-ответчик заявило, что эти люди не испытывали личной неприязни к Заявителю и не были намерены обращаться в суд для защиты каких-либо частных интересов.

76. Далее государство-ответчик утверждало, что Заявитель злоупотребила своим положением судьи для достижения личных целей, а именно для получения новых голосов избирателей за счет репутации своих коллег и судебных органов. Именно поэтому она

высказала свои обвинения только через несколько месяцев после известных событий, во время своей предвыборной кампании.

77. Наконец, государство-ответчик заявило, что выбор дисциплинарной санкции был оправдан, учитывая особые обстоятельства дела. Заявитель продемонстрировала неспособность соответствовать требованиям обязательным для сохранения судебных полномочий, и посему применение меры, допускавшей продолжения ее работы в качестве судьи, например, предупреждения, было бы недостаточно. К тому же, никаких дальнейших мер в отношении Заявителя принято не было. В частности Заявителю не было запрещено далее участвовать в общественной дискуссии на эту тему.

78. Учитывая сказанное выше, государство-ответчик сочло, что вмешательство в осуществление Заявителем свободы выражения мнения было «необходимо в демократическом обществе».

В. Оценка Суда

79. В отношении пределов рассмотрения по данному делу, Суд указывает, что обе стороны согласны, что решение о прекращении судебных полномочий Заявителя было следствием ее высказываний в СМИ. Ни пригодность Заявителя к государственной службе, ни ее профессиональная способность осуществлять судебные полномочия не оспаривались перед национальными органами власти. Таким образом, обжалованная мера, по сути, относилась к свободе выражения мнения, а не к праву занимать государственные должности в судебной системе, право на которое не гарантировано Конвенцией (см. постановление по делу *Харабин против Словакии (Harabin v. Slovakia)*, № 62584/00, 29 июня 2004 года). Отсюда следует, что статья 10 применима в настоящем деле.

80. Суд считает, что дисциплинарное наказание, наложенное на Заявителя, явилось вмешательством в осуществление права, гарантированного в статье 10 Конвенции. К тому же, наличие вмешательства не было предметом спора между сторонами. Поэтому Суд рассмотрит вопрос о том, было ли оно обосновано с точки зрения пункта 2 статьи 10 Конвенции.

1. «Предписано законом» и законная цель

81. Суд отмечает, что Заявитель оспаривает то, что дисциплинарное наказание было «предписано законом», и что оно преследовало законную цель. Насколько можно понять, она оспаривала качество закона, примененного в ее деле, тем не менее, Суд не находит достаточных оснований для того, чтобы прийти к выводу, что правовые акты, которые были применены национальными органами власти, не были опубликованы или, что последствия их применения были непредсказуемы. Что касается ее позиции относительно пристрастности дисциплинарного разбирательства и предвзятости Мосгорсуда, Суд полагает, что она, главным образом, касается соразмерности оспариваемой меры, и рассматривать ее следует именно с этой точки зрения. Это же относится и к аргументам, приведенным о законности цели, на которую ссылалось государство-ответчик. Поэтому Суд исходит из того, что применение данной меры отвечало первым двум условиям и рассмотрит вопрос о том, было ли вмешательство «необходимо в демократическом обществе».

2. «Необходимо в демократическом обществе»

82. При оценке того, было ли решение прекратить судебные полномочия Заявителя, принятое в ответ на ее публичные высказывания, «необходимо в демократическом обществе», Суд рассмотрит обстоятельства дела в целом и сделает это в свете принципов, установленных в его практике, обобщенных следующим образом (см., среди других источников, постановления по делам *Йерсилд против Дании (Jersild v. Denmark)*, от 23 сентября 1994 года, § 31, Серия А №298; *Хертель против Швейцарии (Hertel v. Switzerland)*, от 25 августа 1998 года, § 46, Отчеты о постановлениях и решениях, 1998-VI; и *Стил и Моррис против Соединенного Королевства (Steel and Morris v. the United Kingdom)*, № 68416/01, § 87, ЕСПЧ 2005-II):

«(i) Свобода выражения мнения является одним из оснований демократического общества и одним из базовых условий его развития и самореализации каждого человека. В соответствии с пунктом 2, она применима не только к «информации» или «идеям», выраженным в дружелюбной форме или воспринимаемым как неагрессивные или беспристрастные, но также и тем, которые оскорбляют, шокируют или будоражат. Таковы требования плюрализма,

терпимости и либерального мышления, без которых нет «демократического общества». Как указано в статье 10, допускаются и исключения, которые, однако, должны...быть определены очень точно, а необходимость в любых ограничениях должна быть убедительно доказана ...

(ii) Слово «необходимо», в терминах пункта 2 статьи 10, означает, что должна существовать «острая общественная необходимость». Договаривающиеся государства имеют определенные рамки усмотрения, использование которых, однако, предполагает контроль со стороны Европейского Суда как над законодательством, так и над решениями, воплощающими его, даже если они приняты независимым судом. Таким образом, Суд имеет власть выносить окончательные постановления относительно правомерности применения «ограничения» с точки зрения статьи 10.

(iii) Задача Суда при осуществлении его надзорной функции состоит не в том, чтобы заменять собой национальные органы власти, а в рассмотрении принятых ими решений в соответствии со своими рамками усмотрения с точки зрения статьи 10. Это не означает, что надзор ограничивается лишь определением того, что государство-ответчик воспользовалось своей свободой разумно, тщательно и добросовестно; Суд должен рассмотреть обжалованное вмешательство в свете всего дела целиком и определить, было ли оно «соразмерно» преследовавшейся законной цели, и были ли причины, приведенные национальными властями в обоснование своего решения «существенными и достаточными». Выполняя это, Суд должен убедиться в том, что национальные органы власти применили стандарты в соответствии с принципами, изложенными в статье 10 и, кроме этого, что они основывались в своей оценке на существенных фактах ...»

83. Помимо этого, Суд напоминает, что справедливость разбирательств, предусмотренные процессуальные гарантии (см., *mutatis mutandis*, дело *Стила и Морриса*, упомянутое выше, § 95) и характер и суровость избранных мер (см. постановления по делам *Сейлан против Турции (Ceylan v. Turkey)* [БП], № 23556/94, § 37, ЕСПЧ 1999-IV; *Таммер против Эстонии (Tammer v. Estonia)*, № 41205/98, §

69, ЕСПЧ 2001-I; *Скалка против Польши (Skalka v. Poland)*, № 43425/98, §§ 41-42, 27 мая 2003 года; и *Лежник против Словакии (Lešník v. Slovakia)*, № 35640/97, §§ 63-64, ЕСПЧ 2003-IV) являются факторами, которые следует принимать во внимание при оценке соразмерности вмешательства в осуществление свободы выражения мнения, гарантированной в статье 10.

84. При оценке того, была ли «острая социальная необходимость», наличие которой могло бы оправдать вмешательство в осуществление свободы выражения мнения, необходимо тщательно разграничивать между фактами и оценочными суждениями. Наличие фактов можно продемонстрировать, в то время как оценочные суждения доказыванию не подлежат (см. постановления по делам *Де Хаес и Гийселс против Бельгии (De Haes and Gijssels v. Belgium)*, 24 февраля 1997 года, § 42, *Отчеты 1997-I*, и *Харланова против Латвии (Harlanova v. Latvia)*, № 57313/00, 3 апреля 2003 года). Однако даже когда высказывание содержит оценочное суждение, соразмерность вмешательства может зависеть от наличия или отсутствия достаточного фактографического основания у данного высказывания, поскольку даже оценочное суждение без подкрепляющих его фактов может быть чрезмерным (см. постановление по делу *Де Хаес и Гийселс*, упомянутое выше, § 47, и постановление по делу *Джерусалем против Австрии (Jerusalem v. Austria)*, №26958/95, § 43, ЕСПЧ 2001-II).

85. Далее Суд напоминает, что статья 10 также применима к служебным ситуациям, и, что государственные служащие, такие как Заявитель, имеют право на свободное выражение мнения (см. дело *Фогт*, упомянутое выше, § 53; постановления по делам *Вилле против Лихтенштейн (Wille v. Liechtenstein)* [БП], № 28396/95, § 41, ЕСПЧ 1999-VII; *Ахмед и другие против Великобритании (Ahmed and Others v. the United Kingdom)*, 2 сентября 1998 года, § 56, *Отчеты 1998-VI*; *Фуентес Бобо против Испании (Fuentes Bobo v. Spain)*, № 39293/98, § 38, 29 февраля 2000 года; и *Гужа против Молдовы (Guja v. Moldova)* [БП], № 14277/04, § 52, 12 февраля 2008 года). В то же самое время, Суд осознает, что служащие имеют перед своим работодателем долг лояльности, сдержанности и осмотрительности. Это особенно справедливо в случае с госслужащими, поскольку сам характер государственной службы предполагает, что госслужащий связан долгом лояльности и осмотрительности (см. дело *Фогт*, упомянутое выше, § 53; дело *Ахмед и другие*, упомянутое выше, § 55; и постановление по делу *Де Диего Нафрия против Испании (De Diego*

Nafría v. Spain), № 46833/99, § 37, 14 марта 2002 года). По этой причине раскрытие госслужащими информации, полученной в ходе работы, даже по социально значимым вопросам, следует рассматривать с поправкой на существование их долга сохранять лояльность и осмотрительность (см. дело *Гужа*, упомянутое выше, §§ 72-78).

86. Суд напоминает, что вопросы, касающиеся функционирования системы правосудия, являются вопросами, вызывающими интерес общественности, обсуждение которых требует защиты со стороны статьи 10. Однако Суд неоднократно подчеркивал особую роль судебной системы в обществе, которая, будучи гарантом справедливости и основополагающей ценностью в государстве, управляемом законом, должна пользоваться доверием общества для успешного выполнения своих функций. Поэтому может возникать необходимость защитить это доверие от разрушительных и, в сущности, необоснованных нападков, особенно в виду того обстоятельства, что судьи, ставшие объектом критики, связаны долгом осмотрительности, который заставляет их воздерживаться от ответа (см. постановление по делу *Прагер и Обершлик против Австрии (Prager and Oberschlick v. Austria)*, 26 апреля 1995 года, § 34, Серия А № 313). Фраза «авторитет правосудия» предполагает, в частности, что суды являются и воспринимаются широкой общественностью как надлежащее место для разрешения правовых споров и определения виновности или невиновности человека, которому предъявлено уголовное обвинение (см. постановление по делу *Верм против Австрии (Worm v. Austria)*, 29 августа 1997 года, § 40, Отчеты 1997-V). Главное, что необходимо сохранить для обеспечения авторитета правосудия - это доверие, которое суды в демократическом обществе должны внушать обвиняемым при рассмотрении уголовных дел, равно как и всей широкой общественности (см., *mutatis mutandis*, среди многих других источников, постановление по делу *Фей против Австрии (Feu v. Austria)*, 24 февраля 1993 года, Серия А № 255-A). По этой причине Суд считает обязательным для госслужащих, работающих в судебной сфере, чтобы они демонстрировали сдержанность при осуществлении своей свободы выражения мнения во всех делах, где авторитет и беспристрастность правосудия могут быть поставлены под вопрос (см., дело *Вилле*, упомянутое выше, § 64).

87. С другой стороны, в контексте предвыборных дебатов, Суд придает особую значимость возможности для кандидатов беспрепятственно

осуществлять свободу слова. Ранее он постановлял, что право выступать в качестве кандидата на выборах, гарантированное в статье 3 Протокола № 1, является неотъемлемой частью концепции истинно демократического устройства (см. постановление по делу *Мельниченко против Украины (Melnychenko v. Ukraine)*, № 17707/02, § 59, ЕСПЧ 2004-Х). Оно включает в себя фундаментальный принцип эффективной политической демократии, и, таким образом, обладает чрезвычайной важностью в системе Конвенции и совершенно необходимо для создания и сохранения основ эффективной и содержательной демократии, при которой главенствует закон (см. постановления по делам *Малисьевич-Гасьер против Польши (Malisiewicz-Gasior v. Poland)*, № 43797/98, § 67, 6 апреля 2006 года; *Матье-Мохэн и Клерфай против Бельгии (Mathieu-Mohin and Clerfayt v. Belgium)*, 2 марта 1987 года, § 47, Серия А № 113; и *Херст против Великобритании (Hirst v. the United Kingdom) (№ 2)* [БП], № 74025/01, § 58, ЕСПЧ 2005-IX).

88. Обращаясь к настоящему делу, Суд отмечает, что квалификационная коллегия судей г. Москвы обвинила Заявителя в дисциплинарном проступке, который состоял в ряде высказываний, сделанных в ходе трех ее интервью. В своем решении от 19 мая 2004 года (см. пункт 34 выше) коллегия упомянула следующие высказывания:

«– годы работы в Мосгорсуде вселили в меня серьезные сомнения в существовании независимости суда в Москве;

– судья, именуемый в законе независимым носителем судебной власти, зачастую оказывается в положении обычного чиновника, подчиненного председателю суда;

– суд превращается в инструмент сведения политических, коммерческих или просто личных счетов;

– если все судьи будут молчать об этом, в стране уже в самое ближайшее время может просто наступить судебный беспредел;

– когда смотришь на то, что происходит вокруг, просто поражаешься беззаконию. По отношению к обычному человеку закон соблюдается весьма строго, но совсем не так

по отношению к людям, занимающим высокие должности. А ведь они тоже нарушают закон, но их не привлекают к ответственности;

– руководство суда выясняет степень управляемости каждого судьи и в нужный момент знает, кому можно поручить щекотливое дело, а с кем лучше не связываться;

– в Сибири суды намного чище, чем в Москве. Там и представить себе нельзя таких грубо заказных дел или таких разговоров о коррупции;

– я сомневаюсь, чтобы в каком-нибудь из провинциальных судов творились такие же запредельные безобразия, как в Мосгорсуде, но это вопрос степени, а проблемы-то общие;

– судья, именуемый в законе независимым носителем судебной власти, зачастую оказывается в положении обычного чиновника, подчиненного председателю суда. Механизм давления основан на том, что прокурор или другие влиятельные и заинтересованные лица звонят не судье (если только нет каких-то личных связей), а председателю суда. Председатель вызывает судью и начинает сначала мягко, в форме рекомендаций или консультаций, а затем и более жестко убеждать судью принять «правильное», то есть удобное кому-то решение;

– реально суд до сих пор чаще всего выступает на стороне обвинения. Суд превращается в инструмент сведения политических, коммерческих или просто личных счетов. Никто не может быть уверен, что его дело — будь то гражданское, административное или уголовное — будет разрешено по закону, а не в угоду кому-то».

89. Далее квалификационная коллегия судей г. Москвы отметила, что, высказав это, Заявитель «распространила в гражданском обществе ложные и сфабрикованные факты» и, что эти высказывания были «явно основаны на домыслах, заведомо ложных и искаженных фактах».

90. Помимо вышеупомянутых высказываний, квалификационная коллегия судей г. Москвы упрекнула Заявителя в «раскрытии конкретной фактической информации, касающейся уголовных разбирательств в отношении Зайцева до того, как постановление по этому делу вошло в законную силу».

91. Что касается комментариев Заявителя о рассматриваемом уголовном деле, национальные инстанции не ссылались на какие-либо конкретные высказывания. Суд, со своей стороны, не видит ничего в трех оспоренных интервью, что послужило бы основанием для утверждений о «раскрытии». В действительности, в подтверждение своей критики роли председателей судов, Заявитель описала свой опыт судьи в уголовном процессе в отношении Зайцева, утверждая, что суд находился под давлением различных официальных лиц, в первую очередь - председателя Мосгорсуда. Это, однако, отличалось от разглашения секретной информации, которая становится известной в ходе работы (см. дело *Гужа*, упомянутое выше). Поэтому изложение Заявителем своего опыта в вышеупомянутых разбирательствах следует рассматривать как утверждения о фактах, которые, в данном контексте, были неотделимы от ее мнения, выраженного в тех же интервью, выдержки из которых приведены выше. Поэтому Суду придется оценить фактологические основания высказываний Заявителя перед тем, как принять решение о допустимости оценочных суждений, высказанных в интервью.

92. Суд отмечает, что изложение Заявителем эпизода, когда она во время разбирательства была вызвана г-жой Егоровой, которая задавала ей вопросы, оспаривается государством-ответчиком. Оно опиралось на служебную проверку, проведенную Высшей квалификационной коллегией судей, проведенную по жалобе Заявителя на г-жу Егорову. Коллегия установила недостаточность фактов, чтобы утверждать, что г-жа Егорова пыталась оказать давление на Заявителя или же, что она не делала таких попыток (см. внутренний отчет судьи С., пункт 29 выше). Несмотря на то, что Суд может признать трудность установления содержания частных разговоров Заявителя и г-жи Егоровой, он отмечает, что достоверность изложения Заявителя подкрепляется заявлениями народных заседателей и секретаря суда. К тому же, Суд не может не обратить внимания на то, что коллегия проигнорировала вопросы неурегулированности процедуры передачи дела другому судье. Суд отмечает, что в соответствии со Статьей 242 Уголовно-процессуального кодекса, это дело должно рассматриваться

одним и тем же составом суда, за исключением случаев, когда один из судей больше не в состоянии участвовать в слушании. Однако из отчета судьи С. следует, что г-жа Егорова решила передать дело от Заявителя, в связи со своим недовольством поведением последней в ходе разбирательства и «наличием оперативной информации соответствующих органов» о рассмотрении Заявителем дела Зайцева. По мнению Суда, одного лишь намека на то, что такие основания могли стать причиной передачи дела, находившегося на рассмотрении, от одного судьи другому, достаточно для подтверждения обвинений, высказанных Заявителем. Не уделив должного внимания этому обстоятельству, квалификационная коллегия не представила надежного фактологического основания для своих выводов, и это упущение не было исправлено ни одной из последующих инстанций. Таким образом, утверждения Заявителя об оказании давления не были убедительно опровергнуты в ходе национальных разбирательств.

93. Придя к заключению о существовании фактологического обоснования для критики Заявителя, Суд напоминает о том, что долг лояльности и осмотрительности госслужащих, и особенно судебных работников, требует, чтобы распространение, пусть даже верной информации, осуществлялось с соблюдением умеренности и уместности (см. дела *Гужа* и *Вилле*, упомянутые выше, §§ 64 и 67). Поэтому он продолжит рассмотрением вопроса о том, было ли мнение, выраженное Заявителем на основании этой информации, все же чрезмерным, учитывая ее статус судьи.

94. Суд отмечает, что Заявитель публично высказала критику по весьма деликатному вопросу, а именно поведению различных официальных лиц в связи с широкомасштабным делом о коррупции, в слушании которого она участвовала в качестве судьи. Действительно в своих интервью она ссылалась приводящие в замешательство факты о состоянии дел, и утверждала, что примеры давления на судей встречались повсеместно и, что эта проблема требует серьезного внимания для обеспечения независимости судебной системы и сохранения общественного доверия к ней. Нет сомнений в том, что, действуя таким образом, она подняла значимую тему, имеющую общественный интерес. В демократическом обществе всегда должна сохраняться возможность открытого обсуждения подобных тем. Ее решение сделать эту информацию публичной было основано на ее личном опыте, и было принято только после того, как она была лишена

возможности участвовать в судебном разбирательстве в своем официальном качестве.

95. Что касается мотивации Заявителя сделать вышеназванные высказывания, Суд напоминает, что действие, мотивированное личным недовольством или неприязнью, или же ожиданием личной выгоды, включая материальную, не заслуживает особой степени защиты (см. дело *Гужа*, упомянутое выше, § 77). Высказывания на политические темы, напротив, заслуживают особой защиты по статье 10 (см. практику Суда в пункте 87 выше). Ранее Суд устанавливал, что даже если обсуждаемая тема имеет политический оттенок, этого самого по себе недостаточно для того, чтобы воспрепятствовать судье высказываться (см., дело *Вилле*, упомянутое выше, § 67). Суд отмечает, и это не вызывает споров между сторонами в настоящем деле, что интервью были опубликованы в контексте предвыборной кампании Заявителя. Однако даже если Заявитель позволила себе некоторые преувеличения и обобщения характерные для предвыборной агитации, ее высказывания не были полностью лишены фактологического основания (см. пункт 92 выше), и посему не должны были рассматриваться как ничем необоснованный личный выпад, а скорее как добросовестное толкование вопроса, имеющего огромную общественную значимость.

96. В отношении того, как было наложено дисциплинарное наказание, Заявитель указывала, что судам, которых касались ее критика, не следовало разбирать ее дело. Суд отмечает, что вопрос о прекращении судебных полномочий находился в компетенции соответствующей судебной квалификационной коллегии, чье решение могло быть пересмотрено Мосгорсудом и Верховным Судом. Суд далее отмечает, что перед началом слушаний в первой инстанции Заявитель обращалась и в Мосгорсуд и в Верховный Суд с просьбой о передаче дела из Мосгорсуда в другой суд первой инстанции на основании того, что первый упоминался в интервью, что вызывало противоречие и, что в дисциплинарных разбирательствах членам этого суда будет недоставать беспристрастности. Однако Мосгорсуд полагал, что у него не было правоспособности на такую передачу, в то время как Верховный Суд пренебрег просьбой Заявителя и позднее, действуя в качестве апелляционной инстанции, постановил, что Заявитель не подняла этот вопрос тогда, когда это было уместно.

97. Суд считает, что опасения Заявителя относительно отсутствия беспристрастности Мосгорсуда были оправданы вследствие ее обвинений в адрес председателя суда. Однако эти аргументы не были приняты во внимание, что явилось серьезным процессуальным упущением. Таким образом, Суд полагает, что процедура, в рамках которой была наложено дисциплинарное взыскание на Заявителя, не предполагала обеспечение важных процессуальных гарантий.

98. Наконец, Суд оценивает меру наказания, наложенного на Заявителя. Он отмечает, что дисциплинарное разбирательство привело к утрате ее судейского статуса в Мосгорсуде, а также возможности выполнять работу судьи. Это, несомненно, было суровым наказанием, и Заявителю было тяжело лишиться доступа к профессии, которую она осуществляла 18 лет. Это было наиболее суровым из возможных видов наказания, которое может быть вынесено в ходе дисциплинарных разбирательств, и, в свете вышеописанных выводов Суда, несоответствующим серьезности правонарушения. К тому же, это, конечно, могло повлиять на желание других судей критически высказываться о государственных учреждениях или их деятельности из страха потерять судейские полномочия.

99. Суд напоминает об «охлаждающем эффекте», который страх наказания имеет на осуществление свободы выражения мнения (см., *mutatis mutandis*, дело *Вилле*, упомянутое выше, § 50; постановления по делам *Нуккула против Финляндии (Nikula v. Finland)*, № 31611/96, § 54, ЕСПЧ 2002-II; *Кумпана и Мазаре против Румынии (Cumpăna and Mazăre v. Romania)* [БП], № 33348/96, § 114, ЕСПЧ 2004-XI; и *Элчи и другие против Турции (Elçi and Others v. Turkey)*, № 23145/93 и 25091/94, § 714, 13 ноября 2003 года). Этот эффект, который пагубно сказывается на обществе в целом, одновременно является фактором, который касается соразмерности, и, следовательно, обоснованием для, санкций, примененных к Заявителю, которая, как Суд заключил выше, была бесспорно вправе привлечь внимание общества к данной теме.

100. Таким образом, Суд расценивает примененное к Заявителю дисциплинарное взыскание как несоразмерно суровое, и к тому же, способное оказать «охлаждающий эффект» на судей, желающих принять участие в общественной дискуссии об эффективности судебных органов.

101. В свете сказанного выше, Суд считает, что национальным органам власти не удалось соблюсти верный баланс между необходимостью защитить авторитет правосудия и репутацию или права других лиц, с одной стороны, и необходимостью защитить право Заявителя на свободное выражения мнения, с другой стороны.

102. Таким образом, имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

II. Применение статьи 41 Конвенции

103. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

104. Заявитель потребовала 25000 евро в качестве возмещения морального ущерба.

105. Государство-ответчик расценило этот иск как чрезмерный и необоснованный. Оно утверждало, что признание нарушения Судом само по себе было бы достаточной справедливой компенсацией.

106. Суд, опираясь на факты данного дела, считает, что Заявитель понесла моральный ущерб. Проведя оценку на справедливой основе, Суд удовлетворяет требования Заявителя в размере 10000 евро в качестве возмещения морального ущерба с добавлением суммы любого налога, которым может облагаться вышеуказанная сумма.

B. Судебные расходы и издержки

107. Заявитель потребовала возмещение судебных расходов с учетом работы, проведенной *pro bono* ее адвокатами в настоящем деле, в размере, установленном Судом.

108. Государство-ответчик возражало против этого.

109. В соответствии с практикой Суда, заявитель имеет право на возмещение своих судебных издержек, только в той степени, в которой, как было установлено, они были действительно взысканы, обязательны и имели разумный размер. В настоящем деле, учитывая отсутствие поданных документов с указанием количественной информации, Суд отклоняет требование о возмещении судебных расходов.

С. Процентная ставка

110. Суд считает справедливым, что процентная ставка должна соответствовать предельной процентной ставке Европейского центрального банка с добавлением трех процентных пунктов.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД

1. *Постановляет* четырьмя голосами против трех, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;
2. *Постановляет* четырьмя голосами против трех,
 - (а) что Государство-ответчик обязано выплатить Заявителю, в течение трех месяцев с момента окончательного вступления данного решения в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции 10 000 евро (десять тысяч евро) в качестве компенсации морального ущерба с последующим их пересчетом в российские рубли по курсу, действующему на момент расчета плюс сумму любого налога, которым могут облагаться суммы, указанные выше;
 - (б) что с момента истечения вышеуказанных трех месяцев до момента выплаты на суммы, указанные выше, выплачиваются простые проценты в размере предельного ссудного процента Европейского центрального банка в течение периода выплаты процентов с добавлением трех процентных пунктов.
3. *Отклоняет* единогласно оставшуюся часть иска Заявителя о справедливом возмещении.

Выполнено на английском языке, представлено в письменной форме 26 февраля 2009 года, в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Кристос Розакис
Сорен Нильсен

Председатель Суда
Секретарь Секции Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 Правила 74 Регламента Суда, к настоящему постановлению прилагаются следующие особые мнения:

- (а) особое мнение судьи Ковлера, к которому присоединилась судья Штайнер;
- (б) особое мнение судьи Николау.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ КОВЛЕРА, К КОТОРОМУ ПРИСОЕДИНИЛАСЬ СУДЬЯ ШТАЙНЕР

Я сожалею, что не могу присоединиться к непрочному большинству в этом постановлении.

Данное дело касается не только личной ситуации Заявителя, но также важнейших вопросов судебной этики как таковой. В отличие от последователей «чистой теории права», я не считаю, что правовые вопросы можно отделить от этических и моральных проблем и, что Конвенция и национальное законодательство можно анализировать только номинально.

В пункте VI о «Свободе выражения мнения» резолюции по вопросам судебной этики, принятой на Пленарном заседании нашего Суда 23 июня 2008 года, говорится: «Судьи осуществляют свободу выражения мнения в манере соответствующей их высокому статусу. Они должны воздерживаться от публичных высказываний или замечаний, которые могут подорвать авторитет суда или породить обоснованные сомнения в его беспристрастности». Применив этот принцип к себе, мы должны затем применить его к нашим коллегам в других судах, которые также

связаны подобными обязательствами, а именно законами о статусе судей и Кодексами судебной этики, принятыми судебными сообществами (см. пункты 43-44 настоящего постановления). Таким образом, законы и профессиональная этика являются общим основанием при оценке поведения судей.

В своем решении о неприемлемости по делу *Питкевич против России* (*Pitkevich v. Russia*) (№ 47936/99, 8 февраля 2001 года) - в котором речь шла об увольнении судьи, которая злоупотребляла своими полномочиями из религиозных побуждений - Суд, проанализировав увольнение Питкевич, заключил, что судьи, не будучи рядовыми государственными служащими, тем не менее, являются частью публичной власти. Судья имеет определенные обязанности в отношении отправления правосудия, сфере, где государство осуществляет суверенные права. Таким образом, судья непосредственно участвует в осуществлении власти в соответствии с законодательством и выполняет обязанности, существующие для защиты общих интересов государства. В деле *Питкевич* Суд пришел к выводу, также как и по делу *Пеллегрин против Франции* (*Pellegrin v. France*) [БП], № 28541/95, ЕСПЧ 1999-VIII) о том, что спор по поводу увольнения судьи, не касался ее «гражданских» прав или обязанностей в соответствии со статьей 6 Конвенции, и, что ее увольнение преследовало законную цель с точки зрения пункта 2 статьи 10 Конвенции с тем, чтобы защитить права других лиц и обеспечить авторитет и беспристрастность правосудия.

Даже если исходить из того, что настоящее дело разительно отличается от дела, упомянутого выше, возникает схожая проблема, касающаяся границ свободы выражения мнения судей.

Из практики Суда известно, что статус госслужащего не лишает вовлеченное лицо защиты по статье 10. В своем постановлении по делу *Гужа против Молдовы*, Большая Палата вновь констатировала, что «защита статьи 10 распространяется на рабочее место вообще и госслужащих, в частности» (см. дело *Гужа* [БП], № 14277/04, § 52, ЕСПЧ 2008-...; см. также дело *Фогта*, 26 сентября 1995 года, § 53, Серия А № 323; дело *Вилле* [БП], № 28396/95, § 41, ЕСПЧ 1999-VII; дело *Ахмеда и других*, 2 сентября 1998 г., § 56, Отчеты о постановлениях и решениях 1998-VI; *Фуентос Бобо против Испании*, № 39293/98, § 38, 29 февраля 2000 года). Однако право на свободное выражения мнения как таковое не безгранично, и Суд в том же

постановлении по делу *Гужа* предостерегает против полностью «разрешительного» прочтения статьи 10: «В то же самое время, Суд осознает, что служащие имеют перед своим работодателем долг лояльности, сдержанности и осмотрительности. Это особенно справедливо в случае с госслужащими, поскольку сам характер государственной службы предполагает, что госслужащий связан долгом лояльности и осмотрительности» (см. дела *Гужа*, § 70; *Фогта*, § 53; *Ахмеда и других*, § 55, упомянутые выше, и дело *Де Диего Натриа против Испании (De Diego Natria v. Spain)*, № 46833/99, § 37, 14 марта 2002 года). В настоящем постановлении Суд воспроизводит эту аргументацию (см. пункт 85), но игнорирует его развитие в деле *Гужа*, и таким образом, я обязан повторить следующее заключение из пункта 71 постановления по делу *Гужа* (поскольку в некоторых случаях такое упущение может быть весьма значительно):

«Поскольку миссия госслужащих в демократическом обществе состоит в помощи Правительству исполнять его функции, и поскольку общественность вправе ожидать, что они будут помогать, а не препятствовать демократически избранному Правительству, долг лояльности и сдержанности приобретает особую значимость в их случае (см., *mutatis mutandis*, дело *Ахмеда и других*, упомянутое выше, § 53). Кроме этого, в силу особенностей своего положения, госслужащие часто имеют доступ к сведениям, которые Правительство, по различным законным причинам, может быть заинтересовано хранить в секрете. Посему, госслужащие всегда крепко связаны долгом осмотрительности».

Обращаясь к настоящему делу, я бы подчеркнул, что Квалификационная коллегия судей г. Москвы обвинила Заявителя в «раскрытии конкретной фактологической информации, касающейся уголовных разбирательств в отношении Зайцева, до того, как постановление по этому делу вошло в законную силу» (пункт 34). Давайте вспомним, что тот уголовный процесс касался действий г-на Зайцева в качестве следователя в крайне деликатном деле о широкомасштабной коррупции, и, что это дело по-прежнему находится на стадии рассмотрения. Очень странно, что в этой связи Суд заключает: «Суд, в этом отношении, не видит ничего в трех оспоренных интервью, что послужило бы основанием для исков о «раскрытии»» (пункт 91). Даже если признать, что высказывания о деталях рассматриваемого дела, по которому Заявитель была судьей, не являлись разглашением секретной информации, их довольно трудно

рассматривать как оценочные суждения. Суд, как видно, оправдывает такое поведение:

«Нет сомнений [sic! – АК] в том, что, действуя таким образом, она подняла значимую тему, вызывающую интерес общественности. В демократическом обществе всегда должна сохраняться возможность открытого обсуждения подобных тем. Ее решение обнародовать эту информацию было основано на ее личном опыте и было принято только после того, как ей было воспрепятствовано в участии в судебном разбирательстве в своем официальном качестве» (пункт 94).

Необходимо подчеркнуть, что «после того, как ей было воспрепятствовано в участии в судебном разбирательстве в своем официальном качестве», [она] участвовала в качестве судьи в нескольких других уголовных делах (пункт 16), и ее полномочия не были прекращены на этой стадии, а лишь приостановлены на два месяца накануне выборов и по ее собственной просьбе. Ничто не указывает на то, что она была освобождена от своего обязательства соблюдать судейскую этику и свои обязательства по профессиональной осмотрительности. Однако Заявитель злоупотребила своим иммунитетом кандидата, раскрыв определенную фактическую информацию относительно уголовного разбирательства деликатного дела до того, как постановление по этому делу вступило в законную силу».

Для Суда такое, назовем его «необычным» (для действующего судьи), поведение оправдано тем обстоятельством, что, во время, когда она делала свои высказывания, Заявитель была вовлечена в предвыборную кампанию: «высказывания на политические темы... заслуживают особой защиты по статье 10» (пункт 95). Таким образом, если кто-либо желает свести личные счёты, безопаснее делать это во время предвыборной кампании, поскольку в этом случае даже раскрытие профессиональной информации и информации ограниченного пользования «не должно рассматриваться как ничем необоснованный личный выпад, а скорее как добросовестное толкование вопроса, имеющего огромную общественную значимость» (пункт 95).

Этот вывод, который является более чем «разрешительным», контрастирует с другим: «... Суд считает обязательным для госслужащих, работающих в судебной сфере, чтобы они демонстрировали сдержанность при осуществлении своей свободы

выражения мнения во всех делах, где авторитет и беспристрастность правосудия могут быть поставлены под вопрос...» (пункт 86). Раскрытие госслужащими информации, полученной в ходе своей работы, даже по вопросам, представляющим общественный интерес, должно рассматриваться с поправкой на их долг лояльности и осмотрительности. И вновь, я бы подчеркнул, что в деле Гужа (упомянутом выше, §§ 72-78) Суд постановил, что, при решении вопроса о том, заслуживает ли извещение о незаконном поведении или нарушениях на рабочем месте защиты по статье 10, необходимо принимать во внимание наличие у конкретного госслужащего других эффективных средств противодействия правонарушению, которое он или она намерены вскрыть, например, сообщив о нем своему начальнику или другой компетентной инстанции... Заявитель предпочла сделать это публично несколько месяцев спустя, во время своей предвыборной кампании (см. пункт 19), и только после этого она подала жалобу в Высшую квалификационную коллегия судей (см. пункт 24): очевидно, что это было сделано для достижения своих личных целей, как и утверждало государство-ответчик.

Важно, что все обвинения Заявителя относительно процессуальных нарушений во время ее участия в уголовном деле в отношении г-на Зайцева были рассмотрены независимым судьей из системы коммерческих судов, и были отклонены как необоснованные, потому что Заявитель не смогла подтвердить заявленные факты. С остальными высказываниями Заявителя, сделанными в ходе интервью в СМИ, например «суды превращаются в инструмент сведения политических, коммерческих или просто личных счетов», можно было бы легко примириться, если бы они исходили от журналистов или профессиональных политиков, но не от судьи, работающего в той же судебной системе, в которой она проработала 18 лет. Главным моральным аспектом этой истории является то, что своим поведением бывший судья Кудешкина исключила себя из сообщества судей еще до применения дисциплинарного взыскания. Таким образом, меры, примененные в отношении Заявителя, и законная цель защиты авторитета правосудия с точки зрения пункта 2 статьи 10 Конвенции (см. дело *Фогта*, упомянутое выше, § 53) были сбалансированными. Эти меры были «предписаны законом» (см. пункты 45-47 постановления), преследовали законную цель, как указано в последнем предложении пункта 2 статьи («предотвращение разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия») и были «необходимы в

демократическом обществе», оставляя национальным органам власти определенную свободу усмотрения при определении соразмерности оспоренного вмешательства вышеупомянутым целям (см., среди других источников, дело *Фогта*, упомянутое выше, § 53).

Суд обратил внимание на «охлаждающий эффект», который страх наказания оказывает на осуществление свободы выражения мнения». Боюсь, что «охлаждающий эффект» этого постановления может состоять в создании впечатления, что необходимость защитить авторитет правосудия гораздо менее значительна, чем необходимость защитить право госслужащих на свободное выражение мнения, даже если намерения *bona fide* госслужащего не доказаны. Я глубоко скорблю в связи с выводами Суда. Я надеюсь, что мои высокоуважаемые коллеги простят мне эту свободу выражения мнения.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ НИКОЛАУ

Обстоятельства, при которых дело Зайцева было передано другому судье, во время процесса, проводимого Заявителем, действительно рождают озабоченность. Эта озабоченность не происходит непосредственно из высказываний Заявителя в СМИ относительно того, что произошло, поскольку ее версия была оспорена, и по этой причине не может рассматриваться как предпочтительная в настоящем контексте. Источником этой озабоченности скорее является содержание отчета о результатах служебного расследования, которое было проведено по факту жалобы Заявителя в отношении этих обстоятельств.

Необходимо отметить, что после 23 июля 2003 года, когда это дело было поручено другому судье, Заявитель участвовала в качестве судьи в нескольких других уголовных делах до конца октября 2003 года, когда, по ее просьбе, она была отстранена от работы в суде, поскольку была кандидатом на всеобщих выборах 7 декабря 2003 года в Государственную Думу РФ. Заявитель дала интервью, содержавшие оспоренные высказывания с выпадами против национальной судебной системы, только в начале декабря 2003 года, в контексте предвыборной кампании и более чем через четыре месяца после передачи дела Зайцева; а жалобу в Высшую квалификационную коллегия судей на то, что председатель Мосгорсуда незаконно оказывала давление на нее

с целью помешать ей осуществлять обязанности судьи должным образом, она подала в день двух своих последних интервью, 4 декабря 2003 года. Таким образом, была существенная задержка, но я готов признать, что из этого не обязательно следуют какие-либо далеко идущие выводы.

Далее, следует заметить, что в соответствии со статьей 6.2 Уголовно-процессуального кодекса РФ, председатели судов помимо судебных, выполняют еще и административные функции. Т. е. они отвечают за организацию работы суда и распределение дел между судьями. Эти обязанности регламентируются статьей 242 того же кодекса, в котором ясно говорится о том, что принципиально следует принимать как должное, а именно то, что дело должно рассматриваться одним и тем же судьей, если только он или она не окажутся неспособны принимать участие в слушании. По-видимому, в данном случае, осуществляя свои полномочия, указанные в статье 6.2, председатель Мосгорсуда изъяла дело из производства Заявителя. Изначально, это было сделано под предлогом того, что, если бы дело осталось в руках Заявителя, то это привело бы к неприемлемой задержке. Однако позднее объяснение было изменено. В отчете, подготовленном судьей, проводившим проверку, было сказано, что основания, на которые опиралась председатель суда, заключались, по сути, в том, что Заявитель: «была неспособна вести судебное слушание, ее процессуальные действия были непоследовательны, [она действовала] в нарушение принципа состязательности и равенства сторон, она высказывала свое правовое мнение о еще незаконченном уголовном процессе и делала попытки получить консультации у председателя суда по данному делу, а также в виду наличия конфиденциальных сообщений соответствующих органов председателю Мосгорсуда в отношении судьи Кудешкиной, в связи с рассмотрением дела Зайцева и других уголовных дел».

Было продемонстрировано, что, истолковывая вышеупомянутую статью 6.2, национальные суды не признали, что председатели судов обладают такими огромными полномочиями при административном рассмотрении того, что явно является процессуальными вопросами судебного характера; и было бы очень удивительно, если бы они признали. Но наиболее тревожным моментом была опора на «... конфиденциальные отчеты соответствующих органов председателю Мосгорсуда относительно судьи Кудешкиной...» как основание для отстранения судьи от этого дела. Судья, проводивший расследование, видимо, и не подумал о том, что такие основания рождали какие-либо

вопросы, равно как он не усмотрел какой-либо связи между ними и изложением событий Заявителя, которое, в определенной степени, подтверждалось письменными утверждениями народных заседателей и секретаря суда, по крайней мере, в отношении того, как разворачивались события. Его вывод о недостаточности доказательств в поддержку обвинения Заявителя, основанный только на том, что их отрицал человек, в адрес которого они были направлены, нельзя расценивать как удовлетворительный. Наконец, нет оснований считать, что соответствующие органы власти рассматривали какой-либо из этих вопросов при принятии решения отклонить жалобу.

Учитывая такое общее положение вещей, и в свете содержания заключения о служебной проверке, который оставил простор различным сценариям, право Заявителя на свободу выражения мнения приобретает особенную значимость. Такова моя оценка. И хотя мне кажется, что судье, более чем кому-либо, следует воздерживаться от публичных выступлений в период, либо пока дело еще находится в производстве – как в данном случае – либо до подачи жалобы в соответствующую инстанцию и предоставления времени на ответ – чего Заявитель не сделала – я по-прежнему не отвергаю возможности принять точку зрения, которой как мы видим, придерживалось большинство состава Суда о том, что судья сохраняла право на публичное выступление немедленно, вследствие предположительно исключительных обстоятельств.

Важнейший аспект этого дела, однако, заключается в том, что высказывания Заявителя не ограничивались только процессом над Зайцевым. Заявитель высказывалась прямо и недвусмысленно о существовании проблемы гораздо большего масштаба в национальной судебной системе. Ссылаясь на свой долгий опыт работы в Мосгорсуде, она категорично заявила, что сомневается в существовании независимых судов в Москве. Она утверждала, не приводя никаких уточнений или конкретных примеров, что московские суды, как при рассмотрении гражданских, так и уголовных дел, систематически используются как инструмент сведения политических, коммерческих или личных счетов; она говорила о грубых манипуляциях судьями, возмутительных скандалах и широко распространенной коррупции в московских судах; и она сделала вывод, что если все судьи будут молчать об этом, в стране уже в самое ближайшее время может просто наступить «судебный беспредел». Для меня очевидно, что из ее высказываний следует, что она могла

привести конкретные примеры, которые были бы подтверждением того, что она описывала в отношении масштаба проблемы. Однако она не приложила никаких усилий для создания фактологического основания до того, как высказывать оценочные суждения о степени и серьезности ситуации, которую она обобщила, сказав, что «никто не может быть застрахован и уверен в том, что его дело, любое, будь то гражданское, административное или уголовное, будет разрешено по закону, а не в угоду кому-либо». Эти чрезвычайно резкие слова исходили от судьи, и они не должны были прозвучать, если судья не была в состоянии обосновать их, хотя бы в какой-то степени.

Постановление Суда в основном основывается на деле Зайцева в то время, как высказываниям Заявителя о более масштабной проблеме (созданной, по ее мнению, массой других случаев подобных делу Зайцева, которое было лишь одним из примеров), на мой взгляд, не было уделено достаточно внимания. В сущности, она настаивала на том, что такие проявления были широко распространены и носили систематический характер, что и сформировало основание для ее заключения о том, что обычный гражданин не мог надеяться добиться справедливости в судах Москвы. Далее, в отношении общего тона ссылок на высказывания Заявителя в принятом большинством постановлении, я не могу согласиться с тем, что известные высказывания главным образом состояли из оценочных суждений, не требовавших доказательств, хотя и знаю о гибкости практики Суда в этой связи.

Если, действительно, Заявителю были известны факты помимо тех, что относились к делу Зайцева, о значительной коррумпированности судов и принуждению судей к закулисным договоренностям, Заявитель, высказывая обвинения, должна была сообщить более конкретные сведения. На деле же она заклеила каждого судью, работающего в московских судах или как добровольного пособника, или как беспомощную жертву прогнившей судебной системы, забыв о тех судьях, которые, как она сама, могли претендовать на безупречную репутацию. Вкратце, она осудила всех судей без разбора, тем самым, разрушая всю судебную систему. Один лишь инцидент в деле Зайцева, не дает основания для таких далеко идущих выводов.

Следует иметь в виду, что сказанное судьей публично может возыметь значительный эффект, поскольку люди естественно склонны воспринимать взгляды судьи как сбалансированные и выверенные; в то

время как, например, считается, что журналист, который воспринимается как страж общественных интересов, иногда может позволить себе провокацию или преувеличение. Во время, когда были сделаны оспоренные высказывания, судебные полномочия Заявителя уже были приостановлены, чтобы дать ей возможность провести свою политическую кампанию. Следовательно, она могла высказываться более свободно. Однако она по-прежнему оставалась судьей. Она была по-прежнему связана положениями закона «О статусе судей в РФ» и должна была иметь в виду Кодекс судейской этики, невзирая на его правовой статус. Поэтому она была обязана высказываться сдержанно. Вместо этого, она пошла на неприемлемые крайности. Поэтому, по моему мнению, национальные органы власти были вправе прийти к такому заключению, к которому они пришли, а именно, что «действия судьи Кудешкиной опорочили честь и достоинство судьи, дискредитировали авторитет правосудия [и] нанесли значительный ущерб престижу профессии судьи, являясь, таким образом, дисциплинарным правонарушением». Далее, при таких обстоятельствах, дисциплинарное наказание, наложенное на Заявителя, не было, на мой взгляд, несоразмерным.

И последнее. Заявитель жаловалась на процессуальное нарушение при судебном пересмотре ее жалобы, которое, с моей точки зрения, ни к чему не сводилось. Пусть и с некоторой задержкой, один из судей Верховного Суда указал ей на то, что правила о юрисдикции запрещали передачу функции судебного пересмотра ее дела из Мосгорсуда в другой суд. Так или иначе, участие Мосгорсуда не могло оказать решающее влияние на исход разбирательств в целом, учитывая, что выводы по существу дела и окончательный пересмотр меры наказания были сделаны органами, чья беспристрастность сомнений не вызывала.

**© Центр Защиты Прав СМИ,
перевод с английского, 2009**

Краткое изложение дела

ДЕЛО «ЛЕШНИК ПРОТИВ СЛОВАКИИ» (Lesnik v. Slovakia)

(жалоба № 35640/97)

Постановление Суда

Страсбург, 11 марта 2003 года

Суть принятого решения: В отношении заявителя не имело место нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод); пять голосов против двух.

Краткое изложение обстоятельств дела:

Заявитель обратился в городскую прокуратуру Кошице с ходатайством о возбуждении уголовного дела в отношении X., - бизнесмена из Чешской Республики, которого он подозревал в мошенничестве. Ходатайство было рассмотрено различными органами, однако уголовное дело возбуждено не было.

Позднее заявитель неоднократно обращался в полицию с сообщениями о том что он подвергается преследованию из-за того, что написал ряд статей о некоторых бывших членах коммунистической партии.

Прокуратура возбудила против заявителя уголовное дело на том основании, что он подозревается в краже имущества у X. В ответ на это заявитель направил прокурору письмо, в котором обвинял его в сфабрикованном против него уголовном деле, основанном на незаконном прослушивании его телефонных переговоров. Помимо этого заявитель написал Генеральному прокурору, указав, что прокурор превысил свои служебные полномочия.

В связи с вышеуказанными письмами заявителю было предъявлено обвинение в оскорблении государственного должностного лица.

В результате рассмотрения уголовного дела суд осудил заявителя за оскорбление государственного должностного лица и приговорил его к

лишению свободы сроком на четыре месяца с отсрочкой исполнения наказания на годичный испытательный срок.

Заявитель подал апелляцию, утверждая, что целью его обращений было не оскорбление прокурора, а предотвращение дальнейших проволочек в рассмотрении его обращения 1991 года о совершенном преступлении. Далее заявитель утверждал, что его высказывания, о которых идет речь, не были оскорбительными и не образовывали состава преступления.

Областной суд отклонил апелляцию заявителя, оставив решение районного суда в силе.

Оценка Европейского Суда:

И Суд, и стороны согласились с тем, что вмешательство имело под собой правомерную цель. Заявитель полагал, что его осуждение нельзя считать законным, Правительство настаивало на том, что вмешательство было «предусмотрено законом», Суд с ним согласился. Основная задача Суда заключалась в определении – было ли вмешательство «необходимо в демократическом обществе».

Первоначально Суд напомнил, что «рамки допустимой критики в отношении государственных служащих при осуществлении ими своих полномочий могут при определенных обстоятельствах быть шире, чем в отношении частных лиц. Однако нельзя говорить, что государственные служащие сознательно оставляют открытым для пристального анализа каждое свое слово и действие в той степени, как это делают политики, и следовательно, что они должны находиться в одинаковом положении с последними, когда речь заходит о критике их действий». (п. 53)

Суд пришел к выводу, что хотя высказывания заявителя и могут рассматриваться как оценочные суждения, они также содержали и обвинения, которые носили серьезный характер, были сделаны неоднократно и могли нанести ущерб репутации прокурора.

Относительно тяжести назначенного наказания Суд сказал следующее (п. 63):

«Хотя наложенное на заявителя наказание - лишение свободы сроком на четыре месяца с отсрочкой исполнения на годичный испытательный срок - и нельзя назвать незначительным, Суд отмечает, что оно располагается в нижней части шкалы применяемых наказаний».

В этой связи действия национальных судов Суд счел достаточным и соразмерными преследуемой правомерной цели – защиты репутации прокурора, а вмешательство «необходимым» в смысле пункта 2 статьи 10 Конвенции.

В итоге Суд пришел к выводу, что не имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

© Центр Защиты Прав СМИ, 2010

ДЕЛО «ЛЕШНИК ПРОТИВ СЛОВАКИИ»

(Lesnik v. Slovakia)

(жалоба № 35640/97)

Постановление Суда

Страсбург, 11 марта 2003 года

По делу «Лешник против Словакии» Европейский Суд по правам человека (Четвертая секция), заседая Палатой, в состав которой вошли:

сэр Николас Братца, *Председатель*,

г-н Матти Пеллонпаа,

г-жа Вера Стражницка,

г-н Марк Фишбах,

г-н Райт Марусте,

г-н Станислав Павловский,

г-н Лех Гарлицки, *судьи, судьи*,

а также г-н Майкл О'Бойл, *Секретарь Секции*,

Проведя 17 декабря 2002 года и 4 февраля 2003 года закрытые заседания,

Вынес следующее постановление, принятое в последний из указанных выше дней:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было возбуждено по жалобе (№ 35640/97) против Словацкой Республики, поданной в Европейскую комиссию по правам человека (далее - «Комиссия») согласно статье 25 прежней редакции Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - «Конвенция») 10 марта 1997 года г-ном Алексеем Лешником (далее - «Заявитель»), гражданином Словакии.

2. Интересы заявителя, которому была предоставлена юридическая помощь, представлял г-н Й. Хрубала, - адвокат, практикующий в Банска-Бистрице. Представителем правительства Словацкой Республики (далее - «Правительство») был г-н П. Вжански.
3. Заявитель утверждал, в частности, что в результате осуждения его за высказывания в адрес прокурора было нарушено его право на свободу выражения.
4. Жалоба была передана в Суд 1 ноября 1998 года, когда вступил в силу Протокол № 11 к Конвенции (пункт 2 статьи 5 Протокола № 11).
5. Жалоба была передана во Вторую Секцию Суда (пункт 1 Правила 52 Регламента Суда). В рамках этой Секции в соответствии с пунктом 1 Правила 26 Регламента Суда была образована Палата, которой предстояло рассмотреть данное дело (пункт 1 статьи 27 Конвенции).
6. 1 ноября 2001 года Суд изменил состав своих Секций (пункт 1 Правила 25). Данное дело было передано новому составу Четвертой Секции.
7. Решением от 8 января 2002 года Суд объявил жалобу частично приемлемой.
8. Заявитель и Правительство представили свои соображения по существу дела (пункт 1 Правила 59). После проведения консультаций со сторонами Палата решила, что в проведении слушаний по существу дела необходимости нет (заключительная часть пункта 2 Правила 59).

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

9. Заявитель родился в 1940 году и проживает в г. Кошице. Он занимается бизнесом.
10. 2 декабря 1991 года заявитель обратился в городскую прокуратуру Кошице с ходатайством о возбуждении уголовного дела в отношении Х., - бизнесмена из Чешской Республики, которого он подозревал в

мошенничестве. Ходатайство было рассмотрено различными органами, однако уголовное дело возбуждено не было.

11. 4 декабря 1992 года заявитель пожаловался в полицию, что двое неизвестных оставили на дверях его квартиры записку, в которой было сказано, что ему переломают руки, если он не «перестанет писать». 13 апреля 1993 года заявитель сообщил в полицию, что неизвестным был произведен выстрел в окно его квартиры. Он заявлял, что подвергается преследованию из-за того, что написал ряд статей о некоторых бывших членах коммунистической партии. Впоследствии заявителю было сообщено, что полиция не смогла установить личность злоумышленников.

12. 5 апреля 1993 года заявитель обратился к руководителю Кошицкого телекоммуникационного управления с жалобой на то, что после смены АТС телефонные разговоры в его агентстве часто прерывались. Заявитель утверждал, что перед разъединением в телефонной трубке слышался шум, похожий на тот, что некогда наблюдался в тех случаях, когда телефонные разговоры прослушивались коммунистической тайной полицией. Он потребовал принять меры к исправлению сложившейся ситуации.

13. 10 июня 1993 года полицейский следователь возбудил против заявителя уголовное дело на том основании, что он подозревается в краже имущества у Х. Это решение базировалось на письменном запросе районного прокурора г. Семили из Чешской Республики.

14. 1 ноября 1993 года заявитель обратился к областному прокурору Кошице с просьбой прекратить возбужденное против него уголовное дело. В своем письме заявитель, без предоставления дальнейших деталей, жаловался на то, что занимавшийся его делом полицейский следователь получал сведения о нем путем незаконного прослушивания его телефона. Он требовал возбудить в отношении неизвестного лица или лиц уголовное дело за незаконное прослушивание телефона.

15. 6 декабря 1993 года заявитель направил письмо П., - прокурору 1-го округа Кошице. В письме, среди прочего, содержались следующие утверждения:

«Поскольку вам, товарищ прокурор, не удалось добиться своих целей в одной области, вы без устали продолжаете, в полном соответствии с практикой агентов [бывшей] государственной безопасности, фабриковать [против заявителя] другое дело, как вас тому учили во времена так называемого безошибочного социалистического законодательства. В этой связи могу уверить вас, что я не преклонялся перед высокими представителями бывшей политической системы и, в особенности, перед агентами [бывшей] государственной безопасности, которые уделяли моей скромной персоне не меньше внимания, чем вы теперь. Никому не удастся запугать меня, а уж менее всего таким людям, как вы - человек с сомнительным прошлым, не говоря о других [ваших] качествах ...

И отнюдь не только мой прежний опыт руководства детективным агентством не позволяет мне ассоциировать вас с такими понятиями, как объективность, профессионализм и законопослушность. Поэтому мне хотелось бы напомнить вам по этому поводу, что вы тоже обязаны подчиняться закону, невзирая на то, что, возможно, вы считаете себя... всемогущим владыкой Татрских гор и долины реки Ваг, и, в качестве такового - вне досягаемости кого-либо еще, ибо теперь вы находитесь под защитой товарища [М.]... Злоупотребление законами может иметь для вас самые неприятные последствия. Пока же я ограничусь упоминанием лишь некоторых злоупотреблений, которые не требуют никакого комментария».

16. Далее в письме заявитель утверждал, что адресат несет ответственность за отклонение выдвинутых заявителем против Х. обвинений и за возбуждение уголовного дела в отношении заявителя в 1993 году, а также то, что он отдал незаконное распоряжение о прослушивании телефона заявителя.

17. П. передал письмо своему непосредственному начальнику, областному прокурору Кошице. В письме от 17 марта 1994 года последний сообщил заявителю, что не было установлено того, что П. отдал распоряжение о прослушивании телефона заявителя или совершил иные противоправные действия.

18. Тем временем, 7 марта 1994 года заявитель обратился к Генеральному прокурору с жалобой на то, что П. превысил свои служебные полномочия. В письме, в числе прочего, говорилось:

«[П.] удовлетворил просьбу [адвоката Х.]... не возбуждать в Словакии уголовного дела в отношении Х., несмотря на наличие достаточных оснований для возбуждения такого преследования ... Конечно же, определенную роль в этом сыграли деньги, которые Х. заплатил для прикрытия своей мошеннической деятельности. Таким образом, представляется целесообразным провести расследование того, а не имело ли место в данном случае [такое преступление, как взяточничество] ...

После получения ... угрозы ... от ... следователя 1-го Следственного управления Кошице в рамках производства по делу Х. ... 10 июня 1993 года я направился в вышеуказанное управление. После того, как я отклонил предложенное мне «соглашение», [следователь], бывший агент государственной безопасности, обвинил меня в краже [имущества] Х. в 1991 году. Таким образом, с 1991 года [П.] не желал возбуждать против Х. судебное преследование, но сфабриковал с помощью полицейского следователя, которого легко можно было шантажировать, уголовное дело против меня с намерением отомстить мне за выдвинутые мною обоснованные обвинения в его адрес. [П.] сделал это вопреки [соответствующим положениям Уголовно-процессуального кодекса], потому что до сих пор... [у компетентных органов] отсутствуют доказательства, из которых можно было бы с достаточной долей уверенности заключить, что я что-либо украл у Х. В дальнейшем я осознал, что мой телефон, использовавшийся также моим детективным агентством, поставлен на прослушивание в нарушение статьи 88 Уголовно-процессуального кодекса».

19. По ходатайству П. Генеральная прокуратура дала согласие на возбуждение в отношении заявителя уголовного дела по обвинению в оскорблении прокурора. Дело было передано прокурору в Липтовски-Микулаше. 2 июня 1994 года заявителю было предъявлено обвинение

в оскорблении государственного должностного лица в его вышеупомянутых письмах от 6 декабря 1993 года и 7 марта 1994 года.

20. В письме от 5 сентября 1994 года, адресованном в областную прокуратуру Кошице, заявитель высказал мнение, что целью преследования, которому он подвергался в 1992 году и 1993 году, было заставить его отозвать свои обвинения против Х. Заявитель потребовал назначить расследование.

21. В сентябре 1994 года газета «Нецензуrowане новини» (Necenzurovane noviny) опубликовала статью третьего лица, в которой подробно описывалось дело заявителя. Статья была озаглавлена «Как красная чума хозяйничает в Восточной Словакии» и включала в себя выдержки из вышеуказанных писем заявителя. В соответствующих частях статьи говорилось:

«...По этой причине районная прокуратура в Липтовски-Микулаше начала 2 июня 1994 года преследование г-на А. Л. [заявителя]. Чтобы дать читателю представление о том, что возможно в [Словакии], я процитирую текст, который, по мнению прокурора [Л.], образует состав уголовного преступления.

В своем письменном обращении от 7 марта 1994 года, адресованном Генеральному прокурору в Братиславе, [заявитель] утверждал в отношении [прокурора П.], что тот умышленно неправильно вел уголовное дело [Х.], чтобы «удовлетворить просьбу своего друга [М.] из Кошице, бывшего председателя городского суда Кошице, занимавшего ключевое положение в городском комитете Коммунистической партии Словакии, а в настоящее время являющегося адвокатом [Х.], не возбуждать в Словакии уголовного дела в отношении [Х.], несмотря на наличие достаточных оснований для возбуждения такого преследования. Конечно же, определенную роль в этом сыграли деньги, которые [Х.] заплатил для прикрытия своей мошеннической деятельности. Таким образом, представляется целесообразным провести расследование того, не подпадают ли имеющиеся факты под статьи 161 и 162 Уголовного кодекса [в которых речь идет о даче и получении взяток]».

В том же обращении [заявитель] писал: «Впоследствии я обнаружил, что мой телефон, использовавшийся также моим детективным агентством, поставлен на прослушивание в нарушение статьи 88 Уголовно-процессуального кодекса».

В письменном обращении, датированном 6 декабря 1993 года и адресованном прокурору П., [заявитель] утверждал, в том числе, следующее: «Поскольку вам, товарищ прокурор, не удалось добиться своих целей в одной области, вы без устали продолжаете, в полном соответствии с практикой агентов [бывшей] государственной безопасности, фабриковать другое дело, как вас тому учили во времена так называемого безошибочного социалистического законодательства. В этой связи могу уверить вас, что я не преклонялся перед высокими представителями бывшей политической системы и, в особенности, перед агентами [бывшей] государственной безопасности, которые уделяли моей скромной персоне не меньше внимания, чем вы теперь. Никому не удастся запугать меня, а уж менее всего таким людям, как вы - человек с сомнительным прошлым, не говоря о других [ваших] качествах».

Далее в этом обращении [заявитель] говорил: «И отнюдь не только мой прежний опыт руководства детективным агентством не позволяет мне ассоциировать вас с такими понятиями, как объективность, профессионализм и законопослушность. Поэтому мне хотелось бы напомнить вам по этому поводу, что вы тоже обязаны подчиняться закону, невзирая на то, что вы, возможно, считаете себя... всемогущим владыкой Татарских гор и долины реки Ваг, и в качестве такового - вне досягаемости кого-либо еще, ибо теперь вы находитесь под защитой товарища [М.]... Злоупотребление законами может иметь для вас самые неприятные последствия. Пока же я ограничусь упоминанием лишь некоторых злоупотреблений, которые не требуют никакого комментария».

Таким образом, на основании данных высказываний прокурор [Л.] по указанию [Генерального прокурора] возбудил

судебное преследование в отношении г-на А. Л. Такая несправедливость не может оставить равнодушным ни одного порядочного человека».

22. 7 ноября 1994 года заявитель сообщил прокурору в Липтовски-Микулаше, что в его намерения входило критиковать П. за его неподобающие действия, но никак не оскорблять его. Далее заявитель уведомил занимавшегося этим делом прокурора, что он не писал никаких газетных статей по этой теме, но всего лишь предоставил автору статьи соответствующие документы.

23. 8 ноября 1994 года областной прокурор Кошице передал в районную прокуратуру в Липтовски-Микулаше документ, в котором, со ссылкой на соответствующий реестр, указывалось, что прокурор 1-го округа Кошице не давал распоряжений о прослушивании телефона заявителя между 1992 и 1994 годами.

24. 23 ноября 1994 года в районном суде Липтовски-Микулаша районной прокурор Липтовски-Микулаша выдвинул против заявителя обвинение в оскорблении государственного должностного лица. 25 ноября 1994 года районной суд Липтовски-Микулаша по соображениям юрисдикции передал дело в суд 1-го округа Кошице. Поскольку прокурор, которого затрагивали высказывания заявителя, отвечал за тот же самый округ, 9 марта 1995 года областной суд Кошице передал дело на рассмотрение в районной суд Требишова.

25. 25 апреля 1995 года районный суд Требишова издал судебное распоряжение, в котором признал заявителя виновным в нападках на государственное должностное лицо, на том основании, что в своих вышеупомянутых письмах от 6 декабря 1993 года и 7 марта 1994 года тот оскорбил прокурора. Суд приговорил заявителя к лишению свободы сроком на четыре месяца с отсрочкой исполнения наказания на годичный испытательный срок.

26. Заявитель оспорил это распоряжение. Дело было передано другому судье. 25 июня 1996 года районной суд Требишова осудил заявителя по статье 156 (3) Уголовного кодекса за оскорбление государственного должностного лица и приговорил его к лишению свободы сроком на четыре месяца с отсрочкой исполнения наказания на годичный испытательный срок. В судебном решении, в частности, говорилось, что в своих письмах заявитель утверждал, что прокурор умышленно

действовал ненадлежащим образом в отношении поданного заявителем в 1991 году ходатайства о возбуждении уголовного дела в отношении Х.; что прокурор поступал так по просьбе представлявшего Х. адвоката; и что Х. заплатил за это некую денежную сумму. Районный суд также указал, что заявитель обвинял П. в нежелании удовлетворить его сообщение о совершенном преступлении и в том, что он приказал возбудить уголовное дело в отношении заявителя и распорядился организовать незаконное прослушивание его телефона.

27. Далее в судебном решении говорилось, что заявитель не показал, что прокурор, о котором идет речь, действовал не в соответствии с законом. Поэтому Суд заключил, что обращения заявителя носили клеветнический характер и были грубо оскорбительными.

28. Районный суд не согласился с доводами заявителя, что единственной целью его писем было то, чтобы его ходатайство о возбуждении уголовного дела в отношении Х. было рассмотрено надлежащим образом. Суд отметил, что кроме двух писем, о которых идет речь, заявитель отправил большое количество других жалоб по тому же вопросу, но в них не содержалось никаких клеветнических или оскорбительных замечаний. Областная прокуратура Кошице и Генеральная прокуратура рассмотрели жалобы заявителя и отклонили их как необоснованные.

29. Заявитель подал апелляцию, как от себя лично, так и через своего адвоката. Он заявлял, что целью его обращений было не оскорбление П., а предотвращение дальнейших проволочек в рассмотрении его обращения 1991 года о совершенном преступлении. Далее заявитель утверждал, что его высказывания, о которых идет речь, не были оскорбительными и не образовывали состава преступления.

30. 24 сентября 1996 года областной суд Кошице после заслушивания показаний заявителя отклонил его апелляцию и попросил его обосновать свои обвинения.

31. Областной суд пришел к заключению, что в утверждениях, содержащихся в письмах заявителя от 6 декабря 1993 года и 7 марта 1994 года, тот неоправданно грубо оскорбил прокурора. В частности, в решении говорится, что заявитель не смог обосновать своего утверждения, будто бы Х. заплатил деньги за то, чтобы в его отношении не было возбуждено уголовного преследования, и

напоминается, что Генеральная прокуратура не обнаружила ничего незаконного в действиях П. ни в этом, ни в каком-либо ином отношении.

32. Далее областной суд посчитал клеветническими и грубо оскорбительными утверждения заявителя, что прокурор действовал в соответствии с практикой агентов бывшей государственной безопасности, имел темное прошлое, не говоря о других его качествах, и, возможно, считал себя всемогущим владыкой Татрских гор и долины реки Ваг, находящимся «вне досягаемости кого-либо еще».

33. По мнению областного суда, заявитель не смог представить достаточных оснований для такого рода утверждений. Суд не согласился с доводом заявителя, что у него имеются сомнения относительно прошлого и личных качеств прокурора, потому что последний изучал когда-то социалистическое право, не предпринял надлежащих действий по поданному заявителем в 1991 году обращению о совершенном преступлении и возбудил против него уголовное дело.

34. В своем решении областной суд отметил, что ничто не препятствовало заявителю воспользоваться надлежащими средствами судебной защиты в соответствующих органах за те действия П., которые он считал неправильными или незаконными. В то же время, он указал, что, допустив в своих обращениях клеветнические и оскорбительные замечания, заявитель подверг государственное должностное лицо нападкам в смысле статьи 156 (3) Уголовного кодекса. Областной суд утвердил меру наказания, наложенную на заявителя районным судом.

35. 28 октября 1996 года Управление 4-го округа Кошице аннулировало действие выданного ранее заявителю разрешения на занятие коммерческой деятельностью, по которому он мог, в числе прочего, руководить детективным агентством, на том основании, что заявитель был осужден за совершение преступления. 12 декабря 1996 года Кошицкое областное управление отклонило апелляцию заявителя на это решение.

36. 4 июня 1997 года областной суд Кошице отменил административные решения, касающиеся аннулирования выданного заявителю разрешения на занятие коммерческой деятельностью, и

передал дело в Кошицкое областное управление. В своем решении областной суд указал, что оба административных органа, принимая решение в низших инстанциях, не смогли представить каких-либо юридических оснований для своих решений.

37. 18 ноября 1997 года районный суд Требишова издал решение, в котором отмечалось, что, поскольку в течение испытательного срока заявитель не совершил никаких правонарушений, то судимость с него снимается.

38. 1 января 1998 года в соответствующий закон была внесена поправка, согласно которой лица, желающие руководить частными охранными агентствами, обязаны были получить разрешение в Главном полицейском управлении. Заявитель не стал обращаться за таким разрешением и 3 июня 1998 года вернул в Управление 4-го округа Кошице свое разрешение на занятие коммерческой деятельностью от 7 января 1993 года, по которому ему позволялось руководить детективным агентством. Между тем, 18 февраля 1998 года он зарегистрировал в соответствующих органах компанию, которая должна была заниматься другим родом деятельности. При этом заявитель представил свидетельство об отсутствии у него нет судимостей и 6 апреля 1998 года получил новое разрешение на занятие коммерческой деятельностью.

II. Применимое национальное законодательство

39. Статья 156 (3) Уголовного кодекса предусматривает, что лицо, которое делает грубо оскорбительные или клеветнические замечания в отношении государственного должностного лица, связанные с исполнением этим лицом своих должностных обязанностей, наказывается лишением свободы на срок до одного года или денежным штрафом.

ПРАВО

40. Заявитель жалуется на нарушение его права на свободу выражения мнения в связи с осуждением его за критику действий прокурора, которые он считал противоправными. Он утверждал, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции, предусматривающей, в числе прочего, следующее:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе ... для защиты репутации или прав других лиц ... или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

A. Наличие вмешательства

41. Никто не оспаривает, что осуждение заявителя за оскорбление государственного должностного лица и вынесение ему наказания в виде лишения свободы, отсроченного исполнением, представляли собой вмешательство в его свободу выражения, гарантированную пунктом 1 статьи 10. Суд не видит оснований для иного вывода.

B. Правомерность вмешательства

42. Вмешательство не противоречит статье 10 Конвенции только в том случае, если оно «предусмотрено законом», преследует одну или несколько правомерных целей, указанных в пункте 2 статьи 10, и «необходимо в демократическом обществе» для достижения такой цели или целей.

1. «Предусмотрено законом»

43. Заявитель настаивал на том, что, поскольку Уголовный кодекс и Уголовно-процессуальный кодекс были приняты еще в 1961 году и, несмотря на внесение в них ряда поправок, соответствующие их положения по-прежнему остаются направленными на притеснение граждан, то осуждение его не может считаться законным.

44. Правительство утверждало, что вмешательство соответствовало статье 156 (3) Уголовного кодекса, действовавшего в указанное время.

Оно считало, что время и обстоятельства его принятия не имеют никакого отношения к вопросу о том, было ли такое вмешательство «предусмотрено законом» или нет.

45. Суд отмечает, что вмешательство, о котором идет речь, имело правовую основу, а именно статью 156 (3) Уголовного кодекса, и признает, что применение содержащихся в ней правовых норм к делу заявителя не вышло за рамки того, что можно было бы разумно предвидеть в данных обстоятельствах. Следовательно, вмешательство было предусмотрено законом в смысле пункта 2 статьи 10 Конвенции. Что же касается довода заявителя о характере уголовного права в Словакии, то он сводится, по существу, к вопросу о том, было ли вмешательство, вытекающее из применения соответствующего законодательства к настоящему делу, «необходимым в демократическом обществе», т. е. к вопросу, который Суд рассматривает далее.

2. Правомерная цель

46. Заявитель утверждал, что вмешательство, о котором идет речь, не преследовало никакой правомерной цели, поскольку основной его целью было оправдать отказ прокурора, о котором идет речь, дать ход сообщению заявителя о совершенном другим лицом преступлении.

47. С точки зрения Правительства, вмешательство преследовало правомерную цель защиты репутации и прав рассматриваемого прокурора, а также цель обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

48. Суд указывает, что возбужденное в отношении заявителя уголовное дело вследствие его критических высказываний в отношении П. преследовало правомерную цель защиты репутации и прав последнего с тем, чтобы оградить его от необоснованных нападок при исполнении им своих должностных обязанностей как прокурора.

3. «Необходимо в демократическом обществе»

(а) Аргументы сторон

49. Заявитель настаивал на том, что вмешательство не было необходимым в демократическом обществе. Он, в частности,

указывал, что его утверждения были оценочными суждениями, которые не поддаются доказательству; что цель их заключалась не в оскорблении государственного должностного лица, а в критике тех его действий, которые он считал неправомерными; и что сам он не публиковал своих писем и не распространял их среди широкой публики. Наконец, заявитель утверждал, что вмешательство было несоразмерным, так как ему было назначено наказание в виде лишения свободы, а вслед за его осуждением было аннулировано его разрешение на занятие коммерческой деятельностью.

50. Правительство утверждало, что в вышеупомянутых письмах заявитель обвинял прокурора в превышении своих служебных полномочий и неправомерных действиях. Однако эти заявления, сделанные вне рамок обсуждения вопросов, представляющих существенный общественный интерес, оказались беспочвенными. Таким образом, обжалуемое вмешательство было оправдано настоятельной общественной потребностью, а именно защитой государственного должностного лица от оскорблений, способных нанести ущерб его правам и репутации. Наконец, Правительство заявляло, что основания, которыми руководствовались национальные суды, были существенными и достаточными, а вмешательство было соразмерно преследуемой правомерной цели.

(b) Оценка Суда

(i) Соответствующие принципы

51. В соответствии с установившейся практикой Суда (см. обзор основных принципов в постановлениях по делам *Яновский против Польши (Janowski v. Poland)* [GC], № 25716/94, пп. 30 и 33, ECHR 1999-I; *Нукла против Финляндии (Nikula v. Finland)* от 22 марта 2002 года, № 31611/96, пп. 44 и 48, где приведены дальнейшие ссылки), прилагательное «необходимый» в смысле пункта 2 статьи 10 подразумевает наличие «настоятельной общественной потребности». Государствам-участникам предоставлена определенная сфера усмотрения в оценке того, существует ли подобная потребность, но она идет рука об руку с европейским контролем, который охватывает как закон, лежащий в основе решения, так и само решение, в том числе и вынесенное независимым судом. Именно Европейский Суд уполномочен давать окончательное определение того, насколько

«ограничение» совместимо со свободой выражения, в том виде, как она защищается статьей 10.

52. Осуществляя свою контрольную юрисдикцию, Суд должен взглянуть на оспариваемое вмешательство с учетом обстоятельств дела в целом, включая содержание высказываний, вменяемых в вину заявителю, и контекст, в которых он их сделал. В частности, Суд должен определить, «соразмерно» ли рассматриваемое вмешательство «преследуемым правомерным целям» и являются ли основания, выдвинутые в его оправдание национальными властями, «существенными и достаточными». При этом Суд должен убедиться в том, что национальные власти применяли нормы, соответствующие принципам статьи 10 и, более того, что их применение основывалось на приемлемой оценке обстоятельств, относящихся к делу.

53. По общему признанию, рамки допустимой критики в отношении государственных служащих при осуществлении ими своих полномочий могут при определенных обстоятельствах быть шире, чем в отношении частных лиц. Однако нельзя говорить, что государственные служащие сознательно оставляют открытым для пристального анализа каждое свое слово и действие в той степени, как это делают политики, и следовательно, что они должны находиться в одинаковом положении с последними, когда речь заходит о критике их действий. Более того, государственные служащие должны пользоваться общественным доверием в условиях защиты от необоснованных нападков, если они намерены и далее успешно выполнять свои обязанности. Поэтому может оказаться нужным защитить их от оскорбительных словесных нападков при исполнении ими своих должностных обязанностей.

(ii) Применение вышеуказанных принципов к рассматриваемому делу

54. Прокуроры являются государственными служащими, задача которых состоит в том, чтобы всячески содействовать надлежащему отправлению правосудия. В этом отношении они являются частью судебного аппарата в широком смысле этого термина. В интересах общества, чтобы они, как и служащие судов, пользовались общественным доверием. Поэтому может оказаться необходимым, чтобы государство защитило их от необоснованных обвинений.

55. Не вызывает сомнений, что в демократическом обществе частные лица имеют право выступать с замечаниями по поводу функционирования, или с критикой системы отправления правосудия и служащих этой системы. Однако такого рода критика не должна преступать определенных границ. Суд признал, что национальные власти в принципе находятся в лучшем положении для того, чтобы обеспечить, в предоставленной национальным властям сфере усмотрения, справедливый баланс между различными интересами, поставленными на карту в такого рода делах.

56. В настоящем деле вмешательство в свободу заявителя выражать свое мнение вытекает из заключения национальных судов, что его утверждения в двух письмах от 6 декабря 1993 года и 7 марта 1994 года необоснованно грубо оскорбляют прокурора. Задача Суда состоит в поиске справедливого баланса между соперничающими правами и интересами: правом заявителя на свободу выражения, с одной стороны, и правом прокурора на защиту его личных прав, с другой стороны. В частности, при оценке необходимости оспоренной меры, Суд должен определить, преступили ли национальные суды пределы своего усмотрения при осуждении заявителя, или нет.

57. Хотя высказывания заявителя в отношении профессиональных и личных качеств прокурора, о котором идет речь, могут рассматриваться как оценочные суждения, которые не поддаются доказательству, Суд отмечает, что в вышеупомянутых письмах содержались также обвинения последнего в противоправном и оскорбительном поведении. Так, заявитель утверждал, что прокурор незаконно отказался поддержать его сообщение о совершенном преступлении, злоупотребил своими полномочиями и был в связи с этим причастен к получению взятки и незаконному прослушиванию телефона заявителя. Данные заявления, с точки зрения Суда, являются утверждениями о факте, и национальные суды справедливо требовали от заявителя подтвердить их соответствующими доказательствами.

58. Однако, национальные суды после изучения всех имеющихся доказательств пришли к заключению, что вышеуказанные утверждения заявителя о факте не имели под собой оснований. Суд не располагает информацией, которая указывала бы на то, что данное заключение противоречит обстоятельствам дела, либо произвольно в какой-либо своей части. Рассматривавшие дело суды надлежащим образом изучили обстоятельства, в которых были сделаны

оскорбительные заявления, и вопрос о том, были ли они обоснованы, например, поведением рассматриваемого прокурора. Суд признал, что основания, представленные национальными судами в отношении вышеупомянутых утверждений заявителя, в которых он обвиняет П. в неправомерном поведении и нарушении законов, являются достаточными и существенными.

59. Данные обвинения носят серьезный характер и были сделаны неоднократно. Они были способны нанести оскорбление прокурору, отразиться на исполнении им своих должностных обязанностей, а также, в случае письма, отправленного в Генеральную прокуратуру, нанести ущерб его репутации.

60. По уверениям заявителя, его утверждения имели целью обратить внимание соответствующих органов на действия П., которые он считал неправильными или незаконными. В этой связи Суд указывает, что ничто не препятствовало заявителю воспользоваться надлежащими средствами судебной защиты (см. пункты 28 и 34 выше, а также постановление по делу *Таммер против Эстонии (Tammer v. Estonia)* от 6 февраля 2001 года, № 41205/98, пункт 67, где приведены дальнейшие ссылки).

61. Поскольку соответствующие части писем были опубликованы в газете, то вполне очевидно, что они открыли возможность для публичного обсуждения. В этой связи Суд должен принять во внимание, что газетная статья, о которой идет речь, была написана третьим лицом, и что при признании заявителя виновным национальные суды не полагались на эту статью. Однако ущерб, нанесенный прокурору утверждениями о факте, истинность которых заявитель не смог доказать, в немалой степени усугубляется публикацией писем, которой заявитель способствовал хотя бы тем, что предоставил автору статьи соответствующие документы (см. пункт 22 выше).

62. В отношении довода заявителя, что вмешательство, о котором идет речь, было несоразмерным, в частности, потому, что вслед за его осуждением было аннулировано его разрешение на занятие коммерческой деятельностью, Суд отмечает, что 4 июня 1997 года областной суд Кошице отменил соответствующие административные решения как не имеющие юридических оснований. Более того, в своем решении от 8 января 2002 года о приемлемости настоящей жалобы

Суд отклонил претензии заявителя по статье 8 Конвенции в этом отношении, указав, что заявитель не продемонстрировал, что он понес какой-либо ущерб вследствие решений об аннулировании его разрешения на занятие коммерческой деятельностью, и, что, во всяком случае, у него оставалась возможность требовать в этой связи компенсацию согласно Закону 1969 года об ответственности государственных органов.

63. Хотя наложенное на заявителя наказание - лишение свободы сроком на четыре месяца с отсрочкой исполнения на годичный испытательный срок - и нельзя назвать незначительным, Суд отмечает, что оно располагается в нижней части шкалы применяемых наказаний.

64. Принимая во внимание вышеуказанные соображения и помня, что национальным властям предоставлена определенная свобода усмотрения по такого рода вопросам, Суд пришел к заключению, что обжалуемое вмешательство не было несоразмерно преследуемой правомерной цели и может считаться «необходимым» в смысле пункта 2 статьи 10 Конвенции.

65. Соответственно, нарушение статьи 10 Конвенции места не имело.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД

Постановил пятью голосами против двух, что нарушение статьи 10 Конвенции не имело места.

Выполнено на английском языке, представлено в письменной форме 11 марта 2003 года, в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Николас Братца
Майкл О'Бойл

Председатель Суда
Секретарь Секции Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 Правила 74 Регламента Суда, к настоящему постановлению прилагается следующее особое мнение сэра Николааса Братца, к которому присоединился г-н Марусте.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ СЭРА НИКОЛАСА БРАТЦА, К КОТОРОМУ ПРИСОЕДИНИЛСЯ СУДЬЯ МАРУСТЕ

Мы не можем согласиться с мнением большинства членов Палаты, что права заявителя по статье 10 Конвенции в настоящем деле нарушены не были. С нашей точки зрения, судебное преследование заявителя и вынесение ему наказания в виде лишения свободы за оскорбление прокурора П. не являлось ответом на настоятельную общественную потребность и не было соразмерно никакой правомерной цели.

Как и большинство членов Палаты, мы согласны с тем, что оспариваемые утверждения носят серьезный характер, ибо П. обвиняется в них в превышении своих должностных полномочий прокурора, и, более того, ему даже вменяется в вину получение взятки. Мы согласны также с выводами национальных судов, что истинность обвинений не была доказана заявителем, а сами они были оскорбительны по отношению к П.

Однако, в отличие от большинства членов Палаты, мы придаем первостепенное, если не решающее, значение тому факту, что оспариваемые утверждения, ставшие предметом судебного преследования, не были сделаны заявителем средствами массовой информации и не распространялись им каким-либо иным образом среди широкой публики, а содержались в двух письмах, первое из которых было адресовано лично П., а второе - Генеральному прокурору как наивысшему по рангу начальнику П.

В ряде дел Суд уже отмечал (см., в частности, постановления по делам *Яновский против Польши* [GC], № 25716/94, ECHR 1999-I; *Никула против Финляндии* от 22 марта 2002 года, № 31611/96), что может оказаться нужным защитить государственных служащих при исполнении ими своих должностных обязанностей, в том числе прокуроров, от оскорбительных, ругательных и клеветнических нападок, рассчитанных на то, чтобы оказать на них воздействие при исполнении ими своих должностных обязанностей и нанести ущерб

доверию общества как к ним самим, так и к занимаемым ими должностям. Однако во всех указанных делах речь шла о письменных или устных нападениях, которые были сделаны публично, а не о таких, как в настоящем деле, которые имели место в частной корреспонденции государственному служащему, и нам представляется, что нельзя применять к ним те же самые соображения. Не только границы допустимой критики в отношении государственного служащего шире, чем в отношении частных лиц, но и государственные служащие должны быть готовы терпимо относиться к такого рода критике, когда она адресована лично им в частной переписке, даже если такая критика состоит из оскорбительных, крепких или невыдержанных выражений, либо содержит серьезные и безосновательные обвинения. В тех случаях, когда, как в данном случае, обвинения содержатся в письме личного характера, адресованном государственному служащему, обращение к уголовному преследованию может быть оправдано в понятиях статьи 10 Конвенции только в самых исключительных обстоятельствах. Мы не находим таких особых обстоятельств в настоящем деле.

То же самое верно и по отношению к утверждениям, содержащимся в письме к Генеральному прокурору. Как вышестоящий начальник П. по служебной лестнице, Генеральный прокурор был, по нашему мнению, надлежащей инстанцией для получения жалоб по поводу того, как П. исполняет свои должностные обязанности, и, в особенности, для проведения, как просил его заявитель, расследования по факту предполагаемой дачи и получения взятки. В принципе, у частных лиц должна оставаться свобода подавать жалобы на государственных служащих их начальникам по иерархической лестнице, не опасаясь судебного преследования за диффамацию или оскорбление, даже если такие жалобы содержат обвинения в совершении уголовного преступления, и даже если расследование покажет беспочвенность выдвинутых обвинений.

Верно, что в настоящем деле содержание двух писем стало достоянием общественности, когда значительные выдержки из них были воспроизведены в статье о деле заявителя, написанной третьим лицом. Кроме того, заявитель признал, что соответствующие документы автору статьи предоставил именно он. Однако, с нашей точки зрения, в конкретных обстоятельствах данного дела это не имеет значения. Обвинение в оскорблении П. было предъявлено заявителю в июне 1994 года, еще до опубликования статьи, и основывалось

исключительно на письмах заявителя от 6 декабря 1993 года и 7 марта 1994 года. Более того, ни на одном из этапов уголовного судопроизводства в отношении заявителя ни в районном, ни в областном суде не было придано никакого значения тому факту, что рассматриваемые утверждения стали достоянием общественности посредством газетной статьи, как не было упоминаний об их публикации и в решениях обоих судов, а обвинительный приговор в отношении заявителя и вынесенное ему наказание базировались исключительно на двух написанных им письмах.

С нашей точки зрения, в данных обстоятельствах имело место необоснованное вмешательство в осуществление заявителем свободы выражать свое мнение.

**© Перевод Института проблем информационного права
(г. Москва), 2003**

Краткое изложение дела

ДЕЛО «ПАСЬКО ПРОТИВ РОССИИ» (Pasko v. Russian Federation)

(жалоба № 69519/01)

Постановление Суда

Страсбург, 22 октября 2009 года

Суть принятого решения: В отношении заявителя не имело место нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод); шесть голосов против одного.

Краткое изложение обстоятельств дела:

Заявитель был офицером военно-морского флота и работал военным журналистом в газете Российского Тихоокеанского флота «Боевая вахта». По утверждению самого заявителя, он также был внештатным сотрудником японской телекомпании NHK, и японской газеты, «Асахи симбун», и предоставил их представителям, в частности аккредитованным журналистам г-ну Т. Дз. и г-ну Т. О., общедоступные сведения и видео материалы.

13 ноября 1997 года таможенники аэропорта г. Владивостока обыскали заявителя, собиравшегося вылететь в Японию с целью командировки, и изъяли несколько документов под предлогом того, что в них содержались секретные сведения. Впоследствии ФСБ РФ возбудила в отношении заявителя уголовное дело в связи с вышеуказанным эпизодом, и по возвращении из Японии он был арестован. Заявитель был помещен в следственный изолятор 20/1 во Владивостоке, где его держали до предъявления первого обвинения 20 июля 1999 года.

28 ноября 1997 года заявителю было предъявлено официальное обвинение в государственной измене в форме шпионажа. Обвинение было основано на предварительном экспертном заключении, которое показало, что изъятые у заявителя документы содержали сведения, относящиеся к государственной тайне.

29 сентября 1998 года было вынесено обвинительное заключение. В заключении говорилось, что заявитель совершил государственную измену в форме шпионажа в связи со сбором, хранением и передачей секретной информации двум японским гражданам в период с 1996 года по 20 ноября 1997. Указанная информация включала черновики статьи, написанной заявителем, об утилизации российских атомных подводных лодок, копию отчета о финансовой ситуации на Тихоокеанском флоте, копии нескольких страниц инструкции по поиску и спасению космических экипажей при аварийной посадке на воде, доклад об утилизации и обращении с выведенными из боевого состава атомными подводными лодками, копии нескольких страниц доклада об утилизации оружия и боезапаса, карту территории военного подразделения № 40752, и рукописные заметки, сделанные заявителем на заседании штаба Тихоокеанского флота 11 сентября 1997 года.

20 июля 1999 года Тихоокеанский Флотский военный суд переквалифицировал преступление, совершенное заявителем, как злоупотребление служебным положением и приговорил к трем годам лишения свободы. По амнистии заявитель был освобожден в зале суда.

Заявитель обжаловал решение суда первой инстанции. Заявитель считал, что его осуждение было незаконным, поскольку в период с 11 сентября 1997 года по 8 октября 1997 года, не существовало установленного законом перечня сведений, отнесенных к государственной тайне, в то время как с 9 октября 1997 года (даты вступления в силу поправки, которая вносила перечень во внутригосударственное право) вплоть до 20 ноября 1997 года, национальными судами было широко истрактовано действующее законодательство, и приговор был основан на неопубликованном Приказе Минобороны № 055. Заявитель утверждал, что, в связи с этим, он не мог предвидеть уголовную ответственность за свои действия в течение каждого из периодов.

Военная коллегия Верховного Суда РФ отменила решение на том основании, что были сделаны противоречивые выводы и неверно применен закон, и направила дело на новое рассмотрение в тот же суд.

В отношении изъятых у заявителя документов была проведена повторная экспертиза, которая признала, что в трех из рассматриваемых документов содержались сведения для

«ограниченного распространения»), а в семи - сведения, составляющие государственную тайну.

При проведении экспертизы эксперты опирались на неопубликованный Приказ № 055 Минобороны, Указ Президента РФ № 1203 и статью 5 Закона «О государственной тайне».

25 декабря 2001 года Тихоокеанский флотский военный суд вновь признал заявителя виновным в государственной измене в форме шпионажа и назначил ему уголовное наказание низшего предела, а именно лишение свободы сроком на четыре года в исправительной колонии строгого режима и лишение воинского звания.

Заявитель обжаловал данное решение. 25 июня 2002 года Верховный Суд РФ поддержал решение суда первой инстанции. Суд также отклонил довод заявителя о том, что Приказ № 055 был неправомерно применен в настоящем деле, постановив, что указ действовал на момент совершения заявителем преступления и был до сих пор в силе.

Заявитель безуспешно подал жалобу о пересмотре дела в порядке надзора. 23 января 2003 года заявитель был освобожден условно-досрочно.

Оценка Европейского Суда:

Суд подробным образом изучил вопрос, было ли вмешательство в право заявителя на свободное выражение его мнения «предусмотрено законом».

Заявитель утверждал, что в период с 11 сентября по 8 октября 1997 года не существовало закона, по которому он мог быть осужден, поскольку Закон «О государственной тайне» содержал лишь перечень сведений, которые могут быть отнесены к государственной тайне, а не тех, которые ее составляют, что противоречило ч. 4 ст. 29 Конституции РФ. Правительство утверждало, что Указ Президента № 1203 представлял собой достаточное правовое основание для осуждения заявителя.

Суд указал на то, что *«концепция «закона» должна быть понятна «по существу», а не «формально». Таким образом, сюда включено все, что составляет статутное право, в том числе нормативные акты более*

низкой категории, чем законы, и судебные решения, разъясняющие их». В этой связи Суд полагает, что Указ № 1203 вполне мог являться документом, составляющим правовую основу обвинения заявителя:

«Суд склонен полагать, что со стороны российских властей было правомерно разрешить эту потребность путем принятия президентского указа, поскольку процедура принятия подобного правового документа менее сложная и более скорая, чем процедура принятия федерального закона, особенно учитывая границы свободы усмотрения в регулировании защиты государственной тайны. ... В Указе были четко перечислены категории сведений, отнесенных к государственной тайне, он был доступен для общественности, и любой человек, включая заявителя, мог соответствующим образом регулировать свое поведение».
(п. 73)

По мнению Суда, важным является и то обстоятельство, что национальные суды единообразно применяли Закон «О государственной тайне» и Указ Президента № 1203 как основание для осуждения заявителя (п. 78):

«В этой связи Суд напоминает, что, прежде всего, национальные власти, в особенности суды, должны трактовать и применять внутригосударственное право, и что мнение Суда не будет отличаться от их мнения, если трактовка, данная ими, не покажется Суду произвольной или очевидно необоснованной. В свете вышеизложенного Суд не видит причин отступить от трактовки, данной национальными судами. ... Оба документа, будучи доступны в открытых источниках и позволяющие заявителю предвидеть последствия своих действий, представляли собой достаточное правовое основание для вмешательства в права заявителя по статье 10 Конвенции в период между 11 сентября и по 8 октября 1997 года».

Относительно второго периода Суд отметил, что у сторон не возникло разногласий по поводу того, что Закон «О государственной тайне» в новой редакции служил правовым основанием для осуждения заявителя.

Кроме того, Суд оценил качество закона, по которому был осужден заявитель. Суд не согласился с доводами заявителя, который утверждал, что Приказ Минобороны № 055 не являлся доступной нормой, а Закон «О государственной тайне» и Указ Президента № 1203 – предсказуемой нормой в понимании Конвенции и практики Суда. Суд отметил, что:

«Закон «О государственной тайне» и Указ Президента РФ № 1203, были достаточно четко сформулированы, чтобы позволить заявителю предвидеть последствия своих действий. Что касается несогласия заявителя с широкой и, поэтому, непредсказуемой трактовкой упомянутых правовых документов, данной национальными судами, которые опирались в своем решении на неопубликованный Приказ Минобороны, то из обстоятельств дела следует, что заявитель, в соответствии со служебными обязанностями, имел доступ к Приказу № 055, ознакомился с ним, и в этой связи подписал документ осенью 1996 года, то есть, до совершения инкриминируемых ему преступлений». (п. 82)

Суд не сомневался в том, что осуждение заявителя преследовало законную цель – защиту интересов национальной безопасности. В этой связи для Суда важным было выяснить, являлось ли вмешательство пропорциональным преследуемой цели и необходимым. Суд указал, что национальные суды тщательно исследовали каждый из доводов заявителя и свои выводы подтверждали рядом доказательств.

«В целом, Суд отмечает, что заявитель был признан виновным в государственной измене в форме шпионажа как офицер, проходящий воинскую службу, а не как журналист, в связи со сбором и хранением сведений, составляющих государственную тайну с намерением передать их гражданину иностранного государства. Материалы, представленные Суду, доказывают, что национальными судами были тщательно исследованы обстоятельства дела заявителя, изучены доводы сторон, и в основу выводов судов лег ряд доказательств. Их решения обоснованны и мотивированны. Взвесив все вышеуказанное, Суд считает, что национальные суды не переступили границы свободы

усмотрения, предоставленные национальным властям в вопросах, связанных с национальной безопасностью. Представленные доказательства говорят о разумной степени пропорциональности использованных средств и преследуемой законной цели. В материалах дела нет ничего, подтверждающего утверждение заявителя о том, что его осуждение было чрезмерным или политически мотивированным, или что его преследовали за его публикации». (п. 87)

В итоге Суд пришел к выводу, что не имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

© Центр Защиты Прав СМИ, 2010

ДЕЛО «ПАСЬКО ПРОТИВ РОССИИ»

(Pasko v. Russian Federation)

(жалоба № 69519/01)

Постановление Суда

Страсбург, 22 октября 2009 года

По делу «Пасько против России» Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой в следующем составе:

г-н Кристос Розакис, *Председатель*,

г-жа Нина Вайич,

г-н Анатолий Ковлер,

г-жа Элизабет Штайнер,

г-н Ханлар Хаджиев,

г-н Джиорджио Малинверни,

г-н Джордж Николау, *судьи*,

а также Сорен Нильсен, *Секретарь Секции*,

Проведя 1 октября 2009 года закрытое заседание,

Вынес следующее постановление, принятое в указанный выше день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано после подачи жалобы (№ 69519/01) против Российской Федерации в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - «Конвенция») гражданином России, Григорием Михайловичем Пасько (далее - «Заявитель»), 20 января 2001 года.

2. Интересы заявителя представлял г-н Ф. Елгесем, практикующий юрист из г. Осло. Российское правительство (далее - «Правительство») было изначально представлено бывшим Уполномоченным Российской

Федерации в Европейском Суде, г-ном П. Лаптевым, которого впоследствии сменил г-н Г. Матюшкин.

3. Заявитель обжаловал, в частности, свое обвинение на основании применения закона с приданием ему обратной силы и нарушение его права на свободу выражения мнения. Он ссылаясь на статьи 7 и 10 Конвенции.

4. Решением от 28 августа 2008 года Суд объявил жалобу частично приемлемой.

5. Палата приняла решение, после совещания со сторонами, о том, что нет необходимости проводить слушание по существу дела (пункт 3 статьи 59 *in fine*), стороны письменно ответили на замечания друг друга.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

6. Заявитель родился в 1962 году и проживает в г. Владивосток.

7. На момент рассмотрения дела заявитель был офицером военно-морского флота и работал военным журналистом в газете Российского Тихоокеанского флота «Боевая вахта». Статьи заявителя затрагивали, главным образом, проблемы загрязнения окружающей среды и другие вопросы, связанные с деятельностью Российского Тихоокеанского флота.

8. По утверждению заявителя, он был внештатным сотрудником японской телекомпании NHK, и японской газеты, «Асахи симбун», и предоставил их представителям, в частности аккредитованным журналистам г-ну Т. Дз. и г-ну Т.О., общедоступные сведения и видео материалы. Правительство, в этой связи, утверждало, со ссылкой на свидетельские показания редактора и заместителя редактора «Боевой вахты», что заявитель не имел полномочий сотрудничать с г-ном Т.О., кроме сопровождения последнего во время посещения российских военных подразделений и информирования г-на Т.О. о работе газеты «Боевая вахта». По утверждению Правительства дальнейшее сотрудничество с г-ном Т.О. было осуществлено заявителем по

собственному желанию, и об этом сотрудничестве он не докладывал своему начальству. Заявитель настаивал, что начальство знало и дало согласие на его сотрудничество с японскими журналистами.

А. Арест заявителя и предварительное заключение

9. 13 ноября 1997 года таможенники аэропорта г. Владивостока обыскали заявителя, собиравшегося вылететь в Японию с целью командировки, и изъяли несколько документов под предлогом того, что в них содержались секретные сведения. Впоследствии заявителю позволили продолжить поездку.

10. 20 ноября 1997 года в отношении заявителя Федеральной Службой Безопасности (далее - ФСБ) было возбуждено уголовное дело в связи с вышеуказанным эпизодом, и по возвращении из Японии он был арестован. Заявитель был помещен в следственный изолятор 20/1 во Владивостоке, где его держали до предъявления первого обвинения 20 июля 1999 года.

11. В ночь с 20 на 21 ноября 1997 года сотрудники ФСБ провели обыск на квартире заявителя, были изъяты документы и компьютер. Спустя некоторое время компьютер был возвращен заявителю.

12. 28 ноября 1997 года заявителю было предъявлено официальное обвинение в государственной измене в форме шпионажа. Обвинение было основано на предварительном заключении экспертных групп, назначенных Восьмым управлением штаба Тихоокеанского флота, которые пришли к выводу, что в документах, изъятых 13 и 20 ноября 1997 года, содержались сведения, относящиеся к государственной тайне.

В. Обвинение заявителя

13. 29 сентября 1998 года было вынесено обвинительное заключение. В заключении говорилось, что заявитель совершил государственную измену в форме шпионажа в связи со сбором, хранением и передачей секретной информации двум японским гражданам в период с 1996 года по 20 ноября 1997. Указанная информация включала черновик статьи, написанной заявителем, об утилизации российских атомных подводных лодок, копию отчета о финансовой ситуации на Тихоокеанском флоте, копии нескольких страниц инструкции по

поиску и спасению космических экипажей при аварийной посадке на воде, доклад об утилизации и обращении с выведенными из боевого состава атомными подводными лодками, копии нескольких страниц доклада об утилизации оружия и боезапаса, карту территории военного подразделения № 40752, и рукописные заметки, сделанные заявителем на заседании штаба Тихоокеанского флота 11 сентября 1997 года. Далее в обвинительном заключении говорилось, что заявитель в устной форме сообщил информацию, касающуюся времени и места отправления грузового эшелона с отработанным ядерным топливом.

14. Обвинительное заключение было основано на отчетах четырех экспертных групп, назначенных Восьмым управлением Генерального штаба Минобороны РФ от 22 декабря 1997 года и 14 марта 1998 года.

С. Первая черда судебных разбирательств

15. Постановлением от 20 июля 1999 года Тихоокеанский Флотский военный суд переквалифицировал преступление, совершенное заявителем, как злоупотребление служебным положением, сочтя недоказанным факт передачи заявителем сведений, относящихся к государственной тайне, иностранным гражданам. Заявитель был приговорен к трем годам лишения свободы. По амнистии, объявленной постановлением от 18 июня 1999 года, с заявителя были сняты обвинения, и он был освобожден в зале суда.

16. Заявитель, его адвокаты и сторона обвинения обжаловали решение суда первой инстанции.

17. 21 ноября 2000 года Военная коллегия Верховного Суда РФ отменила решение от 20 июля 1999 года на основании, что судом первой инстанции не установлены основные обстоятельства дела, сделаны противоречивые выводы, и неверно применен закон. Дело было возвращено в Тихоокеанский флотский военный суд на новое рассмотрение.

D. Вторая чередa судебных разбирательств

1. Разбирательство в суде первой инстанции

18. В неустановленную дату вслед за запросом Тихоокеанского военного суда, Восьмым управлением Генерального штаба Минобороны РФ были назначены семеро экспертов, один эксперт был назначен Министерством атомной энергии. Экспертов попросили сделать заключение относительно того, содержались ли в документах, перечисленных в обвинительном заключении, сведения, составляющие государственную тайну.

19. 14 сентября 2001 года эксперты представили свои выводы, в которых говорилось, что в трех из десяти рассматриваемых документов содержались сведения для «ограниченного распространения», а в семи – сведения, составляющие государственную тайну. По утверждению заявителя при определении того, содержатся ли в разглашенных документах сведения, относящиеся к государственной тайне, эксперты опирались на неопубликованный Приказ № 055 Минобороны от 10 августа 1996 года, Указ Президента РФ № 1203:95 от 30 ноября 1995 года и статью 5 Закона «О государственной тайне», принятого 21 июля 1993 года, в редакции от 6 октября 1997 года. По утверждению заявителя, он ознакомился с Приказом № 055, прочитал его и подписал документ о том, что прочитал приказ, осенью 1996 года.

20. 25 декабря 2001 года Тихоокеанский флотский военный суд признал заявителя виновным в государственной измене в форме шпионажа по статье 275 УК РФ.

21. Что касается *actus reus* преступления, суд установил, что в период 1996-1997 года заявитель находился в дружеских отношениях с японским журналистом Т.О. и предоставлял сведения по просьбе последнего за регулярное вознаграждение. В августе-сентябре 1997 года г-н Т.О. в телефонных разговорах с Пасько неоднократно проявлял интерес к получению сведений о проводимых в тот период учениях войск и сил Тихоокеанского флота, их особенностях и отличиях от предыдущих. Далее в постановлении было изложено следующее:

«10 сентября 1997 года Пасько в качестве представителя редакции газеты «Боевая вахта» по официальному приглашению командования присутствовал на проводившемся в штабе Тихоокеанского флота заседании Военного совета ТОФ, где узнал о намеченном на следующий день для строго определенной категории военнослужащих разборе учений.

11 сентября 1997 года с намерением собрать для последующей передачи г-ну Т.О. содержащие государственную тайну сведения об этих учениях Пасько прибыл в штаб флота и, не будучи включенным в списки лиц, допущенных к участию в разборе тактических учений, т.е. неправомочно, присутствовал на нем и собрал сведения, раскрывающие действительные наименования особо важных и режимных соединений и частей, в том числе, частей военной разведки, участвовавших в учениях, и сведения о деятельности частей радиоэлектронной борьбы в ходе учений, а именно, о средствах и методах защиты секретной информации. В соответствии с пунктами 1 (б) и 4 (5) части 5 Закона РФ о государственной тайне (№ 5485-1) от 21 июля 1993 года, в редакции Федерального Закона № 131-ФЗ от 6 октября 1997 года, пунктами 13 и 77 Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 года № 1203, оспариваемые сведения составляют государственную тайну.

С той же целью, т.е. для передачи г-ну Т.О., Пасько незаконно хранил данные сведения, однако 20 ноября 1997 года они были обнаружены и изъяты у него на квартире в ходе обыска.

...

Согласно заключению судебного эксперта, рукописные записки были сделаны заявителем, последний не отрицал этого в суде».

22. В основу выводов суда легли показания нескольких свидетелей, пять записей телефонных переговоров заявителя с г-ном Т.О.,

сделанных ФСБ в июне-сентябре 1997 года, и экспертное заключение от 14 сентября 2001 года, в котором говорилось, что рукописные записи заявителя содержали сведения, отнесенные к государственной тайне. В частности, по поводу экспертного заключения от 14 сентября 2001 года суд отметил:

«... Эксперты дали заключение о том, что в этих же записях в конспективном виде изложены сведения о составе группировок сил (войск) флота, принимавших участие в учениях, раскрывающие действительные наименования особо важных и режимных соединений и частей, в том числе, частей военной разведки, которые составляют государственную тайну в соответствии с абзацем 6 пункта 1 статьи 5 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» от 21 июля 1993 г. № 5485-1 (в редакции Федерального Закона от 6 октября 1997 г. № 131-ФЗ) и пунктом 13 Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203.

... Эксперты также пришли к выводу и о том, что в этом рукописном тексте в форме краткого конспекта раскрываются сведения о деятельности частей радиоэлектронной борьбы в ходе учений, а именно, о средствах и методах защиты секретной информации, которые подпадают под действие абзаца 5 пункта 4 статьи 5 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» от 21 июля 1993 г. № 5485-1 (в редакции Федерального Закона от 6 октября 1997 г. № 131-ФЗ) и пункта 77 Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203, в связи с чем составляют государственную тайну.

...

... Суд находит, что содержащиеся в них выводы о наличии в записях Пасько о разборе учений сведений, раскрывающих действительные наименования задействованных на учениях особо важных и режимных соединений и частей Тихоокеанского флота, в том числе, частей военной

разведки, а также специфическую деятельность частей радиоэлектронной борьбы ... составляющих государственную тайну, в целом являются последовательными, достаточно аргументированными и основанными на правильном применении норм законодательства. ...».

23. Заявитель утверждал, что присутствовал на разборе учений 11 сентября 1997 года и сделал конспективные записи выступлений и докладов участников разбора учений, но заявил о своей невиновности и настаивал, что присутствовал на указанном разборе на законных основаниях, поскольку он, как журналист, имел право получать и распространять информацию. Заявитель настаивал на том, что не намеревался передавать полученные сведения г-ну Т.О. и хранил их лишь для повышения своего профессионального уровня о последних достижениях военно-морского флота, чтобы сообщить о них своим подчиненным и опубликовать результаты военных учений в газете «Боевая вахта». Заявитель утверждал, что все его действия полностью отвечали нормам российского законодательства.

24. Что касается довода заявителя о том, что у него было право на свободу выражения мнения и, следовательно, он был вправе присутствовать на разборе учений 11 сентября 1997 года, суд отмечает, что право на информацию не является абсолютным и ограничивается нормами закона в целях обеспечения безопасности государства. В соответствии с российским законодательством военнослужащие, реализуя право на доступ к получению и распространению информации, не должны разглашать государственную и военную тайну, и обязаны соблюдать установленные законами служебные ограничения. Пасько, в том числе, как офицер, проходящий военную службу, добровольно возложил на себя обязанности безусловного соблюдения требований правовых норм, устанавливающих правила взаимоотношений военнослужащих с иностранными гражданами, получения, хранения, использования, передачи и опубликования сведений секретного характера.

25. Суд также отклоняет довод заявителя о том, что он сделал оспариваемые записи с целью их дальнейшего опубликования в газете «Боевая вахта». В этой связи суд отмечает, что заявителю были хорошо известны соответствующие нормативные документы, запрещающие разглашение данных о действительных названиях

военных соединений и частей, соответственно, практической необходимости в этих сведениях у заявителя не было.

26. Далее суд изучил выводы экспертного заключения от 14 сентября 2001 года относительно других сведений, вменяемых заявителю, сравнил их с остальными материалами дела и отклонил их как недостоверные. В частности, суд установил, что некоторые сведения, вменяемые заявителю, включая список атомных подлодок, на которых имели место аварии, и графическую схему территории войсковой части 40752, могли быть получены из открытых источников, как, например, военный справочник по подводным лодкам или доклад Гринписа. В этой связи суд отметил, что согласно действующему российскому законодательству за получение, хранение и распространение общедоступной информации ответственность не наступает, и практической необходимости засекречивать сведения, которые могли быть получены из открытых источников, не было.

27. Таким образом, суд оправдал заявителя по всем остальным пунктам обвинения, от некоторых из которых отказалась сторона обвинения.

28. Суд принял во внимание, что Пасько ранее по службе характеризовался положительно, неоднократно награждался командованием, имел на иждивении несовершеннолетних детей, к уголовной ответственности привлекался впервые, и что степень общественной опасности совершенного им преступления существенно уменьшает отсутствие реальных вредных последствий, поскольку собранные Пасько и составляющие государственную тайну сведения фактически подсудимым переданы не были. Изложенные выше обстоятельства суд признает исключительными и дающими основания для назначения Пасько уголовного наказания с применением ст. 64 УК РФ, то есть ниже низшего предела, а именно лишения свободы сроком на четыре года в исправительной колонии строгого режима и лишения воинского звания.

2. Разбирательство в суде кассационной инстанции

29. В жалобе на решение суда сторона защиты оспаривала, *inter alia*, то, что эксперты в заключении от 14 сентября 2001 года опирались на Приказ № 055 Минобороны, когда заявляли о секретном характере оспариваемых сведений. Сторона защиты утверждала, что

использование экспертами Приказа № 055 привело к тому, что суд первой инстанции неправильно применил Закон «О государственной тайне». Далее, защита настаивала, что Закон «О государственной тайне» был применен с приданием ему обратной силы, поскольку на момент совершения указанного преступления перечня сведений, отнесенных к государственной тайне, не существовало. Защита также утверждала, что, в любом случае, сведения, содержащиеся в записях заявителя, были доступных из открытых источников.

30. 25 июня 2002 года Верховный Суд РФ поддержал в своем постановлении по кассационной жалобе заявителя решение суда первой инстанции, за исключением указания о том, что Пасько присутствовал на разборе учений Тихоокеанского флота 11 сентября 1997 года «неправомерно», а также признанных военным судом неправильными действий Пасько, связанных с установлением и поддержанием с иностранными гражданами связей по вопросам, не вытекающим из служебных обязанностей.

31. Верховный Суд отметил, что вопрос о том, содержали ли рукописные записи заявителя сведения, составляющие государственную тайну, был тщательно и беспристрастно изучен судом первой инстанции. Суд подтвердил, что в основу приговора, вынесенного судом первой инстанции, легли выводы экспертной комиссии от 14 сентября 2001 года, согласно которым «сведения, раскрывающие действительные наименования особо важных и режимных соединений и частей, а также сведения о наличии в составе участников ЗТУ частей военной разведки и сведения о средствах и методах защиты секретной информации, подпадают под действие абзаца 6 пункта 1 и абзаца 5 пункта 4 статьи 5 Закона РФ «О государственной тайне» от 21 июля 1993 года № 5485-1 и в редакции Федерального закона от 6 октября 1997 года № 131-ФЗ, пунктов 13 и 77 Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне, утвержденного Указом Президента РФ от 30 ноября 1995 года № 1203 и в соответствии с п. 129 и примечанием 1 к пункту 240 Перечня сведений, подлежащих засекречиванию в Вооруженных Силах (приказ МО РФ 1996 года № 055) составляют государственную тайну. Далее, суд кассационной инстанции отметил, что оценивая экспертное заключение от 14 сентября 2001 года, суд первой инстанции обоснованно отверг ряд выводов, в которых без достаточных оснований усматривалось наличие сведений, составляющих государственную тайну. Верховный Суд, таким образом, пришел к

выводу, что суд первой инстанции критически подошел к оценке выводов экспертов и признал обоснованными лишь те из них, которые нашли подтверждение в судебном заседании.

32. Верховный Суд также поддержал вывод суда первой инстанции, касающийся доказанности в судебном заседании намерения Пасько передать оспариваемые сведения г-ну Т.О. на основании сводок оперативного контроля телефонных переговоров Пасько с последним. Далее суд отклонил довод заявителя о том, что сведения, обнаруженные в его рукописных записях, можно было найти в открытых источниках. В этой связи суд указал, со ссылкой на выводы суда первой инстанции, что «в открытой печати не приводятся сведений о действительных наименованиях особо режимных частей, кораблей и соединений, в частности, частей военной разведки, средствах и методах радиоэлектронной борьбы, которые имеются в записях Пасько».

33. Суд также отклонил довод заявителя о том, что Приказ № 055 был неправомерно применен в настоящем деле, постановив, что указ действовал на момент совершения заявителем преступления и был до сих пор в силе.

34. В заключение, относительно довода заявителя о том, что закон в настоящем деле был применен с приданием ему обратной силы, Верховный Суд отметил:

«В соответствии с решением Конституционного суда РФ от 20 декабря 1995 года, ... требования пункта 4 статьи 29 Конституции применены в Законе РФ о государственной тайне от 21 июля 1993 года, который дает определение государственной тайне и содержит перечень сведений, отнесенных к государственной тайне. Позднее, 30 ноября 1995 года, Перечень сведений, отнесенных к государственной тайне, был утвержден Указом Президента РФ № 1203.

Поскольку сбор и хранение секретных сведений с целью передачи их иностранному гражданину, совершенные заявителем, представляли собой длящееся преступление, которое было прекращено 20 ноября 1997 года, суд первой инстанции правильно применил вышеуказанный правовой

инструмент и Закон о государственной тайне, в редакции от 6 октября 1997 года, при рассмотрении дела».

35. Заявитель безуспешно подал жалобу о пересмотре дела в порядке надзора.

36. 23 января 2003 года заявитель был освобожден условно-досрочно.

II. Применимое национальное законодательство

A. Уголовная ответственность за разглашение сведений, отнесенных к государственной тайне

37. Статья 275 (Государственная измена) УК РФ, действующая на 1 января 1997 года, предусматривает, что государственная измена, то есть шпионаж, выдача государственной тайны либо иное оказание помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям в проведении враждебной деятельности в ущерб внешней безопасности Российской Федерации, совершенная гражданином Российской Федерации, - наказывается лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет и конфискацией имущества.

B. Законы и нормы, касающиеся государственной тайны

1. Конституция РФ от 12 декабря 1993 года

38. Часть 4 статьи 29 Конституции РФ предусматривает, что каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом.

2. Федеральный Закон «О государственной тайне»

(a) Период до 6 октября 1997 года

39. Федеральный Закон «О государственной тайне» № 5485-1 (далее - «Закон о государственной тайне») был принят 21 июля 1993 года и вступил в силу 21 сентября 1993 года. Статья 5 предусматривает:

«К государственной тайне могут быть отнесены следующие сведения:

(1) сведения в военной области:

...

сведения о дислокации, действительных наименованиях, об организационной структуре, о вооружении, численности войск ...

...

(4) сведения в области разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности:

...

сведения о методах и средствах защиты секретной информации ...».

40. Статья 9 устанавливает порядок отнесения сведений к государственной тайне. Обоснование необходимости отнесения сведений к государственной тайне в соответствии с принципами засекречивания сведений возлагается на органы государственной власти, предприятия, учреждения и организации, которыми эти сведения получены (разработаны). Сам закон не содержит перечень этих должностных лиц, который должен утверждаться Президентом Российской Федерации. Президент РФ также утверждает перечень сведений, составляющих государственную тайну, который подлежит открытому опубликованию. Органами государственной власти, руководители которых наделены полномочиями по отнесению сведений к государственной тайне, в соответствии с Перечнем сведений, отнесенных к государственной тайне, разрабатываются развернутые перечни сведений, подлежащих засекречиванию. В Законе «О государственной тайне» не оговаривается, подлежат ли «развернутые перечни» открытому опубликованию.

41. 16 марта, 26 и 27 октября 1995 года Государственная Дума, указывая на то, что отсутствие перечня сведений, отнесенных к

государственной тайне «лишает правоохранительные органы правовой основы для выполнения своих обязанностей по обеспечению безопасности государства, общества и отдельных граждан», неоднократно обращалась к Правительству с петицией подготовить проект указа с перечнем сведений, отнесенных к государственной тайне для утверждения Президентом РФ.

42. 30 ноября 1995 года Президент утвердил Указ № 1203 «Об утверждении Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне». Пункты 13 и 77 Перечня предусматривали засекречивание «сведений о дислокации, действительных наименованиях, об организационной структуре, о вооружении, численности войск, которые не подлежат открытому объявлению в соответствии с международными обязательствами Российской Федерации» и «сведений о мерах, планируемых и/или осуществляемых для защиты сведений от несанкционированного доступа, иностранных служб технической разведки и утечки по техническим каналам». Полномочия по отнесению указанных сведений к государственной тайне возложены на Министерство Внутренних Дел, Министерство Обороны и некоторые другие органы государственной власти.

(b) Период после 6 октября 1997 года

43. 6 октября 1997 года был принят Федеральный Закон № 131-ФЗ, вносящий поправки в Закон о государственной тайне 1993 года. Поправка была опубликована и стала действующей 9 октября 1997 года. Статья 5 Закона о государственной тайне в новой редакции предусматривала:

«Государственную тайну составляют: ...

(1) сведения в военной области:

...

сведения о дислокации, действительных наименованиях, об организационной структуре, о вооружении, численности войск

...

(4) сведения в области разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности:

...

сведения о методах и средствах защиты секретной информации ...».”

3. Практика российских судов

44. 20 декабря 1995 года Конституционный Суд РФ проверил конституционность ряда положений Уголовного Кодекса РСФСР, действующего на тот момент, Конституции РФ, так как первый предусматривал уголовную ответственность за государственную измену, и постановил:

«... Следовательно, государство вправе относить те или иные сведения в области военной, экономической и других видов деятельности, распространение которых может нанести ущерб обороне страны и безопасности государства, к государственной тайне. В связи с этим статьей 29 (часть 4) Конституции Российской Федерации предусмотрено, что перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом. Государство вправе также определять средства и способы охраны государственной тайны, в том числе устанавливать уголовную ответственность за ее разглашение и выдачу иностранному государству.

Однако в силу указанной конституционной нормы уголовная ответственность за выдачу государственной тайны иностранному государству правомерна лишь при условии, что перечень сведений, составляющих государственную тайну, содержится в официально опубликованном для всеобщего сведения федеральном законе. Правоприменительное решение, включая приговор суда, не может основываться на неопубликованном нормативном правовом акте, что вытекает из статьи 15 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Реализация требования статьи 29 (часть 4) Конституции Российской Федерации обеспечивается Законом Российской Федерации от 21 июля 1993 года «О государственной тайне», в котором определено понятие государственной тайны и указаны сведения, относимые к государственной тайне.

Таким образом, установление уголовной ответственности за выдачу государственной или военной тайны иностранному государству не противоречит Конституции Российской Федерации, ее статьям 15 (часть 3), 29 (часть 4), 55 (часть 3)».

45. 29 декабря 1999 года Санкт-Петербургский городской суд оправдал г-на Никитина, бывшего офицера военно-морского флота, от обвинений по статье 275 (Государственная измена) и пункту 1 статьи 283 (Разглашение сведений, составляющих государственную тайну) УК РФ (дело № 78-000-29). Г-ну Никитину было, в частности, предъявлено обвинение в сборе в августе 1995 года и передаче в сентябре 1995 года сведений, составляющих государственную тайну. Суд постановил следующее:

«... Вместе с тем, также в соответствии с конституционными положениями, Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом ...

Подобного закона на момент совершения Никитиным указанных выше деяний принято не было - единственным правовым актом, который стал урегулировать обсуждаемые правоотношения в области охраны государственной тайны, явился Указ Президента Российской Федерации № 1203 от 30 ноября 1995 года.

...

Федеральным законом, о котором упоминается в ч. 4 ст. 29 Конституции РФ, является Закон Российской Федерации «О государственной тайне» от 21 июля 1993 года, который впоследствии подвергся существенным изменениям.

...

Между тем, действующая Конституция РФ требует, чтобы перечень сведений, составляющих государственную тайну, также определялся федеральным законом. Это требование Конституции в полной мере было выполнено лишь при новеллизации Закона «О государственной тайне» в октябре 1997 года, когда в ст. 5 Закона был включен перечень сведений, составляющих государственную тайну, вместо перечня сведений, которые могут быть отнесены к государственной тайне, - как было указано в ранее действовавшей редакции Закона 1993 года.

Согласно ч. 4 ст. 9 Закона, Перечень сведений, отнесенных к государственной тайне, утверждается Президентом Российской Федерации... В соответствии с ч. 4 ст. 3 Закона, как в редакции от 21 июля 1993 года, так и в редакции от 6.10.1997 года Перечень сведений, отнесенных к государственной тайне, ... подлежит открытому опубликованию и пересматривается по мере необходимости.

...

*Анализ статьи 5 Закона (независимо от его редакции) показывает, что сам по себе он не устанавливает степени секретности, т.е., не засекречивает те или иные сведения, поскольку отнесение сведений к государственной тайне должно проводиться согласно **специальной** процедуре, описанной в статье 9 данного Закона...*

Данное обстоятельство также означает, что ст. 5 обсуждаемого закона о государственной тайне, в своей первоначальной форме, не может служить единственной основой для обвинения в шпионаже или разглашении государственной тайны. Оно должно быть дополнено другими нормативными актами.

Нормативными актами, которые были использованы в деле подсудимого, в дополнение к ст. 5, являлись: Указ Президента РФ № 1203 от 1995 года...

Как видно из материалов уголовного дела, Никитин закончил свою деятельность ... в сентябре 1995 года.

Указ Президента РФ от 30 ноября 1995 года еще не вступил в законную силу...

Таким образом, статья 5 Закона (в редакции, существовавшей на период действий, инкриминируемый подсудимому) не может использоваться для предъявления формального обвинения без приложения дополнительных нормативных актов, которые бы составили законную юридическую базу для обвинения ... такие нормативные акты могут быть использованы при условии, что они официально опубликованы и вступили в законную силу до совершения действий, инкриминируемых Никитину.

... В связи с вышеизложенными обстоятельствами, суд находит, что любой гражданин Российской Федерации... не имеет (не имел) реальной возможности определять относимость информации к понятию «сведения, составляющие государственную тайну» если эта информация не включена в «Перечень сведений, составляющих государственную тайну», определяемый Федеральным законом или утвержденный Указом Президента России ...

...

*Новая редакция Закона РФ «О государственной тайне» ... от 6 октября 1997 года привела закон в соответствие с требованиями Конституции, и, следовательно, только с этого момента стало возможным **самостоятельное применение** ст. 5 Закона РФ «О государственной тайне», то есть **без ссылки** на «Перечень сведений, отнесенных к государственной тайне», который был утвержден указом Президента РФ 30 ноября 1995 года.*

Таким образом, в период с 12 декабря 1993 года по 30 ноября 1995 года, отсутствовало законодательное определение того, какие сведения относятся к государственной тайне; ввиду этого обстоятельства, отнесение каких-либо сведений

к категории составляющих государственную тайну, в обсуждаемый период ... было произвольным и не основанном на законе».

46. 17 апреля 2000 года Верховный Суд РФ поддержал оправдательный приговор Никитина, мотивируя следующим:

«Оправдывая Никитина за отсутствием в его действиях составов вмененных ему преступлений, суд [первой инстанции] исходил из того, что в период с 12 декабря 1993 года по 30 ноября 1995 года отсутствовало законодательное определение сведений, относящихся к государственной тайне, в связи с чем квалификация органами предварительного следствия деяний Никитина на законе не основана.

...

Согласно положениям ч.4 ст.29 Конституции РФ, принятой 12 декабря 1993 года и действовавшей в период совершения Никитиным инкриминированных ему преступлений, перечень сведений, составляющих государственную тайну, должен быть определен федеральным законом. Такой перечень впервые был определен федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О государственной тайне» от 6 октября 1997 года.

Принимая во внимание, что в период совершения Никитиным вмененных ему действий отсутствовал соответствующий требованиям Конституции РФ перечень сведений, составляющих государственную тайну, сведения, собранные ... а также разглашенные, не могут быть признаны содержащими государственную тайну. Поскольку объективную сторону преступлений, предусмотренных статьями 275 и 283 УК РФ составляют указанные в них действия лишь со сведениями, являющимися государственной тайной, те же действия с другими сведениями не могут быть признаны государственной изменой и разглашением государственной тайны ...

...

... Закон РФ «О государственной тайне» от 21 июля 1993 года в отношении Никитина применению не подлежал, поскольку в нем отсутствовал перечень сведений, составляющих государственную тайну, а в ст. 5 названного закона говорилось только о сведениях, которые могут быть отнесены к государственной тайне. Между тем в ч. 4 ст. 29 Конституции РФ содержится требование об определении указанного перечня федеральным законом. Поскольку в ст. 5 Закона РФ «О государственной тайне» от 21 июля 1993 года и ч. 4 ст. 29 Конституции РФ речь идет о различных объектах, с утверждением кассационного протеста о наличии в этих актах лишь терминологического несоответствия согласиться нельзя ...».

47. 25 июля 2000 года Верховный Суд РФ отклонил кассационную жалобу и постановил о возвращении на новое судебное рассмотрение в тот же суд в ином составе судей приговора в отношении г-на Моисеева – бывшего сотрудника Министерства Иностранных Дел РФ, обвиняемого в совершении преступления по статье 275 УК РФ. Суд установил:

«Признавая Моисеева виновным, в совершении преступления, предусмотренного ст. 275 УК РФ, суд [первой инстанции] указал, что [заявитель] в период ... с начала 1994 года по 3 июля 1998 года ... систематически занимался сбором, хранением и передачей южнокорейской разведке сведений и документов, содержащих секретный характер, составляющих государственную тайну. При этом суд [первой инстанции] ограничился лишь общим перечислением сведений и документов ... и не указал, какие сведения и документы когда именно были переданы [заявителем]. Поскольку инкриминируемые [заявителю] деяния носят продолжаемый по времени характер и охватываются периодом времени с 1992-1993 годы по июль 1998 года, в течение которого имело место изменение законодательства РФ, то установление таких данных судом имеет существенное значение для дела.

Согласно положениям ч. 4 ст. 29 Конституции ... перечень сведений, составляющих государственную тайну, должен

быть определен федеральным законом. Такой перечень был определен федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О государственной тайне» от 6 октября 1997 года. Таким образом, до указанного времени отсутствовал соответствующий требованиям Конституции РФ перечень сведений, составляющий государственную тайну.

Отсутствие в приговоре данных о времени передачи [заявителем] сведений и документов не позволяет сделать правильный вывод о том, какие именно из инкриминируемых [заявителю] действий совершены им в период действия федерального закона, соответствующего требованиям Конституции РФ, содержащего перечень сведений, составляющих государственную тайну».

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статей 7 и 10 Конвенции

48. Заявитель обратился с жалобой по статье 7 Конвенции в связи с тем, что в его деле национальными судами был ретроспективно применен и широко трактован Закон «О государственной тайне». Далее он подал жалобу по статье 10 Конвенции на нарушение его права на свободу выражения мнения. Заявитель утверждал, что подвергся чрезмерно широкому и политически мотивированному уголовному преследованию в качестве возмездия за свои критические публикации. В частности, он никогда не передавал сведения, составляющие государственную тайну, г-ну Т.О. - японскому журналисту. Однако был осужден за предположительное намерение передать г-ну Т.О. свои рукописные записи, которые, как было установлено, содержали сведения, отнесенные к государственной тайне. Единственным обоснованием такого вывода стал тот факт, что он прежде неоднократно предоставлял информацию японскому журналисту на законных основаниях. Далее заявитель настаивал на том, что хотя судом было установлено, что в его рукописных записях содержались действительные наименования военных соединений и частей, и сведения о деятельности частей радиоэлектронной борьбы, эти сведения были доступны из множества открытых источников, включая сайты, и что он не мог предвидеть, что эти сведения

составляли государственную тайну, поскольку данный вывод был основан на неопубликованном – и поэтому недоступном – Приказе № 055 Министерства обороны. Соответствующие пункты статей Конвенции предусматривают:

Статья 7

«1. Никто не может быть осужден за совершение какого-либо деяния или за бездействие, которое согласно действовавшему на момент его совершения национальному или международному праву не являлось уголовным преступлением. Не может налагаться наказание более тяжкое, нежели то, которое подлежало применению в момент совершения уголовного преступления ...

2. Настоящая статья не препятствует осуждению и наказанию любого лица за совершение какого-либо деяния или за бездействие, которое в момент его совершения являлось уголовным преступлением в соответствии с общими принципами права, признанными цивилизованными странами».

Статья 10

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной

конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

А. Аргументы сторон

1. Заявитель

49. Что касается жалобы по статье 7 Конвенции, заявитель настаивал, что был осужден на основе ретроспективного применения Закона «О государственной тайне». Он утверждал, в частности, что в период между 11 сентября 1997 года - датой, когда он собрал указанные сведения, и 9 октября 1997 года - датой, когда поправка к Закону «О государственной тайне», включающая перечень сведений, отнесенных к государственной тайне, вступила в силу, не было никакого перечня, установленного каким-либо федеральным законом, и поэтому на тот момент не было никакого правового основания для его осуждения за предполагаемое преступление. Заявитель утверждал, что Указ Президента РФ № 1203 от 30 ноября 1995 года, утверждающий перечень сведений, отнесенных к государственной тайне, не мог рассматриваться как надлежащее правовое основание для его осуждения, учитывая, что в части 4 статьи 29 Конституции РФ четко сказано, что «перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом». Он также настаивал, что в отсутствие такого перечня он не мог предвидеть, что за его действия была предусмотрена уголовная ответственность.

50. В этой связи заявитель сослался на практику российских судов по делу *Никитин против России (Nikitin v. Russian Federation)* (№ 50178/99, ECHR 2004-VIII) и *Моисеев против России (Moiseev v. Russian Federation)* (№ 62936/00, 9 октября 2008 года). В частности, он указал на то, что Верховный Суд РФ в своем постановлении от 17 апреля 2000 года, вынесенного по делу *Никитина*, и в постановлении от 25 июля 2000 года, вынесенного по делу *Моисеева*, единообразно постановил, что перечень сведений, составляющих государственную тайну, должен определяться федеральным законом, и что этот перечень был впервые установлен федеральным законом от 6 октября 1997 года, «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О государственной тайне».

51. Далее заявитель утверждал, что в основу решения национальных судов был положен неопубликованный Приказ № 055 Министерства обороны, что, по его мнению, привело к широкой трактовке и чрезмерно обширному применению Закона «О государственной тайне». Несмотря на то, что заявитель признавал, что суд первой инстанции открыто не ссылаясь на приказ № 055, он полагал, что в своем решении суд косвенно опирался на него, используя экспертное заключение от 14 сентября 2001 года. По словам заявителя, указанное заключение установило секретных характер его рукописных записей на основе вышеупомянутого неопубликованного приказа. По его мнению, это подтверждалось формулировкой «деятельности частей радиоэлектронной борьбы в ходе учений», используемой судом первой инстанции при осуждении заявителя и дословно взятой из приказа № 055, а не из статьи 5 Закона «О государственной тайне». Позиция заявителя сводилась к тому, что формулировка, используемая в законе, была более узкой и охватывала только один вид деятельности частей радиоэлектронной борьбы, а именно, сведения о «средствах и методах защиты секретной информации». Заявитель также указал на то, что использование приказа № 055 в его деле было признано судом кассационной инстанции, постановившим в своем решении от 25 июня 2002 года, что экспертное заключение от 14 сентября 2001 года было основано на Законе «О государственной тайне», Указе Президента РФ № 1203 и Приказе Минобороны № 055.

52. Таким образом, заявитель считал, что как бы там ни было, он не мог предвидеть, что сведения, которые он собрал на разборе учений 11 сентября 1997 года, имели секретный характер, поскольку ни один из участников указанного разбора не предупредил остальных о секретном характере информации, озвученной на разборе. Он также настаивал, что сведения, которые он собрал и хранил дома, имели незначительное значение.

53. Далее заявитель сослался в своей жалобе на статью 10 Конвенции. Он настаивал, что власти преследовали его в связи с его журналистской деятельностью и опубликованием статей на серьезные проблемы, связанные с охраной окружающей среды. Он также утверждал, что оспариваемые сведения можно было найти в открытых источниках, и в особенности в докладах различных экологических организаций, что они имели второстепенное значение и, соответственно, не могли составлять государственную тайну.

2. Правительство

54. Правительство настаивало, что в деле заявителя национальные суды не применяли закон ретроспективно, и не трактовали его слишком широко.

55. Правительство утверждало, что оценка действий заявителя, данная судами и, следовательно, осуждение заявителя были основано на статье 275 УК РФ, Законе «О государственной тайне», в редакции от 6 октября 1997 года и Указе Президента РФ № 1203 от 30 ноября 1995 года, утверждающем Перечень сведений, отнесенных к государственной тайне. Правительство сослалось на решение от 25 июня 2002 года, в котором суд кассационной инстанции постановил, что по делу заявителя суд первой инстанции законно применил вышеуказанные правовые документы, учитывая, что преступление, инкриминируемое заявителю, носило продолжаемый по времени характер: началось 11 сентября 1997 года, когда заявитель собрал инкриминируемые ему сведения, и было прекращено 20 ноября 1997 года, когда рукописные записи были изъяты у заявителя. Согласно комментариям Правительства, в ситуации, когда имело место уголовное преступление продолжаемого характера, было применено именно законодательство, действующее на тот момент, когда преступление было прекращено. Правительство утверждало, что заявитель не мог не предвидеть применение вышеуказанных правовых документов, поскольку все они были должным образом опубликованы, и поэтому он имел к ним доступ.

56. Правительство оспаривало довод заявителя, что на момент совершения инкриминируемого ему преступления, сведения, составляющие государственную тайну, не были определены законом. Согласно комментариям Правительства, Конституционный суд РФ в постановлении от 20 декабря 1995 года постановил, что требования части 4 статьи 29 Конституции РФ были выполнены в связи с принятием Закона «О государственной тайне» от 21 июля 1993 года, определяющего понятие государственной тайны и включающего Перечень сведений, отнесенных к государственной тайне. Правительство также утверждало, что, впоследствии, Указом Президента РФ № 1203 от 30 ноября 1995 года был утвержден Перечень сведений, составляющих государственную тайну. Правительство указало, что, в любом случае, поправка от 6 октября

1997 года не изменила пункты статьи 5 Закона «О государственной тайне», которая послужила основанием осуждения заявителя.

57. Что касается жалобы заявителя, что из-за того, что национальные суды опирались на секретный Приказ № 055 Минобороны, это, якобы, привело к широкой трактовке и чрезмерно обширному применению Закона «О государственной тайне», Правительство утверждало, что в вышеуказанном приказе определена лишь степень секретности сведений, составляющих государственную тайну в соответствии с федеральным законом, и не были прописаны правила поведения отдельных лиц. Приказ был предназначен только для установления способа и критериев определения степени секретности сведений, составляющих государственную тайну, и поэтому не относился к категории правовых документов, которые должны были быть обнародованы. Таким образом, Правительство настаивало, что Приказ № 055 был применен в деле заявителя только потому, что существовала необходимость оценить степень важности и секретности сведений, собранных заявителем, а не для того, чтобы определить, составляли ли данные сведения государственную тайну. Последний вопрос решался на основании Закона «О государственной тайне» и Указа Президента РФ № 1203.

58. Далее Правительство утверждало, что дело заявителя отличалось от дела *Никитина*, на которое ссылался заявитель. Правительство указало, что в первом деле, инкриминируемые Никитину преступления были совершены до 5 октября 1995 года, то есть, прежде, чем был принят Указ Президента РФ № 1203, тогда как в настоящем деле деяния, инкриминируемые заявителю, были прекращены 20 ноября 1997 года, когда вышеупомянутый указ уже вступил в силу. Правительство также утверждало, что ссылка заявителя на постановление по делу *Моисеева* была неправильной, учитывая, что постановление Верховного Суда РФ, на которое ссылался заявитель, было отменено, и Моисеев был признан виновным в шпионаже в ходе нового судебного разбирательства. Правительство указало, что правовые доводы, касающиеся ретроспективного применения Закона «О государственной тайне», использованного судом кассационной инстанции в своем окончательном постановлении по делу *Моисеева*, были аналогичны доводам суда кассационной инстанции в постановлении от 25 июня 2002 года по делу заявителя, и поэтому в практике национальных судов не усматривалось противоречия в данном вопросе.

59. Правительство также указало на то, что заявитель не мог не понимать, что сведения, записанные им от руки, носили секретный характер, поскольку были озвучены среди ограниченного числа лиц на разборе учений 11 сентября 1997 года на условии, что они будут держаться в секрете. Правительство пришло к выводу, что в деле заявителя не имело место нарушение пунктов статьи 7 Конвенции.

60. Правительство далее оспорило, как необоснованный, довод заявителя о том, что он стал жертвой политического преследования из-за своей журналистской деятельности и критических публикаций, и считал, что он был признан виновным на основании нескольких свидетельских показаний, на которые опирался Тихоокеанский флотский военный суд при вынесении решения от 25 декабря 2001 года. Правительство утверждало, что вмешательство в осуществление заявителем права на свободу выражения мнения было оправдано пунктом 2 статьи 10 Конвенции. Оно считало, что в соответствии с российским законодательством о СМИ, обнародование сведений, составляющих государственную тайну, было запрещено, и что информация должна быть получена и сообщена на законных основаниях. Далее Правительство указало на то, что на момент рассмотрения дела заявитель был офицером, проходящим военную службу, и на основании соответствующих правовых норм он был вправе знакомиться с секретными сведениями только в объеме своих служебных обязанностей, производить записи секретного характера только в источники, учтенные в компетентном органе. Кроме того, на него была возложена обязанность хранить в тайне секретные сведения, ставшие известными по службе или иным путем, и не допускать действий, ведущих к утечке этих сведений. При этом было запрещено выносить секретные документы за пределы штаба (учреждения), или хранить их в не установленных для этого местах. Правительство настаивало, что на основании статуса военнослужащего, заявитель был полностью осведомлен обо всех ограничениях и мог четко предвидеть отрицательные последствия нарушения соответствующих инструкций.

61. Правительство признало, что, на самом деле, заявителя осудили не за передачу указанных сведений г-ну Т.О., а за намерение передать эти сведения. В этой связи, однако, Правительство указало, что элементы состава преступления, за которое предусмотрена ответственность по статье 275 УК РФ, включали не только непосредственную передачу, но также и сбор, хищение или хранение с

целью передачи сведений, составляющих государственную тайну. Намерение заявителя передать вмененные сведения г-ну Т.О было подтверждено доказательствами, исследованными судом первой инстанции, а именно сводкой телефонных переговоров заявителя с г-ном Т.О.

62. Правительство выразило несогласие с доводом заявителя о том, что сведения, содержащиеся в его рукописных записях, были доступны из открытых источников. Правительство утверждало, что эти доводы были полностью исследованы российскими судами и отклонены как необоснованные. Правительство указало, что в материалах уголовного дела против заявителя представлено несколько публикаций, включая статьи заявителя, в которых сообщалось о результатах зачетно-тактических учений, но не были обнаружены секретные сведения, в частности, какая-либо информация, касающаяся действительных наименований воинских частей, или средств и методов радио-радиоэлектронной борьбы. Сравнив эти публикации и рукописные записи заявителя, суды пришли к верному выводу, что сведения, содержащиеся в рукописных записях заявителя, не были доступны из открытых источников.

63. В заключение, Правительство оспорило утверждение заявителя о том, что собрав оспариваемые сведения, он выполнял обычные функции журналиста. В этой связи Правительство сослалось на записи телефонных переговоров заявителя с г-ном Т.О., которые четко продемонстрировали, что последний выражал интерес в получении лишь сведений секретного характера.

В. Оценка Суда

64. Суд отмечает, что заявитель был осужден за сбор 11 сентября 1997 года и хранение до 20 ноября 1997 года (дату, когда он был арестован) сведений, составляющих государственную тайну. Заявитель считал, что его осуждение было незаконным, поскольку в период с 11 сентября 1997 года по 8 октября 1997 года, не существовало установленного законом перечня сведений, отнесенных к государственной тайне, в то время как с 9 октября 1997 года (даты вступления в силу поправки, которая вносила перечень во внутригосударственное право) вплоть до 20 ноября 1997 года, национальными судами было широко истрактовано действующее законодательство, и приговор был основан на неопубликованном

приказе Минобороны. Заявитель утверждал, что, в связи с этим, он не мог предвидеть уголовную ответственность за свои действия в течение каждого из периодов.

65. Учитывая обстоятельства в настоящем деле, Суд считает, что главным вопросом является предполагаемое нарушение права заявителя на свободу выражения мнения. Поэтому Суд считает целесообразным изучить жалобы заявителя в рамках статьи 10 Конвенции.

66. Не забывая о том, что заявитель был офицером, проходящим воинскую службу, Суд напоминает, что свобода выражения мнения, гарантированная статьей 10 Конвенции, применима к военнослужащим, как и к другим категориям лиц, в юрисдикции государств-участников. Сведения, разглашение которых инкриминировалось заявителю, также не выходили за рамки действия статьи 10, которая не сводится к конкретным категориям сведений, идей или форм выражения (см. постановление по делу *Хаджианастассиу против Греции (Hadjianastassiou v. Greece)* от 16 декабря 1992 года, § 39, Серия А № 252). Следовательно, Суд убежден в том, что статья 10 Конвенции применима в настоящем деле, и что приговор, назначенный заявителю, представлял собой вмешательство в осуществление им права на свободу выражения мнения. Подобное вмешательство нарушает статью 10, если оно не «предусмотрено законом», не преследует одну или более законных целей, отмеченных в пункте 2 статьи 10, и не является «необходимым в демократическом обществе» для достижения этих целей.

1. Было ли вмешательство законным

67. Суд напоминает, что под фразой «предусмотрено законом», в рамках значения пункта 2 статьи 10 Конвенции, понимается, прежде всего, требование, в соответствии с которым все оспариваемые меры должны быть основаны на нормах внутригосударственного права. Однако данная фраза предъявляет требование и к качеству рассматриваемого закона, в том смысле, что он должен быть доступен для рассматриваемого лица, чтобы это лицо могло предвидеть последствия своих действий, и закон должен быть достаточно четким в формулировке.

(а) Правовая основа

68. Что касается первого аспекта, Суд отмечает, что Конституция РФ от 12 декабря 1993 года в части 4 статьи 29 предусматривает, что «Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом». До 9 октября 1997 года, в статье 5 Закона «О государственной тайне» был лишь упомянут перечень сведений, которые «могут быть» отнесены к государственной тайне в соответствии с установленной процедурой. Полномочия относить сведения к государственной тайне были возложены на руководителей государственных органов, а полномочия утверждать этот перечень – на Президента РФ. 30 ноября 1995 года Президент принял соответствующий указ. 6 октября 1997 года в статье 5 Закона «О государственной тайне» были внесена поправка, включающая перечень сведений, которые составляют государственную тайну, и поправка была опубликована и вступила в силу 9 октября 1997 года (см. пункты 38-43 выше).

69. В свете вышеизложенного заявитель предлагал разграничить два следующих друг за другом периода: период с 11 сентября 1997 года (дата сбора заявителем указанных сведений) по 8 октября 1997 года; и период с 9 октября 1997 года (дата вступления в силу поправки к Закону «О государственной тайне») по 20 ноября 1997 года (дату ареста заявителя). Правительство и национальные суды, напротив, считали это различие несущественным, потому что уголовное преступление, в совершении которого заявитель был признан виновным, было классифицировано как преступление, «носящее продолжаемый характер», за которое была предусмотрена ответственность согласно законодательству, действующему на момент задержания заявителя. Однако, главным доводом Правительства было то, что в любом случае поведение заявителя являлось уголовным преступлением по законодательству, действующему до 9 октября 1997 года. Соответственно, Суд начнет с исследования правового обоснования осуждения заявителя в эти два периода.

(i) 11 сентября - 8 октября 1997 года

70. Что касается первого периода, то у сторон возникли разногласия по поводу наличия формальной основы осуждения заявителя за инкриминируемое ему преступление во внутригосударственном праве, и ответственности за действия заявителя по действующему на тот

момент российскому законодательству. Заявитель утверждал, что в указанный период такого основания не было, поскольку Закон «О государственной тайне» содержал только перечень сведений, которые «могли быть отнесены», а не «составляли» государственную тайну, тогда как утверждение этого перечня Указом Президента РФ № 1203 от 30 ноября 1995 года противоречило части 4 статьи 29 Конституции РФ, в котором четко предусмотрено, что такой перечень должен быть определен федеральным законом. Правительство настаивало, что Закон «О государственной тайне» от 21 июля 1993 года, вместе с Указом Президента РФ № 1203 от 30 ноября 1995 года, представляли собой достаточное правовое основание для осуждения заявителя за совершение инкриминируемого ему преступления в указанный период, учитывая, что оба документа были опубликованы надлежащим образом и были доступны.

71. Суд отмечает, что согласно части 4 статьи 29 Конституции РФ перечень сведений, составляющих государственную тайну, должен быть определен федеральным законом. Указанная конституционная норма подразумевает, что в отсутствие такого закона правового основания для уголовного преследования какого-либо лица за разглашение государственной тайны не было. Однако в Законе «О государственной тайне», действующем на тот момент, содержался лишь перечень сведений, которые могли быть отнесены — а не составляли — государственную тайну, и, поэтому нельзя сказать, что он четко предусматривал перечень таких сведений. С другой стороны, в указанный период соответствующий перечень был утвержден Указом Президента РФ № 1203 от 30 октября 1995 года. Национальные суды при осуждении заявителя опирались на эти два правовых документа. Вопрос, ответ на который необходимо найти в настоящем деле, заключается в следующем: было ли возможно, ввиду соответствующих требований Конституции РФ, установить достаточное правовое основание для вмешательства в права заявителя, предусмотренные статьей 10 Конвенции в ситуации, когда в федеральном законе содержится ссылка на перечень сведений, которые «могли быть» отнесены к государственной тайне, а подробный перечень утвержден Указом Президента – правовым документом более низкой юридической силы, чем федеральный закон.

72. В этой связи Правительство-ответчик сослалось на то, что Конституционный суд РФ (далее - «Конституционный суд») в своем постановлении от 20 декабря 1995 года постановил, что требования

части 4 статьи 29 Конституции РФ соблюдены в Законе «О государственной тайне» от 21 июля 1993 года. Принимая во внимание обстоятельства настоящего дела, Суд не видит необходимости рассматривать вопрос о том, давал ли Закон «О государственной тайне», взятый отдельно, достаточное правовое основание для осуждения заявителя в рассматриваемый период, поскольку в любом случае, он был применен лишь в совокупности с Указом Президента РФ от 30 ноября 1995 года.

73. Далее Суд напоминает, что в соответствии с установившейся практикой Суда, концепция «закона» должна быть понятна «по существу», а не «формально». Таким образом, сюда включено все, что составляет статутное право, в том числе нормативные акты более низкой категории, чем законы, и судебные решения, разъясняющие их (см. постановление по делу *Ассоциация Екин против Франции (Association Ekin v. France)*, № 39288/98, § 46, 2001-VIII ECHR). В настоящем деле, как отмечает Суд, Конституция РФ установила принцип, согласно которому перечень сведений, отнесенных к государственной тайне, определяется федеральным законом, и что впоследствии в Закон «О государственной тайне» были внесены поправки, приводящие его в соответствие с указанным требованием Конституции. Очевидно, что в период между 12 декабря 1993 года (дата, когда Конституция РФ вступила в силу), и 9 октября 1997 года (дата, когда вступили в силу поправки к Закону «О государственной тайне») существовала острая потребность в правовом инструменте, дающем правоохранительным органам правовое основание «для выполнения ими своих обязанностей по обеспечению безопасности государства, общества и отдельных граждан» (см. пункт 41 выше). Суд склонен полагать, что со стороны российских властей было правомерно разрешить эту потребность путем принятия президентского указа, поскольку процедура принятия подобного правового документа менее сложная и более скорая, чем процедура принятия федерального закона, особенно учитывая границы свободы усмотрения в регулировании защиты государственной тайны (см. постановление по делу *Стोलл против Швейцарии (Stoll v. Switzerland)* [GC], № 69698/01, § 107, ECHR 2007-...) . В Указе были четко перечислены категории сведений, отнесенных к государственной тайне, он был доступен для общественности, и любой человек, включая заявителя, мог соответствующим образом регулировать свое поведение.

74. Далее Суд отмечает, что в подтверждение своего довода о том, что Закон «О государственной тайне» в его оригинальной версии и Указ Президента № 1203 от 30 ноября 1995 года не могли являться надлежащим правовым основанием для осуждения заявителя, он сослался на два решения Верховного Суда России по двум другим уголовным делам, связанным с разглашением государственной тайны, а именно, *Никитина* и *Моисеева*, в которых Верховный Суд постановил, что перечень сведений, составляющих государственную тайну, должен определяться федеральным законом, и что такой перечень был сначала определен Федеральным Законом «О внесении изменений и дополнений в Закон РФ «О государственной тайне» от 6 октября 1997 года.

75. Что касается ссылки заявителя на постановление по делу *Никитина*, Суд обращает внимание на довод Правительства о том, что преступления, инкриминируемые Никитину, были совершены в августе и сентябре 1995 года, когда Указ Президента № 1203 еще не вступил в силу. В своем решении от 29 декабря 1999 года суд первой инстанции прямо сослался на это обстоятельство как на основание для оправдания Никитина, установив, что отнесение сведений к государственной тайне до 30 ноября 1995 года было произвольным и не основанным на законе. Тем не менее, у суда первой инстанции не возникало сомнений, что в последующем, после указанной даты, имело место достаточное правовое основание для уголовного преследования за разглашение государственной тайны. Правда, следует отметить, что суд первой инстанции заявил, что соответствующее требование части 4 статьи 29 Конституции РФ было полностью выполнено только после вступления в силу поправки от 6 октября 1997 года, но впоследствии указал, что Закон «О государственной тайне» в его изначальной версии, примененный в совокупности с Указом Президента от 30 ноября 1995 года мог послужить должным правовым основанием для предъявления обвинения за разглашение государственной тайны (см. пункт 45 выше).

76. При вынесении постановления по кассационной жалобе Верховный Суд подтвердил, что в период совершения Никитиным инкриминируемых ему деяний, перечня сведений, отнесенных к государственной тайне, не существовало, и поэтому сведения, которые он собрал и разгласил, не могли быть отнесены к сведениям, составляющим государственную тайну. Действительно, суд

кассационной инстанции постановил, что такой перечень был впервые утвержден после вступления в силу поправки от 6 октября 1997 года к Закону «О государственной тайне». Тем не менее, суд не выразил мнения относительно того, могло ли применение Закона «О государственной тайне» в совокупности с Указом Президента РФ от 30 ноября 1995 года быть достаточным для уголовного преследования за разглашение государственной тайны (см. пункт 46 выше).

77. Во-вторых, что касается дела *Моисеева*, то последнему было предъявлено обвинение в преступлениях, совершенных в период с 1992-1993 года до июля 1998 года. В постановлении Верховного Суда от 25 июля 2000 года по делу *Моисеева*, на которое ссылался заявитель, говорилось, что суду первой инстанции не удалось установить точную дату совершения преступлений, и что, в связи с этим, было неясно, какое из этих преступлений было совершено в период, когда Закон «О государственных тайне» был приведен в соответствии с требованиями части 4 статьи 29 Конституции РФ. Как и в деле *Никитина*, Верховный Суд ничего не сказал по поводу Указа Президента от 30 ноября 1995 года (см. пункт 47 выше). Поэтому Суд не может с уверенностью сказать, что решения суда, на которые ссылается заявитель, имеют прямое отношение к его ситуации, или, что они должны трактоваться так, как это предлагает заявитель, особенно в той части, что они доказывают, что Закон «О государственной тайне» в его изначальной версии и Указ Президента РФ от 30 ноября 1995 года не могли служить достаточным правовым основанием для его осуждения.

78. В заключение, Суд отмечает, что в деле заявителя национальные суды единообразно ссылались на Закон «О государственной тайне» и Указ Президента РФ от 30 ноября 1995 года как на основание для осуждения заявителя. В этой связи Суд напоминает, что, прежде всего, национальные власти, в особенности суды, должны трактовать и применять внутригосударственное право, и что мнение Суда не будет отличаться от их мнения, если трактовка, данная ими, не покажется Суду произвольной или очевидно необоснованной. В свете вышеизложенного Суд не видит причин отступать от трактовки, данной национальными судами. Поэтому Суд считает, что Закон «О государственной тайне» от 21 июля 1993 года, предусматривающий перечень категорий сведений, отнесенных к государственной тайне, и дополненный Указом Президента РФ № 1203 от 30 ноября 1995 года, содержат перечень сведений, составляющих государственную тайну с

достаточной точностью. Оба документа, будучи доступны в открытых источниках и позволяющие заявителю предвидеть последствия своих действий, представляли собой достаточное правовое основание для вмешательства в права заявителя по статье 10 Конвенции в период между 11 сентября и по 8 октября 1997 года.

(ii) 9 октября -20 ноября 1997 года

79. Что касается второго периода, Суд отмечает, что у сторон не возникло разногласий по поводу того, что Закон «О государственной тайне» в новой редакции служил правовым основанием для осуждения заявителя.

(iii) Общее

80. В свете вышеизложенного Суд находит, что существовало достаточное правовое основание для осуждения заявителя за весь период с 11 сентября до 20 ноября 1997 года. Кроме того, Суд учитывает бесспорное наличие такого основания на 20 ноября 1997 года, что в соответствии с внутригосударственным правом, учитывая продолжаемый характер преступления, было достаточным, чтобы поведение заявителя подпало под нормы Уголовного кодекса, применимые по его делу.

(b) Качество закона

81. В своей жалобе заявитель утверждал, что выводы национальных судов о том, что собранные им сведения составляли государственную тайну, были основаны на Приказе № 055 Министерства обороны - секретном и, следовательно, недоступном документе, на который ссылались эксперты в своем заключении от 14 сентября 2001 года. Это привело к широкой трактовке и чрезмерно широкому применению Закона «О государственной тайне» и Указа Президента РФ № 1203. Заявитель настаивал, что при таких обстоятельствах он не мог предвидеть, что сведения, которые он собрал, носили секретный характер, и что за его действия была предусмотрена уголовная ответственность. Правительство признало, что приказ Минобороны, упомянутый заявителем, был применен по его делу, однако утверждало, что он был использован лишь для оценки степени важности и секретности сведений, собранных заявителем, а не для

того, чтобы определить, составляли ли эти сведения государственную тайну.

82. Заявитель, по сути, оспаривал, что внутригосударственное право, примененное в его деле, отвечало критериям предсказуемости и доступности, или, другими словами, что его осуждение было «законным» в рамках значения статьи 10 Конвенции. В этой связи Суд отмечает, во-первых, что как установлено выше, Закон «О государственной тайне» и Указ Президента РФ № 1203, были достаточно четко сформулированы, чтобы позволить заявителю предвидеть последствия своих действий. Что касается несогласия заявителя с широкой и, поэтому, непредсказуемой трактовкой упомянутых правовых документов, данной национальными судами, которые опирались в своем решении на неопубликованный Приказ Минобороны, то из обстоятельств дела следует, что заявитель, в соответствии со служебными обязанностями, имел доступ к Приказу № 055, ознакомился с ним, и в этой связи подписал документ осенью 1996 года (см. пункт 19 выше), то есть, до совершения инкриминируемых ему преступлений. Принимая это во внимание, Суд отклоняет довод заявителя о недоступности и непредсказуемости норм внутригосударственного права, примененных в его деле.

83. В целом, Суд убежден, что при обстоятельствах настоящего дела, нормы внутригосударственного права отвечали требованиям доступности и предсказуемости, и что вмешательство в осуществление заявителем его прав в рамках статьи 10 Конвенции было законным.

2. Преследовало ли вмешательство законную цель

84. У Суда не возникает сложностей в том, чтобы признать, что оспариваемая мера преследовала законную цель – защиту интересов национальной безопасности.

3. Было ли вмешательство необходимо в демократическом обществе

85. Что касается пропорциональности рассматриваемого вмешательства, Суд отмечает, прежде всего, что довод заявителя о том, что его намерение передать оспариваемые сведения не было доказано, и что указанные сведения могли быть получены из открытых источников, звучит неубедительно. Национальными судами был

тщательно исследован каждый из доводов заявителя, и выводы судов подтверждены рядом доказательств. Суды опирались в своем решении, в частности, на сводки нескольких телефонных переговоров заявителя с гражданином Японии, доказывающие намерение заявителя передать рассматриваемые сведения г-ну Т.О. (см. пункты 22 и 32 выше). Национальные суды также надлежащим образом изучили и отклонили как необоснованный, довод заявителя о том, что собранные им сведения были общедоступными. Действительно, судами была дана критическая оценка экспертного заключения от 14 сентября 2001 года после сравнения выводов экспертов с другими материалами дела, и были отклонены те выводы, в которых к секретным сведениям были причислены сведения из общедоступных источников, таких как военный справочник по подводным лодкам или доклады Гринписа (см. пункт 26 выше). По поводу же сведений, собранных заявителем, суды отметили, что их нельзя было найти в открытых источниках (см. пункт 32 выше).

86. К тому же, Суд не может не согласиться с доводами национальных судов и Правительства, что, будучи офицером, проходящим воинскую службу, свобода действий заявителя была ограничена служебными обязанностями (см. дело *Хаджианастассиу*, приведенное выше, § 46). Суд также считает, что разглашение сведений о военных учениях, которые заявитель собрал и хранил, могло нанести значительный урон национальной безопасности. Конечно, заявитель в действительности не передавал указанные сведения иностранному гражданину. С другой стороны, Суд не упустил из виду и тот факт, что его приговор был очень снисходительным, и назначенный срок - намного меньше, чем предусмотренный законом минимум, в частности если сравнить лишение свободы сроком на четыре года с лишением свободы сроком на двенадцать — двадцать лет и конфискацией имущества (см. пункты 28 и 37 выше).

87. В целом, Суд отмечает, что заявитель был признан виновным в государственной измене в форме шпионажа как офицер, проходящий воинскую службу, а не как журналист, в связи со сбором и хранением сведений, составляющих государственную тайну с намерением передать их гражданину иностранного государства. Материалы, представленные Суду, доказывают, что национальными судами были тщательно исследованы обстоятельства дела заявителя, изучены доводы сторон, и в основу выводов судов лег ряд доказательств. Их решения обоснованны и мотивированны. Взвесив все вышеуказанное,

Суд считает, что национальные суды не переступили границы свободы усмотрения, предоставленные национальным властям в вопросах, связанных с национальной безопасностью (см. дело *Хаджианастасиу*, приведенное выше, § 47). Представленные доказательства говорят о разумной степени пропорциональности использованных средств и преследуемой законной цели. В материалах дела нет ничего, подтверждающего утверждение заявителя о том, что его осуждение было чрезмерным или политически мотивированным, или что его преследовали за его публикации.

88. В свете вышеизложенного, Суд находит, что в настоящем деле не имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

89. Далее Суд отмечает, что жалобы заявителя по статье 7 Конвенции затрагивают те же факты, что были изучены в рамках статьи 10 Конвенции. Учитывая выводы по жалобе, поданной по статье 10, Суд не видит необходимости изучать эти жалобы отдельно.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД

1. *Постановляет* шестью голосами против одного, что не имело место нарушение статьи 10 Конвенции;
2. *Постановляет* единогласно, что жалобы заявителя по статье 7 Конвенции не поднимают отдельного вопроса.

Выполнено на английском языке, представлено в письменной форме 22 октября 2009 года, в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Кристос Розакис
Сорен Нильсен

Председатель Суда
Секретарь Секции Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 Правила 74 Регламента Суда, особое мнение судьи Джорджио Малинверни приведено в приложении к настоящему постановлению.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ МАЛИНВЕРНИ

1. В отличие от большинства, я придерживаюсь мнения, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции в период с 11 сентября по 8 октября 1997 года. Суду следовало более жестко трактовать требование части 4 статьи 29 Конституции РФ и постановить, что в отсутствие федерального закона, отвечающего данному требованию, надлежащего правового основания во внутригосударственном праве для осуждения заявителя не было.

2. Причины, по которым у меня возникли серьезные сомнения относительно того, что взятый отдельно Закон «О государственной тайне» в его изначальной версии мог послужить правовым основанием для признания заявителя виновным в совершении преступления, заключаются в следующем.

3. Во-первых, Верховный Суд РФ, в своих постановлениях по кассационным жалобам по делам *Никитина* и *Моисеева* от 17 апреля и 25 июля 2000 года, соответственно, отметил, что требования ч. 4 ст. 29 Конституции РФ были выполнены только после внесения изменений 6 октября 1997 года в Закон «О государственной тайне» (см. пункты 46 и 47). К тому же, тот факт, что 30 октября 1995 года Президент РФ издал Указ № 1203, утверждающий Перечень сведений, отнесенных к государственной тайне, подразумевает, что российские власти признавали наличие правового пробела в данной области.

4. Что касается Указа Президента РФ № 1203, то, действительно, этот документ, официально опубликованный и общедоступный, устанавливал Перечень сведений, отнесенных к государственной тайне. Тем не менее, я не уверен, что соответствующие конституционные нормы были соблюдены с принятием этого правового документа, учитывая, что в части 4 статьи 29 Конституции РФ содержится указание на «федеральный закон» – правовой акт, принятый национальным парламентом как следствие законодательного процесса, чем на нормативные акты более низкой категории, такие как правительственные или президентские указы. Тот

факт, что впоследствии необходимые изменения были внесены в Закон «О государственной тайне» для приведения его в соответствие с частью 4 статьи 29 Конституции РФ, указывает, на мой взгляд, на то обстоятельство, что сами российские власти не считали, что соответствующие требования Конституции РФ были выполнены с принятием президентского указа.

5. В свете вышеизложенного, я не могу прийти к выводу, что Закон «О государственной тайне» в его изначальной версии и Указ Президента РФ от 30 ноября 1995 года могли расцениваться как достаточное правовое основание для вмешательства в осуществление заявителем прав, гарантированных статьей 10 Конвенции по отношению к периоду с 11 сентября по 8 октября 1997 года.

**© Центр Защиты Прав СМИ,
перевод с английского, 2009**

Краткое изложение дела

ДЕЛО «САЛОВ ПРОТИВ УКРАИНЫ» (Salov v. Ukraine)

(жалоба № 65518/01)

Постановление Суда

Страсбург, 6 сентября 2005 года

Суть принятого решения: В отношении заявителя имело место нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод); единогласно. Также в данном деле признано нарушение в отношении заявителя пункта 3 статьи 5 и пункта 1 статьи 6 Конвенции; единогласно.

Краткое изложение обстоятельств дела:

Заявитель, являясь адвокатом, был зарегистрирован представителем кандидата в президенты Украины.

В 1999 году в отношении заявителя было выдвинуто уголовное обвинение в воспрепятствовании осуществлению гражданами Украины их избирательных прав. Заявитель был задержан за распространение ложной информации (в форме заявления спикера парламента Украины в специальном общенациональном выпуске парламентской газеты «Голос Украины») о якобы имевшей место смерти кандидата в президенты Леонида Кучмы и помещен в изолятор временного содержания.

В ходе расследования и всего судебного разбирательства заявитель не был освобожден из под стражи, несмотря на его неоднократные ходатайства об этом.

В июле 2000 года районный суд признал заявителя виновным и приговорил его к пяти годам лишения свободы, с отсрочкой исполнения приговора на два года, а также наложил на заявителя штраф.

Областной суд оставил решение в силе. В пересмотре дела в надзорном порядке заявителю было отказано.

Позднее Квалификационно-дисциплинарная комиссия адвокатуры аннулировала лицензию заявителя на право занятия адвокатской деятельностью, обосновав свое решение фактом его осуждения.

После того, как судимость была погашена, заявителю разрешили снова сдать квалификационный экзамен и, уплатив взнос, он получил новую лицензию.

Оценка Европейского Суда:

Поскольку стороны расходились во мнении, было ли вмешательство в право заявителя предусмотрено законом и преследовало ли оно правомерную цель, задачей Суда являлось выяснение этого вопроса, а также оценка «необходимости» вмешательства.

«Суд отмечает, что одно из требований, вытекающих из выражения «предусмотрено законом» — предсказуемость соответствующей меры. Норма не может считаться «законом», пока она не будет сформулирована с достаточной степенью точности, позволяющей человеку соотносить с ней свое поведение: он должен иметь возможность — пользуясь при необходимости советами — предвидеть, в разумной применительно к обстоятельствам степени, последствия, которые может повлечь за собой то или иное действие». (п. 108)

По мнению Суда, статья Уголовного кодекса Украины, по которой был осужден заявитель, удовлетворяла требованиям ясности и предсказуемости.

Также Суд согласился с Правительством, что вмешательство преследовало правомерную цель - обеспечение избирателей правдивой информацией в ходе президентской кампании 1999 года.

Суд отметил, что оспариваемая статья касалась вопросов большой общественной значимости, а именно предполагаемой смерти конкретного кандидата на президентских выборах (п. 111):

«Упомянутые в статье темы затрагивали выборы как таковые и способность избирателей голосовать за конкретного кандидата. По мнению Суда, это — важные вопросы, способные положить начало серьезной общественной дискуссии в ходе выборов. Следовательно, к настоящему делу вполне применимы принципы относительно рамок политической дискуссии».

Что касается вопроса о том, чем были оспариваемые сведения - фактическим утверждением или оценочным суждением, - Суд отметил, что национальные суды необоснованно квалифицировали высказывания в статье как утверждения о факте.

«Однако из установленных национальными судами фактов явствует, что это утверждение о факте не было изготовлено или опубликовано самим заявителем, а заявитель просто упомянул о нем в разговорах с другими лицами в качестве личной оценки фактической информации, достоверность которой вызывала у него сомнения. Национальные суды не доказали того, что он умышленно пытался ввести в заблуждение других избирателей и помешать им в осуществлении ими своих избирательных прав на президентских выборах 1999 года. Более того, сама по себе статья 10 Конвенции не запрещает обсуждение или распространение полученной информации, даже если возникают серьезные сомнения относительно ее достоверности. Утверждать обратное означало бы лишать людей права выражать свои взгляды и мнения о заявлениях, сделанных в СМИ, что налагало бы необоснованные ограничения на свободу выражения, гарантированную статьей 10 Конвенции». (п. 113)

Также Суд напомнил, что при оценке соразмерности вмешательства следует принимать во внимание и такие факторы, как характер и строгость наложенного наказания (п. 115):

«В деле заявителя, наказание в виде лишения свободы сроком на 5 лет с отсрочкой исполнения приговора на два года, штраф в размере 170 украинских гривен (32,82 евро) и последующее аннулирование Коллегией адвокатов лицензии

заявителя на право занятия юридической деятельностью, представляло собой очень суровое наказание».

В итоге Суд пришел к выводу, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

© Центр Защиты Прав СМИ, 2010

ДЕЛО «САЛОВ ПРОТИВ УКРАИНЫ»

(*Salov v. Ukraine*)

(жалоба № 65518/01)

Постановление Суда

Страсбург, 6 сентября 2005 года

По делу «Салов против Украины» Европейский Суд по правам человека (Вторая секция), заседая Палатой, в состав которой вошли:

г-н Жан-Поль Коста, *Председатель*,
г-н Иренеу Кабрал Баррето,
г-н Риза Тюрмен,
г-н Карел Юнгвирт,
г-н Владимир Буткевич,
г-н Миндия Угрехелидзе,
г-жа Антонелла Муларони, *судьи*,

а также г-н С. Нэйсмит, *Заместитель Секретаря Секции*,

Проведя 22 марта и 5 июля 2005 года закрытые заседания,

Вынес следующее постановление, принятое в последний из указанных выше дней:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело возбуждено Судом по жалобе (№ 65518/01) против Украины, поданной 26 января 2000 года гражданином Украины г-ном Сергеем Петровичем Саловым (далее - «Заявитель»), в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - «Конвенция»).

2. Заявителя представляли в Суде г-н В. Агеев и г-н А. Федур — адвокаты, практикующие на Украине, а также г-н С. Дуниковский — адвокат, практикующий в Нантерре. От правительства Украины (далее

- «Правительство») в Суде выступали его представители: сначала г-жа З. Бортновская, а впоследствии — г-жа В. Лутковская.

3. Ссылаясь на пункт 3 статьи 5 Конвенции, заявитель утверждал, что он не был незамедлительно доставлен к судье или к иному должностному лицу для проверки правильности его ареста. Кроме того, он жаловался на нарушение своего права на справедливое судебное разбирательство, — в частности, на несоблюдение принципов «верховенства права» и «правовой определенности», поскольку Президиум областного суда отменил постановление районного суда от 7 марта 2000 года, согласно которому его дело направлялось на дополнительное расследование. Заявитель утверждал, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции. Ссылаясь на статью 10 Конвенции, заявитель жаловался на нарушение своего права получать и распространять информацию. В частности, он заявлял, что не знал, была ли достоверной информация о смерти кандидата г-на Леонида Д. Кучмы, опубликованная в номере газеты «Голос Украины», поскольку он не имел точных сведений о состоянии здоровья последнего. Он настаивал на том, что ни при каких обстоятельствах сообщение такой информации третьей стороне не должно наказываться пятью годами лишения свободы. Он жаловался также на содержание его на протяжении одиннадцати дней в Донецком изоляторе временного содержания и на отзыв его лицензии на право занятия адвокатской деятельностью.

4. Жалоба была передана в ведение Второй секции Суда (пункт 1 Правила 52 Регламента Суда). В рамках этой Секции в соответствии с пунктом 1 Правила 26 Регламента Суда была образована Палата для рассмотрения данного дела (пункт 1 статьи 27 Конвенции).

5. Решением от 27 апреля 2004 года Суд объявил жалобу частично приемлемой.

6. Заявители и Правительство представили свои письменные объяснения по существу дела (пункт 1 Правила 59 Регламента Суда).

7. 1-го ноября 2004 года Суд изменил состав своих Секций (пункт 1 Правила 25 Регламента Суда). Данное дело было передано в ведение новообразованной Второй Секции (пункт 1 Правила 52 Регламента Суда).

8. Слушания проводились публично во Дворце прав человека в Страсбурге 22 марта 2005 года (пункт 3 Правила 59 Регламента Суда).

Перед Судом предстали:

(а) со стороны Правительства

г-жа В. Лутковская, заместитель министра юстиции, Представитель,
г-жа О. Бартовчук, руководитель отдела, аппарат Правительства,
г-жа Т. Тоцкая, заместитель начальника отдела, министерство юстиции, Советники;

(b) со стороны заявителя

г-н С. Салов, Заявитель,
г-н В. Агеев, Адвокат,
г-н А. Федур,
г-н С. Дуниковский, Советники.

9. Суд заслушал выступления самого заявителя, г-на Агеева и г-жи Лутковской.

ФАКТЫ

10. Заявитель — гражданин Украины. Он родился в 1958 году и в настоящее время проживает в Донецке. Он юрист, занимается адвокатской деятельностью на Украине.

I. Обстоятельства дела

A. Уголовное разбирательство в деле заявителя

11. 31 июля 1999 года Центральная избирательная комиссия зарегистрировала заявителя представителем кандидата в президенты Украины г-на Александра А. Мороза. В то время последний был лидером Социалистической партии Украины.

12. 31 октября 1999 года прокуратура Киевского района Донецка (далее - «прокуратура Киевского района») начала расследование выдвинутых против заявителя обвинений в воспрепятствовании

осуществлению гражданами Украины их избирательных прав (п. 2 статьи 127 Уголовного кодекса Украины — «УК»).

13. 1 ноября 1999 года заявитель был задержан за распространение ложной информации о якобы имевшей место смерти кандидата в президенты — выдвигавшегося на второй срок президента г-на Леонида Д. Кучмы. Утверждалось, что заявитель распространял эту информацию 30 и 31 октября 1999 года — в форме заявления спикера Верховной рады (парламента Украины), опубликованного в специальном общенациональном выпуске газеты Верховной рады («Голос Украины»). В распространяемой заявителем статье говорилось следующее:

*«Голос Украины / газета Верховной рады Украины /
Специальный выпуск, 29 ноября 1999 г./ бесплатный номер.*

Обращение Верховной рады Украины к гражданам Украины:

Мы, члены Верховной рады Украины, вынуждены обратиться к вам в этом специальном выпуске парламентской газеты ввиду чрезвычайной ситуации, сложившейся на Украине. Фактически в стране произошел государственный переворот, но правда о нем тщательно скрывается от народа. Нас обманывают! Человек, который появлялся на телевидении и разъезжал по стране на прошедшей неделе в качестве якобы Президента Украины Л. Д. Кучмы, вовсе не тот, за кого он себя выдает. Он — лишь двойник Президента, которого криминальное окружение г-на Кучмы использует для обмана людей в ходе президентских выборов, чтобы удержать власть в своих руках. Настоящий Президент Украины Леонид Кучма умер 24 октября 1999 г. в Киеве от острой сердечной недостаточности, вызванной миокардиодистрофией вследствие алкогольной интоксикации. Тело его было кремировано в обстановке строжайшей секретности, а прах — вывезен за границу. Власть фактически оказалась захвачена группами Рабиновичей, Волковых, Кобзонов и Пинчуков.

Людей запугивают, принуждая голосовать за ненастоящего Кучму. В отношении оппозиционных кандидатов развернута

жесточайшая информационная блокада. Верховная рада Украины объявляет, что она берет на себя контроль за президентскими выборами. Каждый случай незаконного увольнения и других преследований связанных с выборами лиц будет квалифицироваться как уголовное преступление. Мы доводим это до сведения руководства коммерческих компаний и медицинских и образовательных учреждений.

Могущественная пропагандистская машина, нацеленная на оболванивание людей, начала свою работу. Власть в Украине узурпирована.

Верховная рада объявляет, что единственным легитимным источником власти в государстве является парламент Украины.

Верховная рада призывает всех граждан Украины не допустить срыва президентских выборов или объявления их незаконными, что приведет к установлению в Украине фашистского режима.

Спикер Верховной рады Украины

А. Ткаченко»

14. Вслед за арестом заявителя прокуратура Киевского района провела формальное уголовное расследование выдвинутых против него обвинений.

15. 3 ноября 1999 года прокуратура Киевского района решила задержать заявителя по подозрению в совершении преступления по п. 2 статьи 127 УК (см. пункт 41 ниже). Заявитель был помещен в изолятор временного содержания Донецкой области. Он находился там до 10 ноября 1999 года.

16. 5 ноября 1999 года заявителю было предъявлено официальное обвинение в совершении преступления по п. 2 статьи 127 УК (см. пункт 41 ниже). Прокуратура квалифицировала его действия как действия, совершенные должностным лицом.

17. 10 ноября 1999 года заявитель подал в Ворошиловский районный суд Донецка просьбу (датированную 6 ноября 1999 года) об освобождении его из-под стражи. 17 ноября 1999 года суд отклонил его просьбу.

18. 11 ноября 1999 года заявителя перевели в Донецкий следственный изолятор № 5.

19. 16 ноября 1999 года заявитель прошел медицинское освидетельствование. Было выявлено, что он страдает от бронхита и гипертонии второй степени. Медицинская комиссия рекомендовала госпитализировать заявителя.

20. 22 ноября 1999 года прокуратура Киевского района завершила досудебное расследование дела заявителя и передала его суду.

21. 25 ноября 1999 года дело было передано в суд. 10 декабря 1999 года Куйбышевский районный суд Донецка (далее - «Районный суд») начал судебное разбирательство выдвинутых против заявителя обвинений в воспрепятствовании осуществлению гражданами их избирательных прав, в нарушение п. 2 статьи 127 УК (см. пункт 41 ниже). Кроме того, он решил не освобождать его из-под стражи.

22. В ходе судебного разбирательства судья Т. из Районного суда вынес 7 марта 2000 года постановление о проведении дополнительного расследования обстоятельств дела. Он потребовал от обвинения пересмотреть меру пресечения, избранную в отношении заявителя, и переквалифицировать выдвинутые против него обвинения. В частности, он указал:

«...в предъявленных ему обвинениях не показано, как г-н Сергей П. Салов повлиял на результаты выборов, или как он хотел повлиять на них...»

Из материалов дела видно, что заявитель показал сфальсифицированный номер газеты «Голос Украины» только пятерым человекам; в ходе судебного разбирательства дела не установлено никаких других эпизодов попыток г-на Сергея П. Салова повлиять на результаты выборов...

В ходе проведенного расследования не было с убедительностью показано, что действия г-на Сергея П. Салова образовывали состав уголовного преступления...

Следственные органы не рассмотрели вопрос, могут ли действия [заявителя] квалифицироваться как уголовное преступление по п. 2 статьи 125 Уголовного кодекса [клевета]... [т.е.] могут ли действия ответчика расцениваться как распространение ложных сведений о другом лице (г-не Леониде Д. Кучме)... на основе мотивов, не связанных непосредственно с проведением выборов. (...)

Суд полагает, что следственные органы провели досудебное следствие неудовлетворительно, и их недоработки невозможно устранить в ходе судебного заседания... суд не может признать г-на Сергея П. Салова виновным в преступлении по п. 2 статьи 125 Уголовного кодекса [клевета], поскольку он не может переквалифицировать его действия, в связи с чем дело необходимо направить на дополнительное расследование...

Настоящее постановление не подлежит обжалованию в кассационном порядке, но может быть обжаловано прокурором в течение семи дней с момента его принятия».

23. 30 марта 2000 года заместитель прокурора Донецкой области направил в Президиум Донецкого областного суда (далее - «Президиум») протест на постановление от 7 марта 2000 года и потребовал возбуждения надзорного производства по делу заявителя. Он также настаивал на отмене постановления от 7 марта 2000 года, в соответствии с которым дело направлялось на дополнительное расследование. Заместитель прокурора утверждал, что имеются достаточные доказательства в подтверждение того, что заявитель препятствовал осуществлению гражданами их избирательных прав (п. 2 статьи 127 УК). В тот же день канцелярия суда зарегистрировала поступление протеста.

24. 5 апреля 2000 года Президиум в составе его председателя Л. В. И. и судей Р. Л. П., П. Л. В., Р. Л. И., М. М. И. и Б. А. М., в присутствии обвинителя, отменил постановление от 7 марта 2000 года и направил дело на дальнейшее судебное разбирательство. В частности,

Президиум указал, что Районный суд возвратил дело на дополнительное расследование, не проведя тщательного изучения предъявленного обвинения и необходимых признаков *actus rea* (виновного действия) и *mens rea* (виновной воли) преступления, вменяемого в вину заявителю. Не упомянул он и о том, какие конкретные следственные мероприятия надлежало осуществить стороне обвинения. Президиум решил не освобождать заявителя из-под стражи. В частности, он указал:

«... Заключив, что в действиях г-на Салова содержалась субъективная сторона преступления, предусмотренного п. 2 статьи 125 Уголовного кодекса Украины, суд, в нарушение статьи 22 Уголовного кодекса, не изучил обстоятельства, которые позволили бы сделать такого рода заключение. Суд никак не высказался относительно намерения заявителя в его действиях, упоминаемого в обвинительном приговоре, в то время как органы предварительного следствия установили, что г-н Салов намеревался совершить совершенно иное правонарушение. Суд не стал рассматривать этот [довод обвинения] и безосновательно заключил, что действия заявителя могли повлечь за собой состав преступления, предусмотренного п. 2 статьи 125 Уголовного кодекса Украины».

25. 24 апреля 2000 года Районный суд отклонил поданное адвокатом заявителя ходатайство о передаче дела на дополнительное расследование. Он также отклонил просьбу заявителя об освобождении его из-под стражи.

26. 1 июня 2000 года Районный суд отклонил еще одну просьбу об освобождении заявителя.

27. 16 июня 2000 года Районный суд изменил меру пресечения, избранную в отношении заявителя, на подписку о невыезде.

28. 6 июля 2000 года Районный суд под председательством судьи Т., который участвовал в слушании дела 7 марта 2000 года, признал заявителя виновным в воспрепятствовании избирательным правам граждан с целью повлиять на результаты выборов путем обмана. Районный суд приговорил заявителя к пяти годам лишения свободы, с отсрочкой исполнения приговора на два года в связи с тем, что

действия г-на Салова «фактически не повлекли за собой серьезных последствий». Кроме того, он наложил на заявителя штраф в размере 170 украинских гривен (32,82 евро). Районный суд постановил следующее:

«В октябре 1999 года г-н Сергей П. Салов получил в неустановленном месте от лиц, личность которых не была установлена в ходе следствия, несколько экземпляров сфальсифицированного номера газеты «Голос Украины» за 29 октября 1999 года. В этом номере содержалась информация, предоставленная спикером Парламента (Верховной рады) Украины г-ном Александром А. Ткаченко, относительно смерти выдвигавшегося на второй срок президента г-на Леонида Д. Кучмы ... и государственного переворота, осуществленного его криминальным окружением ... В этом номере содержался призыв Парламента Украины к украинским гражданам не саботировать президентские выборы ... чтобы не допустить установления фашистского режима ...

Несмотря на лживый характер информации, содержащейся в номере, о котором идет речь ... г-н Сергей П. Салов решил распространить его экземпляры среди избирателей Киевского района с целью воспрепятствовать осуществлению ими своих избирательных прав и повлиять на результаты президентских выборов...

Согласно материалам судебной экспертизы ... восемь номеров газеты, о которых идет речь, были копиями оригинальной версии, напечатанными с помощью современных компьютерных программ ...

Действия г-на Сергея П. Салова представляли собой воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав ... они препятствовали праву граждан участвовать в выборах... Распространение ложной информации о смерти г-на Леонида Д. Кучмы было обманом... эта информация, возможно, повлияла на результаты выборов... и возможно, помешала избирателям проголосовать за указанного кандидата в Президенты ...».

29. 15 сентября 2000 года Донецкий областной суд в составе судей Д. А. Д., Г. Г. и Д. А. В. подтвердил решение от 6 июля 2000 года.

30. 3 ноября 2000 года и 9 февраля 2001 года, соответственно, Областной суд и Верховный суд Украины отклонили как необоснованные жалобы заявителя и его просьбу о надзорном пересмотре его судимости.

31. 22 ноября 2000 года Донецкая квалификационно-дисциплинарная комиссия адвокатуры аннулировала лицензию заявителя на право занятия адвокатской деятельностью (№ 1051, выдана 17 декабря 1997 года). Она обосновала свое решение фактом осуждения заявителя 6 июня 2000 года.

32. После сдачи экзамена в Донецкой квалификационно-дисциплинарной комиссии адвокатуры и уплаты 1200 украинских гривен (194,73 евро) заявитель получил 23 апреля 2004 года новую лицензию на право занятия адвокатской деятельностью (№ 1572). Сдать экзамен ему разрешили после того, как была погашена его судимость.

2. Судебное разбирательство в связи с вопросом о компенсации вреда за незаконное содержание в изоляторе временного содержания

33. В июле 2000 года заявитель возбудил в Ворошиловском районном суде Донецка дело против прокуратуры Донецка и Донецкого областного управления Министерства внутренних дел, потребовав компенсацию за моральный вред и материальный ущерб, причиненные ему вследствие незаконного 10-дневного нахождения его в 1999 году в изоляторе временного содержания. В частности, он указывал, что его должны были содержать в следственном изоляторе, а не в изоляторе временного содержания, так как он проходил по уголовному делу в качестве обвиняемого.

34. 15 июня 2001 года Ворошиловский районный суд Донецка частично удовлетворил его требования. Он также обязал прокуратуру Донецка и Донецкое областное управление Министерства внутренних дел выплатить заявителю 3000 украинских гривен (500 евро).

35. 22 ноября 2001 года Донецкий областной апелляционный суд постановил, что ответственность за выплату заявителю компенсации несет не прокуратура или Министерство внутренних дел, а Государственное казначейство. В этой связи он обязал Управление Государственного казначейства по Донецкой области выплатить заявителю 3000 украинских гривен (500 евро) в качестве компенсации за материальный ущерб и моральный вред.

36. По утверждению заявителя, указанная компенсация не была ему выплачена.

В. Применимое национальное законодательство

1. Конституция Украины 1996 года

37. Соответствующие положения Конституции Украины гласят:

«Статья 29

Каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность.

Никто не может быть арестован или содержаться под стражей иначе как по мотивированному решению суда и только на основаниях и в порядке, установленных законом».

«Статья 34

Каждому гарантируется право на свободу мысли и слова, на свободное выражение своих взглядов и убеждений.

Каждый имеет право свободно собирать, хранить, использовать и распространять информацию устно, письменно или иным способом по своему выбору.

Осуществление этих прав может быть ограничено законом в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка с целью предупреждения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья населения, для защиты репутации или прав других людей, для предупреждения разглашения информации,

полученной конфиденциально, либо для поддержания авторитета и непредвзятости правосудия».

«Статья 121

Прокуратура Украины является единой системой, на которую возлагаются:

- 1) поддержание государственного обвинения в суде;*
- 2) представительство интересов гражданина или государства в суде в случаях, определенных законом;*
- 3) надзор за соблюдением законов органами, которые проводят оперативно-розыскную деятельность, дознание, досудебное следствие;*
- 4) надзор за соблюдением законов при исполнении судебных решений в уголовных делах, а также при применении других мер принудительного характера, связанных с ограничением личной свободы граждан».*

«Статья 122

Прокуратуру Украины возглавляет Генеральный прокурор Украины, который назначается на должность с согласия Верховной Рады Украины и освобождается от должности Президентом Украины. Верховная Рада Украины может выразить недоверие Генеральному прокурору Украины, что влечет за собой его отставку с должности.

Срок полномочий Генерального прокурора Украины — пять лет».

«Статья 124

Правосудие в Украине осуществляется исключительно судами. Делегирование функций судов, а также присвоение этих функций другими органами или должностными лицами не допускаются.

Юрисдикция судов распространяется на все правоотношения, возникающие в государстве...».

2. Закон «О судопроизводстве» от 5 июня 1981 года

38. Соответствующие положения закона «О судопроизводстве» от 5 июня 1981 года с внесенными в них на рассматриваемое время изменениями и поправками предусматривали следующее:

«Статья 30. Состав Верховного суда Крыма, областного суда и городского суда Киева и Севастополя

Верховный суд Крыма, областной суд и городской суд Киева и Севастополя действует в составе:

- (1) президиума суда;*
- (2) судебной коллегии по гражданским делам; и*
- (3) судебной коллегии по уголовным делам».*

«Статья 31. Полномочия Верховного суда Крыма, областного суда и городского суда Киева и Севастополя

Верховный суд Крыма, областной суд и городской суд Киева и Севастополя:

- (1) рассматривает в пределах своих полномочий дела в качестве суда первой инстанции, в кассационном порядке, в порядке надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам;*
- (2) осуществляя надзор за судебной деятельностью районных (городских) и межрайонных (окружных) судов, также изучает и обобщает судебную практику, анализирует судебную статистику; и*
- (3) осуществляет другие полномочия, предоставленные ему законодательством».*

«Статья 32. Президиум Верховного суда Крыма, областного суда и городского суда Киева и Севастополя

Президиум Верховного суда Крыма, областного суда и городского суда Киева и Севастополя образуется в составе председателя, заместителей председателя и судей в количестве, определяемом Верховной Радой Украины по представлению председателя Верховного суда и министра юстиции...

... Участие прокурора Республики Крым, областного прокурора, [или прокурора] Киева или Севастополя при рассмотрении дел президиумом соответствующего суда является обязательным».

*«Статья 33. Полномочия президиума Верховного суда
Крыма, областного суда и городского суда Киева и
Севастополя*

*Президиум Верховного суда Крыма, областного суда и
городского суда Киева и Севастополя:*

- (1) в пределах своих полномочий рассматривает дела в порядке надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам;*
- (2) утверждает по представлению председателя суда из числа судей состава судебной коллегии по гражданским делам и судебной коллегии по уголовным делам;*
- (3) рассматривает материалы изучения и обобщения судебной практики;*
- (4) заслушивает отчеты председателей судебных коллегий о деятельности коллегий; рассматривает вопросы работы аппарата суда;*
- (5) оказывает помощь районным (городским) и межрайонным (окружным) судам в правильном применении законодательства; и*
- (6) осуществляет другие полномочия, предоставленные ему законодательством».*

*«Статья 34. Порядок работы президиума Верховного суда
Крыма, областного суда и городского суда Киева и
Севастополя*

Заседания президиума Верховного суда Крыма, областного суда и городского суда Киева и Севастополя проводятся не реже двух раз в месяц.

Заседание президиума правомочно при наличии большинства членов президиума.

Постановления президиума принимаются открытым голосованием большинством голосов членов президиума, участвующих в голосовании.

Постановления президиума подписываются председателем суда».

«Статья 37. Председатель Верховного суда Крыма, областного суда и городского суда Киева и Севастополя

Председатель Верховного суда Крыма, областного суда и городского суда Киева и Севастополя:

... (9) руководит работой судебных коллегий и аппарата суда;

... (11) предлагает кандидатуры судей для избрания на должности в районных (городских) судах, в сотрудничестве с министром юстиции Крыма, руководителем областного управления юстиции или городской администрации Киева или Севастополя, и с одобрения председателя Верховного суда и министра юстиции...».

3. Закон о статусе судей от 15 декабря 1992 года (действовавший на рассматриваемое время)

39. Статья 7 данного Закона предусматривает, что судьей может стать любой гражданин Украины, достигший 21-летнего возраста и имеющий стаж работы по юридической специальности не менее двух лет. Согласно статье 9 (3), первоначально судьи назначаются на срок до пяти лет, после сдачи квалификационного экзамена специальной экзаменационной комиссии и решения соответствующего местного органа. В соответствии со статьями 33 и 34 Закона, судья районного суда может привлекаться к дисциплинарной ответственности по требованию председателя областного суда.

4. Закон о квалификационных комиссиях судей от 2 февраля 1994 года (действовавший на рассматриваемое время)

40. В силу статей 6 и 7 данного Закона, квалификационные комиссии имели право привлекать к дисциплинарной ответственности и

вносить заключения о пригодности кандидата к назначению на должность судьи районного суда и о продлении срока службы судьи по истечении первоначального пятилетнего срока. Они могли также требовать проведения аттестации судьи, предлагаемого на повышение в судебском или административном ранге, или оценки его правовых знаний. Председатели областных судов могли требовать от квалификационных комиссий подтверждения или оценки знаний и квалификации судей. В соответствии со статьями 32 и 33 Закона, председатели судов вышестоящей инстанции имели право возбуждать дисциплинарное разбирательство в отношении судей районных судов.

5. Глава IV Уголовного кодекса Украины (выдержки): преступления против избирательных, трудовых и других личных прав и свобод человека и гражданина

41. В соответствующих положениях статьи 127 Уголовного кодекса предусматривается:

«Воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав или воспрепятствование деятельности избирательной комиссии

Воспрепятствование осуществлению гражданами Украины их избирательных прав, или воспрепятствование деятельности избирательной комиссии, с целью повлиять на результаты выборов, карается лишением свободы на срок от 3 до 5 лет.

Те же действия, совершенные путем подкупа, обмана, либо в сочетании с причинением ущерба собственности или применением физического насилия против гражданина, осуществляющего свое право голоса, или же против члена избирательной комиссии или его близких родственников, либо с применением угрозы силы или причинения ущерба собственности, либо путем сговора группой лиц, либо членом избирательной комиссии или другим должностным лицом в злоупотребление им своими полномочиями, карается лишением свободы на срок от 5 до 8 лет».

6. Глава 15 Кодекса об административных нарушениях от 7 декабря 1984 года

42. В соответствующих положениях Кодекса об административных нарушениях говорится:

*«Статья 186-2. Нарушение законодательства о выборах
Президента Украины и народных депутатов*

Публичные призывы или агитация за бойкотирование выборов Президента Украины или народного депутата, опубликование или распространение другим способом неправдивых сведений о кандидате в Президенты Украины или депутаты, а так же агитация за или против кандидата в день выборов — влекут за собой наложение штрафа от трех до шести необлагаемых налогом минимумов доходов граждан» (приблизительно 51 — 102 украинских гривен, или 10 — 20 евро).

7. Уголовно-процессуальный кодекс 1960 года (в отношении возвращения дела на дополнительное расследование)

43. В соответствующих положениях раздела III Главы 23 Уголовно-процессуального кодекса говорится:

«Статья 242. Вопросы, которые выясняются при отдаче обвиняемого под суд

Судьи единолично или суд в распорядительном заседании обязаны выяснить относительно каждого из обвиняемых такие вопросы:

... правильно ли квалифицированы действия обвиняемого ...;

... правильно ли избрана мера пресечения в отношении обвиняемого ...».

*«Статья 244. Решение суда в распорядительном заседании
или судьи единолично*

*Суд в распорядительном заседании или судья единолично
выносит одно из таких решений:*

*... (2) о возвращении дела на дополнительное
расследование...».*

*«Статья 246. Возвращение дела на дополнительное
расследование из распорядительного заседания*

*Суд в распорядительном заседании возвращает дело на
дополнительное расследование в случаях:*

*(1) существенной неполноты или неправильности
проведенного дознания или предварительного следствия,
которые не могут быть устранены в судебном заседании;*

*(2) существенного нарушения требований уголовно-
процессуального законодательства;*

*(3) наличия в деле оснований для предъявления
привлекаемому к ответственности лицу обвинения, которое
ему до этого не было предъявлено...*

*...При возвращении дела на дополнительное расследование
суд обязан отметить в решении, какие именно
обстоятельства должны быть выяснены при
дополнительном расследовании и какие следственные
действия при этом должны быть проведены.*

*...[С]уд обязан решить вопрос о мере пресечения
относительно обвиняемого...».*

*«Статья 252. Внесение отдельного представления и
жалобы на решение распорядительного заседания и
постановление судьи*

*На решение распорядительного заседания и постановление
судьи прокурор имеет право в семидневный срок с дня их
вынесения внести в вышестоящий суд отдельное
представление...».*

«Статья 273. Порядок вынесения решений в судебном заседании»

По всем вопросам, которые решаются судом во время судебного заседания, суд выносит решения. Решения о возвращении дела на дополнительное расследование, о возбуждении дела по новому обвинению или относительно нового лица, о закрытии дела, об избрании, изменении или отмене меры пресечения, об отводах и о назначении экспертизы, а также отдельные резолюции, выносятся судом в совещательной комнате и излагаются в виде отдельного документа, который подписывается всем составом суда...

При единоличном рассмотрении дела в отмеченных в этой статье случаях судья выносит постановления».

«Статья 274. Избрание, отмена или изменение судом меры пресечения»

[С]уд, при наличии на то оснований, может своим решением изменить или отменить меру пресечения, избранную в отношении подсудимого, а также избрать другую меру пресечения».

«Статья 281. Направление дела на дополнительное расследование»

Возвращение дела на дополнительное расследование по мотивам неполноты или неправильности досудебного следствия может иметь место как по инициативе суда, так и по ходатайству участников судебного рассмотрения только в тех случаях, когда эта неполнота или неправильность не могут быть устранены в судебном заседании.

После дополнительного расследования дело направляется в суд в общем порядке.

Решение (постановление) о направлении дела на дополнительное расследование обжалованию не подлежит,

но прокурор может внести на него отдельное представление».

*«Статья 354. Обжалование решений суда и постановлений
судьи, внесение на них представления прокурора*

*Прокурор имеет право внести отдельное представление на
решение суда или постановление судьи.*

*...Подсудимый, его защитник и законный представитель, а
также пострадавший и его представитель... имеют право в
семидневный срок со дня получения копий решения суда и
постановления судьи подать на них жалобы.*

*...Подача отдельной жалобы или внесение представления
останавливает выполнение решения».*

44. В соответствующих положениях Главы 31 Уголовно-
процессуального кодекса предусматривается следующее:

*«Статья 384. Лица, которые имеют право опротестовать
вступившие в законную силу приговоры, решения и
постановления суда*

*Пересмотр в порядке надзора вступивших в законную силу
приговора, решения и постановления суда допускается
только по протесту прокурора...*

Протесты имеют право выносить:

*...(2) ...прокурор области... — на приговоры, решения и
постановления районных (городских), межрайонных
(окружных) судов...».*

*«Статья 385. Сроки пересмотра в порядке надзора
приговора, решения и постановления суда*

*Пересмотр в порядке надзора обвинительного приговора,
решения и постановления суда в связи с необходимостью
применения закона о более тяжком преступлении,
пересмотре чрезмерно мягкого наказания или по другим*

причинам, которые влекут за собой ухудшение положения осужденного, а также оправдательного приговора или решения или постановления суда о закрытии дела допускается только в течение года после вступления их в законную силу.

Пересмотр в порядке надзора обвинительного приговора, решения и постановления суда по другим основаниям сроком не ограничивается».

«Статья 391. Рассмотрение дела в порядке надзора

В необходимых случаях на заседание суда, которое рассматривает дело в порядке надзора, для дачи объяснений могут быть приглашены осужденный, ... их защитники... Приглашенным на заседание лицам обеспечивается возможность ознакомления с протестом...».

«Статья 393. Результаты рассмотрения дела в порядке надзора

В результате рассмотрения дела в порядке надзора суд может: ...отменить приговор и... передать дело на новое расследование или новое судебное рассмотрение...».

«Статья 395. Обязательность указаний надзорной инстанции

Указания суда, который рассматривает дело в порядке надзора, являются обязательными при дополнительном расследовании и при повторном рассмотрении дела судом...».

6. Закон «О выборах Президента Украины» 1999 года

45. В соответствующих положениях Закона «О выборах Президента Украины» говорится:

«Статья 50. Ответственность за нарушение избирательного законодательства

1. Лица, препятствовавшие путем насилия, обмана, угроз, подкупа или иным способом свободному осуществлению гражданином Украины права избирать и быть избранным, вести предвыборную агитацию, а также председатель, заместитель председателя, секретарь и члены избирательных комиссий, должностные либо служебные лица органов государственной власти, органов местного самоуправления, объединений граждан, совершившие подлог избирательных документов, заведомо неправильный подсчет голосов избирателей, нарушившие тайну голосования, допустившие иное нарушение настоящего Закона, несут ответственность, установленную законом.

2. К ответственности, установленной законом, привлекаются также лица, опубликовавшие либо распространившие иным способом заведомо неправдивые сведения о кандидате».

7. Оговорка, содержащаяся в ратификационной грамоте, переданной на хранение 11 сентября 1997 года (действовавшая с 11 сентября 1997 года по 28 июня 2001 года)

46. Соответствующие положения оговорки, содержащейся в ратификационной грамоте, приведены в постановлении по делу *Невмержицкий против Украины (Nevmerzhitsky v. Ukraine)* (жалоба № 54825/00, § 56, 5 апреля 2005 года).

8. Приложение к оговорке, врученное Генеральному секретарю 11 сентября 1997 года во время передачи на хранение ратификационной грамоты

47. Соответствующие переходные положения Конституции Украины приведены в указанном выше постановлении по делу *Невмержицкого*.

9. Постановление Пленума Верховного суда Украины (№ 10) от 30 сентября 1994 года «О некоторых вопросах, возникающих при применении судами законодательства, предусматривающего обжалование к суду санкции прокурора на арест»

48. В соответствующей резолюции Пленума Верховного суда Украины говорится:

«...в соответствии со статьей 236-6 Уголовно-процессуального кодекса Украины, в судах могут быть обжалованы только санкция прокурора на арест подозреваемого или обвиняемого и решение суда (или судьи) об избрании мер пресечения, но никак не решение следователя или следственного органа об избрании меры пресечения, выражающейся в заключении подозреваемого или обвиняемого под стражу или продлении срока их содержания под стражей...»

10. Решение Конституционного суда Украины от 24 июля 1999 года (№ 6-рп)

49. В своем решении Конституционный суд признал неконституционность действий Кабинета министров при принятии им 22 марта 1999 года постановления № 432 о сокращении в 1999 году расходов государственного бюджета на нужды: Верховного суда — на 40 %, областных судов — на 7,5 %, районных (и городских) судов — на 6,8 %, Высшего арбитражного суда — на 26,4 %, арбитражных судов — на 19,4% и военных судов — на 15,5 %. Согласно информации, обнародованной Министерством юстиции (ответственным за функционирование судебной системы в рассматриваемое время), эти расходы покрывали нужды судов первой инстанции на 51,6 % и нужды областных судов на 62,8 %. Конституционный суд решил, что Постановление № 432 оказывает на суды финансовое давление и нарушает право граждан на судебную защиту.

11. Соответствующие решения Совета судей Украины (относительно назначения и отбора судей)

50. Совет судей в своем решении № 13 от 12 декабря 2000 года указал, что существующий порядок отбора и назначения кандидатов на судейские должности, утвержденный министерством юстиции, Высшим советом юстиции и судебно-квалификационными комиссиями, противоречит задаче формирования высококвалифицированного судейского корпуса, способного вершить правосудие эффективно и независимо.

51. 12 декабря 2000 года Совет судей принял Резолюцию № 10, где указал, что решения Кабинета министров об уменьшении жалования судейскому персоналу противоречат принципу независимости системы судебных органов.

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции

<...>

II. Предполагаемое нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции

<...>

III. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

99. Заявитель жаловался на то, что вследствие решения Куйбышевского районного суда Донецка от 6 июля 2000 года было нарушено его право на свободу выражения, гарантированное статьей 10 Конвенции. В данной статье говорится, в частности:

«1. Каждый имеет право свободно выразить свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. (...)

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с

определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе... в целях предотвращения беспорядков или преступлений ... [или] для защиты репутации или прав других лиц...»

100. Суд отмечает, что обе стороны согласны с тем, что осуждение заявителя представляло собой вмешательство в его право на свободу выражения, гарантированное пунктом 1 статьи 10 Конвенции. Однако стороны расходятся во мнении о том, было ли это вмешательство предусмотрено законом и преследовало ли оно правомерную цель, а именно «защиту репутации или прав других лиц» в смысле п. 2 статьи 10. Таким образом, Суду предстоит рассмотреть вопрос, было ли вмешательство предусмотрено законом, преследовало ли оно правомерную цель и было ли оно «необходимым в демократическом обществе».

А. Письменные замечания сторон

101. Правительство признает, что осуждение и наказание заявителя представляют вмешательство в его свободу выражения по пункту 2 статьи 10. Однако это вмешательство было оправданным по пункту 2 статьи 10. Оно было «предусмотрено законом» (статьей 127 УК) и преследовало правомерную цель (защиту прав других лиц избирать Президента Украины в ходе свободных и честных выборов). Кроме того, вмешательство было «необходимым в демократическом обществе». Что же касается последнего пункта, Правительство указывает, что в установившейся практике Суда (постановление по делу *Ахмед и другие против Соединенного Королевства (Ahmed and Others v. the United Kingdom)*, от 2 сентября 1998 г., Reports 1998-VI, стр. 2376, § 52) подчеркивается важность обеспечения свободного волеизъявления людей во время выборов и необходимость защиты демократического общества от вмешательств в этот процесс вроде того, о котором идет речь в данном случае. Распространение информации о кандидате в президенты было в интересах избирателей. Однако когда распространению подлежала ложная информация, это могло оказать вредоносное воздействие на репутацию кандидата и помешать ему проводить эффективную избирательную кампанию.

102. Правительство повторяет, что выступая в качестве представителя другого кандидата в президенты, заявитель распространил ложную

информацию о смерти соперника последнего. Тем самым он недобросовестно участвовал в избирательной кампании и нанес урон интересам украинского общества, заключающимся в проведении честных выборов. Признав заявителя виновным в преступлении, предусмотренном статьей 127 УК (см. пункт 41 выше), украинские суды действовали строго в рамках своей свободы усмотрения. Более того, в отношении заявителя был вынесен условный приговор, который никак не может быть назван несоразмерным с учетом обстоятельств дела. Поэтому Правительство делает вывод об отсутствии нарушения статьи 10 Конвенции в отношении вмешательства в право заявителя распространять информацию в ходе выборов.

103. Заявитель с этим не согласен. Он настаивает, что п. 2 статьи 127 УК не применим к его действиям. Указанное положение сформулировано столь нечетко, что он не мог разумно предвидеть, что за данный поступок его могут лишить свободы. Его действия подпадали под статью 186-2 Кодекса об административных правонарушениях, и его нельзя было наказывать за распространение информации (см. пункт 42 выше). Кроме того, указанные штрафные санкции применялись только в связи с кандидатом г-ном Леонидом Д. Кучмой. Немало ложной информации было распространено и в отношении других кандидатов, но в этих случаях никто не был наказан. Что же касается вынесения ему условного приговора, то по мнению заявителя это доказывает, что даже суд осознавал абсурдность выдвигаемых против него обвинений.

В. Применение статьи 10 Конвенции

1. Выработанная Судом практика

104. Согласно установившейся практике Суда, пункт 2 статьи 10 Конвенции почти не оставляет возможностей для ограничения свободы выражения в сфере политических дискуссий или обсуждения вопросов, имеющих общественный интерес (см., *mutatis mutandis*, среди прочих источников, постановления по делам *Лингенс против Австрии (Linges v. Austria)*, от 8 июля 1986 года, Серия А, т. 103, стр. 26, § 42, и *Кастеллс против Испании (Castells v. Spain)*, от 23 апреля 1992 года, Серия А, т. 236, стр. 23, § 43). Как указано в статье 10, эта свобода может быть сопряжена с ограничениями, которые, однако,

должны толковаться весьма строго, а необходимость каждого ограничения должна быть убедительно установлена.

105. Критерий «необходимости в демократическом обществе» требует от Суда установления того, было ли обжалуемое «вмешательство» обусловлено «настоятельной общественной потребностью», было ли оно соразмерным преследуемой правомерной цели, и являются ли доводы, приведенные национальными властями в его оправдание, существенными и достаточными (см. постановление по делу «*Sandhu таймс*» (№ 1) *против Соединенного Королевства* (*Sunday Times (no. 1) v. United Kingdom*), от 26 апреля 1979 года, Серия А, т. 30, стр. 38, § 62). Национальным властям предоставлена определенная свобода усмотрения в оценке того, существует ли подобная «потребность» и какие меры необходимо принять в этой связи. Однако это усмотрение не является безграничным, а подлежит надзору со стороны Совета Европы в лице настоящего Суда, задача которого состоит в том, чтобы принимать окончательное решение о совместимости таких ограничений со свободой выражения, защищаемой статьей 10 (см. постановления по делам *Бладет Тромсо и Стенсаас против Норвегии* (*Bladet Tromsø and Stensaas v. Norway*) [GC], № 21980/93, § 58, ECHR 1999-III, и *Кумпана и Мазаре против Румынии* (*Cumprăni and Mazăre v. Romania*) [GC], № 33348/95, § 88, ECHR 2004-XI).

106. Суд, осуществляя надзор, видит свою задачу не в том, чтобы подменять национальные органы, а в том, чтобы в свете статьи 10 проверять их решения, основанные на таком усмотрении (см. постановление по делу *Бергенс Тиденде и другие против Норвегии* (*Bergens Tidende and Others v. Norway*), № 26132/95, § 50, ECHR 2000-IV). При этом Суд должен взглянуть на оспариваемое вмешательство с учетом обстоятельств дела в целом, включая содержание статьи и контекст, в которых она была распространена (см. постановление по делу *Барфод против Дании* (*Barfod v. Denmark*), от 22 февраля 1989 года, Серия А, т. 149, стр. 12, § 28).

107. Наконец, Суд повторяет, что статья 10 защищает не только содержание выражаемых идей и информации, но и форму их передачи (см. дело *Нилсен и Йонсен против Норвегии* (*Nilsen and Johnsen v. Norway*) [GC], № 23118/93, § 43, ECHR 1999-VIII).

2. Было ли вмешательство предусмотрено законом?

108. Суд отмечает, что одно из требований, вытекающих из выражения «предусмотрено законом» — предсказуемость соответствующей меры. Норма не может считаться «законом», пока она не будет сформулирована с достаточной степенью точности, позволяющей человеку соотносить с ней свое поведение: он должен иметь возможность — пользуясь при необходимости советами — предвидеть, в разумной применительно к обстоятельствам степени, последствия, которые может повлечь за собой то или иное действие (см., например, дело *Реквеньи против Венгрии (Rekvényi v. Hungary)* [GC], № 25390/94, § 34, ECHR 1999-III, и *Фельдек против Словакии (Feldek v. Slovakia)*, № 29032/95, § 56, ECHR 2001-VIII). Степень точности зависит в значительной мере от содержания рассматриваемого юридического документа, сферы его предполагаемого действия, а также от числа и статуса лиц, которых он затрагивает (см. постановление по делу «*Гроппера радио АГ*» и *другие против Швейцарии (Groppera Radio AG and Others v. Switzerland)*, от 28 марта 1990 года, Серия А, т. 173, стр. 26, § 68).

109. Суд не считает убедительными доводы заявителя относительно применения национальными судами в его деле Уголовного кодекса, а не Кодекса об административных правонарушениях (см. пункты 41-42 выше). В связи с этим, он их отклоняет. С учетом своей установившейся практики в отношении требований ясности и предсказуемости (см. постановление по делам «*Маркт интерн Ферлаг ГмбХ*» и *Клаус Берман против Германии (Markt Intern Verlag GmbH and Klaus Beermann v. Germany)*, от 20 ноября 1989 года, Серия А, т. 165, стр. 18, § 30, и *Мюллер и другие против Швейцарии (Müller and Others v. Switzerland)*, от 24 мая 1988 года, Серия А, № 133, стр. 20, § 29), и того факта, что статья 127 Уголовного кодекса удовлетворяла этим требованиям, Суд полагает, что вмешательство в права заявителя было предусмотрено законом в смысле пункта 2 статьи 10 Конвенции.

3. Преследовало ли вмешательство правомерную цель?

110. Суд согласен с Правительством в том, что рассматриваемое вмешательство преследовало правомерную цель — обеспечение избирателей правдивой информацией в ходе президентской кампании 1999 года. Остается, однако, вопрос: было ли оно необходимым и соразмерным преследуемой правомерной цели?

4. Было ли вмешательство необходимым в демократическом обществе и соразмерным преследуемой правовой цели?

111. Суд придерживается мнения, что оспариваемая статья, распространенная в номере сфальсифицированной газеты, касалась вопросов большой общественной значимости, а именно личности конкретного кандидата на президентских выборах: его предполагаемой смерти от вызванной алкогольной интоксикацией миокардиодистрофии и последовавшего за ней государственного переворота, осуществленного криминальным окружением якобы скончавшегося г-на Кучмы (см. пункт 13 выше). Упомянутые в статье темы затрагивали выборы как таковые и способность избирателей голосовать за конкретного кандидата. По мнению Суда, это — важные вопросы, способные положить начало серьезной общественной дискуссии в ходе выборов. Следовательно, к настоящему делу вполне применимы принципы относительно рамок политической дискуссии (см. постановление по делу *«Украинская медиа-группа» против Украины (Ukrainian Media Group v. Ukraine)*, № 72713/01, §§ 39-41, 29 марта 2005 года).

112. Что касается вопроса о том, чем была оспариваемая статья — фактическим утверждением или оценочным суждением, — Суд отмечает, что национальные суды квалифицировали содержащиеся в оспариваемой статье заявления как утверждения о факте, то есть, факте смерти г-на Кучмы и подмене его похожим на него человеком, а потому препятствующими избирателям избрать его Президентом (см. пункт 28 выше). Суд полагает, что эта статья может быть признана ложным утверждением о факте (см. постановление по делу *Харланова против Латвии (Harlanova v. Latvia)*, № 57313/00, 3 апреля 2003 года).

113. Однако из установленных национальными судами фактов явствует, что это утверждение о факте не было изготовлено или опубликовано самим заявителем, а заявитель просто упомянул о нем в разговорах с другими лицами в качестве личной оценки фактической информации, достоверность которой вызвала у него сомнения. Национальные суды не доказали того, что он умышленно пытался ввести в заблуждение других избирателей и помешать им в осуществлении ими своих избирательных прав на президентских выборах 1999 года. Более того, сама по себе статья 10 Конвенции не запрещает обсуждение или распространение полученной информации,

даже если возникают серьезные сомнения относительно ее достоверности. Утверждать обратное означало бы лишать людей права выражать свои взгляды и мнения о заявлениях, сделанных в СМИ, что налагало бы необоснованные ограничения на свободу выражения, гарантированную статьей 10 Конвенции.

114. Суд отмечает, что, как подчеркивает заявитель, при обсуждении данной информации с другими людьми он не знал, была ли она истинной или ложной. По его утверждениям, он стремился ее проверить. Более того, воздействие содержащейся в газете информации было незначительным, поскольку у заявителя оказалось только восемь экземпляров сфальсифицированной газеты «Голос Украины» и он рассказывал о ней только ограниченному кругу лиц, — факт, который следовало бы принять в расчет национальным судам (см. пункт 28 выше). Учитывая конкретные обстоятельства президентских выборов, национальным судам при рассмотрении дела заявителя следовало принять во внимание и требования свободы выражения мнений и свободы обсуждения информации, закрепленные в статье 10 Конвенции.

115. Суд напоминает, что при оценке соразмерности вмешательства следует принимать во внимание и такие факторы, как характер и строгость наложенного наказания (см. постановление по делу *Кейлан против Турции (Ceylan v. Turkey)* [GC], № 23556/94, § 49, ECHR 1999-IV; постановление по делу *Скалка против Польши (Skalka v. Poland)*, № 43425/98, §§ 41-42, 27 мая 2003 года; указанное выше дело *Кумпана и Мазаре*, §§ 111-124). В деле заявителя, наказание в виде лишения свободы сроком на 5 лет с отсрочкой исполнения приговора на два года, штраф в размере 170 украинских гривен (32,82 евро) и последующее аннулирование Коллегией адвокатов лицензии заявителя на право занятия юридической деятельностью, представляло собой очень суровое наказание.

116. Короче говоря, доводы, которыми руководствовало государство-ответчик, не были ни существенными, ни достаточными для обоснования того, что обжалуемое вмешательство было «необходимым в демократическом обществе». Более того, решение наказать заявителя за обсуждение содержащихся в поддельном экземпляре газеты сведений о смерти президента Кучмы было явно несоразмерным преследуемой правовой цели.

117. Соответственно, имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

IV. Применение статьи 41 Конвенции

118. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

119. Заявитель потребовал: 31 500 евро в качестве компенсации за материальный ущерб, причиненный ему вследствие потери дохода; 1200 украинских гривен (194,73 евро) — в возмещение денежного сбора, уплаченного им за возобновление лицензии на право занятия адвокатской деятельностью; судебные издержки, понесенные им в ходе национальных разбирательств (1000 евро, выплаченные, по его утверждению, адвокату г-ну В. Филиппенко); штраф, уплаченный им на основании судебного решения от 6 июля 2000 года (170 украинских гривен (32,82 евро)), и расходы, связанные с содержанием его под стражей. По совокупности, он потребовал 150 000 евро в качестве компенсации за причиненный ему материальный ущерб и моральный вред. Он утверждал, что его незаконное осуждение вызвало сильные душевные страдания у него самого и у его семьи, и, в числе прочего, нанесло вред его деловой репутации.

120. Правительство настаивало на том, что нет никакой причинной связи между обжалуемым нарушением и запрошенными заявителям суммами. Оно полагало, что требования заявителя чрезмерно высоки и безосновательны, и поэтому их следует отклонить. Оно добавляло, что, в любом случае, установление факта нарушения представляло бы собой достаточное и справедливое возмещение понесенного заявителем ущерба.

121. Суд считает, что в обстоятельствах данного дела заявитель не обосновал причинную связь между выявленными нарушениями и заявленным им материальным ущербом, в том что касается

затребованных заявителем расходов, понесенных в связи с разбирательством дела в национальных судах, потери дохода, расходов, связанных с его содержанием под стражей, и т. д. Следовательно, нет оснований для присуждения заявителю возмещения в связи с указанными требованиями. Принимая во внимание все обстоятельства дела, Суд полагает, что единственными обоснованными требованиями о возмещении материального ущерба являются те, которые связаны с аннулированием лицензии заявителя на право занятия адвокатской деятельностью (194,73 евро) и штрафом, уплаченным им вследствие вынесенного в его адрес обвинительного приговора (32,82 евро). Таким образом, Суд присуждает заявителю по совокупности 227,55 евро по данному пункту требований.

122. Суд признает, что заявитель понес и моральный вред — такой как страдания и расстройств из-за того, что его незамедлительно не доставили к судье для рассмотрения вопроса о законности его задержания (пункту 3 статьи 5 Конвенции), из-за отсутствия справедливого судебного разбирательства по его делу (пункту 1 статьи 6 Конвенции), и из-за осуждения и наказания его за обсуждение политически значимой информации в ходе выборов (статья 10 Конвенции) — что не может в достаточной мере быть компенсировано одним лишь установлением факта нарушения Конвенции. Производя оценку на справедливой основе, Суд присуждает заявителю 10 000 евро в качестве компенсации по данному пункту.

В. Судебные расходы и издержки

123. Заявитель, которому не была предоставлена юридическая помощь в целях разбирательства дела в Суде, потребовал 1000 евро в качестве компенсации судебных издержек и расходов, понесенных им в ходе национальных судебных разбирательств. Он не стал особо требовать возмещения судебных издержек, понесенных им во время разбирательства дела в Суде.

124. Правительство заявляло, что затребованная сумма неуместна в рассматриваемом деле. Оно утверждало также, что заявитель не представил никаких документов в подтверждение того, что он действительно понес эти расходы.

125. Суд отмечает, что заявитель не представил каких-либо конкретных документов в подтверждение понесенных им судебных

издержек и расходов. К тому же он не детализировал и не дал постатейной разбивки своим требованиям о возмещении судебных издержек и расходов, понесенных им в Суде. Поэтому Суд решил не присуждать ему никакого возмещения по данному пункту.

С. Процентная ставка

126. Суд считает справедливым, чтобы процентная ставка равнялась предельному ссудному проценту Европейского центрального банка, с добавлением трех процентных пунктов.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Постановил*, что имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции;
2. *Решил*, что пункт 1 статьи 6 применим к рассматриваемому уголовному судопроизводству;
3. *Постановил*, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции;
4. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;
5. *Постановил*
 - (а) что государство-ответчик обязано выплатить заявителю в трехмесячный срок со дня, когда постановление станет окончательным согласно пункта 2 статьи 44 Конвенции, 227,55 евро (двести двадцать семь евро пятьдесят пять центов) в качестве компенсации за материальный ущерб и 10 000 евро (десять тысяч евро) в качестве компенсации за моральный вред, которые должны быть конвертированы в национальную валюту государства-ответчика по курсу, действующему на день платежа, плюс любые налоги, которые могут подлежать оплате;
 - (б) что по истечении вышеуказанного трехмесячного срока и вплоть до урегулирования задолженности на вышеуказанные суммы должны будут выплачиваться простые проценты исходя из предельного ссудного процента Европейского центрального банка на соответствующий период, к которому следует прибавить три процентных пункта;
6. *Отклонил* оставшуюся часть требований заявителя о справедливом возмещении.

Выполнено на английском языке, представлено в письменной форме 6 сентября 2005 года, в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Жан-Поль Коста
С. Нэйсмит

Председатель Суда
Заместитель Секретаря Секции Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 Правила 74 Регламента Суда, к настоящему постановлению прилагаются частично совпадающее мнение г-на Кабрал Баррето и г-жи Муларони.

<...>

ЧАСТИЧНО СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ МУЛАРОНИ

<...>

Что касается статьи 10, то я согласна с большинством судей, которые установили факт ее нарушения. Однако единственная причина, по которой я пришла к такому заключению — то обстоятельство, что вмешательство в права заявителя было несоразмерным, ибо наказание было чрезмерно суровым (см. пункт 115 постановления).

Я отнюдь не недооцениваю серьезности того, что совершил заявитель. Суд определил — и я полностью согласна с ним в этом — что статья может быть квалифицирована как ложное утверждение о факте. Вне всякого сомнения, информация была ложной, так как г-н Кучма был жив. Это было очевидным распространением ложной информации по важному аспекту жизни страны, а именно выборам президента. Даже допуская, что статью можно считать вкладом в обсуждение общественно-значимых или общеполитических вопросов, я не согласна с тем, что заявитель действовал добросовестно в стремлении предоставить точную и достоверную информацию другим лицам (см., в числе прочих источников, постановление по делу *Коломбани и другие против Франции*, № 51279/99, § 65, ECHR 2002-V). Заявитель мог бы попытаться проверить истинность или ложность информации до (а не после) распространения статьи, что не оставляет сомнений

относительно предполагаемой правильности информации. Я не считаю, что свобода выражения влечет за собой право распространять ложную информацию, быть может, с целью дать преимущество другому кандидату в президенты.

Суд неоднократно указывал, что пресса не должна преступать определенных границ, в частности, в интересах защиты репутации или прав других лиц (см. указанное выше постановление по делу *Коломбани*, § 56). Свободы и права каждого наталкиваются на ограничения, когда дело касается свободы и прав других людей.

Если, в соответствии с установившейся практикой Суда, даже оценочное суждение может быть признано не подпадающим под защиту статьи 10 Конвенции в случае, когда оно не имеет под собой фактической основы, я полагаю, что и распространенному заявителем ложному фактическому утверждению не следует предоставлять большей защиты.

**© Перевод Института проблем информационного права
(г. Москва), 2005**

Краткое изложение дела

ДЕЛО «ФИЛИПОВИЧ ПРОТИВ СЕРБИИ» (Filipovic v. Serbia)

(жалоба № 23925/05)

Постановление Суда

Страсбург, 20 ноября 2007 года

Суть принятого решения: В отношении заявителя имело место нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод); единогласно.

Краткое изложение обстоятельств дела:

Заявитель, вице-президент демохристианской партии Сербии, в 2002 году был признан виновным в клевете, в связи с его высказываниями на общественном собрании в здании муниципалитета в отношении личности мэра г. Бабушицы (Сербия). В частности заявитель публично утверждал, что мэр «был не тем человеком, который нужен для этой работы», учитывая, что он уже «растратил 500.000 немецких марок».

В своих доводах, национальный суд опирался на показания двух свидетелей, которые слышали утверждения Заявителя о том, что мэр «растратил 500.000 немецких марок», отклонив при этом как неубедительные показания четырех других свидетелей, сообщавших о том, что Заявитель сказал, что мэр «лишил» государство дохода на упомянутую сумму. Официальный протокол общественного собрания, отражавший сказанное, суд отверг как не имеющий «доказательственной ценности». Кроме того, суд отметил, что уголовное дело, возбужденное против мэра, с обвинениями в уклонении от уплаты налогов в 1996 году в конечном итоге не закончилось признанием его виновным.

Позже вышестоящая инстанция отклонила кассационную жалобу заявителя и на основании тех же фактов признала его виновным в оскорблении, а не клевете. Приговор вступил в законную силу.

В 2004 году мэр г. Бабушицы подал отдельный гражданский иск о компенсации вреда. Исковые требования мэра были удовлетворены частично на основании ранее вынесенного приговора по уголовному делу в отношении заявителя. В итоге суд обязал заявителя выплатить мэру 2077 евро (примерный доход заявителя за 6 месяцев).

Кассационная инстанция оставила данное решение в силе, отклонив жалобу заявителя.

В ходе рассмотрения дела в Европейском Суде по правам человека, также выяснилось, что в соответствии с официальным протоколом собрания, целью собрания была «оценка» деятельности муниципалитета в целом. Участников собрания призывали открыто поделиться своими «критическими взглядами» с целью применения в дальнейшем конкретных мер, направленных на разрешение любых серьезных проблем.

Кроме того, в 1996 году заявитель, будучи налоговым инспектором обнаружил «многочисленные нарушения» в деятельности крупной государственной компании, во главе которой стоял тогда мэр, и направил жалобу для возбуждения уголовного дела, рассмотрение которой закончилось распоряжениями в отношении компании выплатить просроченные налоги и уплатить штраф.

Оценка Европейского Суда:

Правительство полагало, что высказывания заявителя являлись утверждениями о фактах, а не оценочными суждениями, имели своей целью умаление достоинства мэра, а размер назначенной компенсации соответствовал финансовому положению заявителя.

Заявитель считал, что присуждение его к выплате компенсации «преследовало цель уничтожить его в финансовом отношении», а также отбить у него охоту к любой политической критике мэра лично в будущем.

Суд указал на основные принципы, которые должны быть несомненно учтены при рассмотрении настоящего дела:

«... свобода выражения мнения, суть которой сформулирована в статье 10, представляет собой одну из основ демократического общества. В соответствии с пунктом 2, она применима не только по отношению к «информации» или «идеям», воспринимаемым благожелательно, но также и таким, которые оскорбляют, шокируют или внушают беспокойство». (п. 53)

«Суд неоднократно подтверждал право на добросовестное распространение информации на темы, вызывающие общественный интерес, даже когда это предполагает порочащие утверждения о частных лицах ... и подчеркнул, что границы приемлемой критики еще шире, если объектом внимания является политик». (п. 54)

«... сумма назначенной компенсации должна «разумно соответствовать моральному ущербу, понесенному ответчиком». (п. 56)

Суд пришел к однозначному выводу, что вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения было предусмотрено законом и преследовало правомерную цель – защиту репутации мэра.

Разрешая вопрос, было ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе», Суд пришел к следующим выводам (п. 58):

«В этом отношении Суд, во-первых, отмечает, что Заявитель был политиком, обсуждавшим социально важную тему на закрытом политическом собрании, на котором заместитель премьер-министра призвал всех участников, критически высказываться о работе муниципалитета ... Во-вторых, объектом критики Заявителя был мэр и директор крупной государственной компании, сам публичная фигура. В-третьих, гражданские, а также уголовные суды, пришли к заключению о том, что мэр был публично обвинен Заявителем в уголовно-наказуемой «растрате», притом, что обвинительного приговора по данному факту вынесено не было ... В-четвертых, гражданские суды назначили компенсацию в размере чистого совокупного дохода Заявителя за шесть предыдущих месяцев ... Наконец,

Заявитель явно имел законные основания полагать, что мэр мог быть замешан в уклонении от уплаты налогов ... и его утверждение, при всей серьезности, не было абсолютно беспричинным личным выпадом в адрес мэра».

В этой связи, вмешательство очевидно не было необходимо в демократическом обществе.

В итоге Суд пришел к выводу, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

© Центр Защиты Прав СМИ, 2010

ДЕЛО «ФИЛИПОВИЧ ПРОТИВ СЕРБИИ»

(*Filipovic v. Serbia*)

(жалоба № 23935/05)

Постановление Суда
Страсбург, 20 ноября 2007 года

В деле «Филипович против Сербии», Европейский Суд по правам человека (Вторая Секция) заседал Палатой в составе:

г-жа Франсуаза Тулькенс, *Председатель*,
г-н Андраш Бака,
г-н Риза Тюрмен,
г-н Райт Марусте,
г-н Владимиро Загребельски,
г-жа Антонелла Муларони,
г-н Дорин Попович, *судьи*,

а также г-жа Ф. Элленс-Пассос, *Заместитель Секретаря Секции*,

Проведя 23 октября 2007 года закрытое заседание,

Вынес следующее постановление, принятое в указанный выше день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было начато после подачи жалобы (№27935/05) против Государственного союза Сербии и Черногории, правопреемником которого 3 июня 2006 года стала Сербия (см. пункт 29 ниже), в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - «Конвенция») в то время гражданином Государственного союза Сербии и Черногории г-ном Зораном Филиповичем (далее - «Заявитель»), 22 июля 2005 года.

2. Интересы заявителя представляла г-н Д. Видосавлевич, адвокат, практикующий в г. Лесковач. Правительство Государственного союза Сербии и Черногории, а впоследствии Сербии (далее - «Правительство») было представлено его уполномоченным г-ном С. Каричем.

3. Заявитель утверждал, что его право на свободу выражения мнения было нарушено в форме окончательного решения гражданского суда, принятого в отношении него.

4. 2 июня 2006 года Суд принял решение поставить в известность о поданной жалобе Правительство. В соответствии с положениями пункта 3 статьи 29 Конвенции, было принято решение рассмотреть жалобу по существу одновременно с вопросом о ее приемлемости.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

5. Заявитель родился в 1960 году и в настоящее время проживает в г. Бабушница, Сербия. Во время происшедших событий он работал налоговым инспектором и, с 2000 года является вице-президентом демокристической партии Сербии.

A. Уголовное судопроизводство

6. 21 октября 2002 года Муниципальный суд Бабушницы признал Заявителя виновным в уголовно наказуемой диффамации и обязал его выплатить штраф в сумме 6000 югославских динаров, а также дополнительно 25.000 динаров на покрытие судебных издержек.

7. В резолютивной части этого постановления суд постановил, (i) что 8 марта 2001 года Заявитель принял участие в «общественном собрании» в здании Муниципалитета Бабушницы; (ii) , что на этом «собрании» присутствовал заместитель премьер-министра Республики Сербия, заместитель министра юстиции и представители местного самоуправления, а также более 80 членов муниципального совета и другие известные местные фигуры; и (iii), что во время этого мероприятия Заявитель публично утверждал, что г-н П.Ж., занимавший в то время пост мэра Бабушницы, «был не тем человеком,

который нужен для этой работы», учитывая, что он уже «растратил 500.000 немецких марок». Суд пришел к выводу о том, что это утверждение было «недостоверно» и, как таковое, способно «нанести ущерб репутации и чести» г-на П.Ж., известного и уважаемого местного предпринимателя и государственного служащего, и признал Заявителя виновным в клевете.

8. В своих доводах, *inter alia*, Муниципальный суд опирался на показания двух свидетелей, которые, «хотя и будучи членами другой политической партии», слышали утверждения Заявителя о том, что мэр «растратил 500.000 немецких марок» в 1996 году, будучи директором крупной Государственной компании, но отклонил как необубедительные показания, по крайней мере четырех других свидетелей, сообщавших о том, что Заявитель сказал, что мэр «лишил» государство дохода на упомянутую сумму. Далее суд постановил, что официальный протокол этого собрания, отражавший сказанное, «имел не больше доказательственной ценности», потому что составлен человеком, бывшим всего лишь еще одним «свидетелем», и, наконец, что уголовное дело, возбужденное против мэра, с обвинениями в уклонении от уплаты налогов в 1996 году в конечном итоге не закончилось признанием его виновным (см. пункты 16 и 17 ниже).

9. 31 декабря 2003 года районный суд в г. Пирот отклонил кассационную жалобу Заявителя, и, на основании тех же фактов, признал его виновным в оскорблении, а не в клевете, постановив, что известное собрание нельзя было расценить как «общественное» с точки зрения Уголовного кодекса Сербии. Приговор, вынесенный Муниципальным судом, однако, был полностью подтвержден вышестоящей инстанцией и, таким образом, вступил в законную силу.

В. Гражданское судопроизводство

10. В точно неустановленный день 2004 года, мэр подал отдельный гражданский иск о компенсации вреда в Муниципальный суд Бабушницы, требуя 300.000 сербских динаров за страдания, причиненные утверждением Заявителя, упомянутым выше.

11. 23 сентября 2004 года Муниципальный суд принял решение частично в пользу мэра, не выслушав его личные показания, и распорядился о выплате Заявителем 120.000 динаров в качестве компенсации с добавлением суммы процентной ставки и судебных

расходов в размере 33.400 динаров. На тот момент это было эквивалентно приблизительно 2077 евро, или, говоря более конкретно, общему чистому доходу Заявителя за предыдущие шесть месяцев.

12. В мотивировке принятого решения суд опирался на обвинение в уголовном преступлении в отношении Заявителя и заключения судов по уголовному делу, и постановил, что репутации мэра действительно был нанесен ущерб, причинивший ему серьезные и продолжительные страдания. Суд отметил, что истец в этом деле рассматривается одновременно как мэр и как ведущий местный предприниматель и заключил, что требовалась соразмерное финансовое возмещение.

13. 20 декабря 2004 года районный суд г. Пирот отклонил кассационную жалобу Заявителя и полностью принял доводы Муниципального суда, чье решение, таким образом, стало окончательным. Заявитель получил письменную копию решения районного суда 24 января 2005 года.

14. 9 марта 2005 года Заявитель выплатил в общей сложности 153.400 динаров в качестве компенсации, к которой его обязал суд, сумму процентов и судебных издержек.

С. Другие относящиеся к делу факты

15. В соответствии с официальным протоколом, на собрании, прошедшем в здании Муниципалитета Бабушницы 8 марта 2001 года, заместитель премьер-министра заявил, что целью данного собрания была «оценка» деятельности муниципалитета в целом. Он призвал участников открыто поделиться своими «критическими взглядами» на эту тему и объяснил, что, при необходимости, Правительство рассмотрит применение конкретных мер, направленных на разрешение любых серьезных проблем.

16. Протокол отражал, что Заявитель обвинил мэра в том, что последний «был не тем человеком, который нужен для такой работы» и, что «эта ... страна заслуживала кого-нибудь получше». Затем он добавил, что в 1996 года, в своем качестве налогового инспектора, он обнаружил «многочисленные нарушения» в деятельности «Лиски», крупной государственной компании, во главе которой стоял нынешний мэр, и, что он направлял жалобу для возбуждения уголовного дела,

где заявлялось о том, что мэр «лишил государство 500.000 немецких марок» в форме дохода.

17. Заявитель представил Суду упомянутую жалобу, датированную 24 июня 1996 года, а также три отдельных решения Директората государственных доходов: два из которых от 22 августа 1996 года и 2 сентября 1996 года, соответственно, с распоряжением в отношении «Лиски» выплатить просроченные налоги, а третье – от 25 декабря 1996 года с распоряжением о штрафе компании за невыплату.

II. Применимое национальное законодательство и практика

А. Закон об обязательствах (опубликован в официальном бюллетене Социалистической Федеративной Республики Югославия - ОБ СФРЮ - №29/78, 39/85, 45/89 и 57/89, а также официальном бюллетене Федеративной Республики Югославия - ОБ ФРЮ - № 31/93)

18. Статья 154 определяет различные основания для требования компенсации в гражданско-правовом порядке.

19. В статье 172 § 1 говорится о том, что юридическое лицо, в том числе государство, несет ответственность за любой ущерб, нанесенный одним из «его органов».

20. Статьи 199 и 200, *inter alia*, устанавливают, что любой человек, перенесший страдания вследствие ущерба своей чести или репутации, может, в зависимости от их продолжительности и глубины, обратиться в суд с гражданским иском о финансовой компенсации и, кроме того, потребовать возмещения в других формах «которые могут обеспечить» адекватное моральное удовлетворение.

21. В статьях 191 и 205 говорится, *inter alia*, о том, что национальный суд может принять решение сократить размер такой компенсации с учетом, *ex officio*, конкретных финансовых обстоятельств ответчика.

В. Закон о гражданских процедурах от 1977 года (опубликован в ОБ СФРЮ № 4/77, 36/77, 6/80, 36/80, 43/82, 72/82, 69/82, 58/84, 74/87, 57/89, 20/90, 27/90 и 35/91, а также ОБ ФРЮ №. 27/92, 31/93, 24/94, 12/98, 15/98 и 3/02)

22. В соответствии со статьей 12 § 3, гражданский суд обязан руководствоваться окончательным решением уголовного суда в отношении того, было ли совершено преступление, а также по вопросу уголовной ответственности истца.

С. Соответствующие положения Верховного суда, относительно связи между окончательным уголовным обвинением и последующим гражданским иском о возмещении ущерба

23. Гражданский суд, рассматривающий иск о компенсации ущерба, обязан руководствоваться оценкой уголовной ответственности истца, принятой уголовным судом. Гражданский суд, [однако] не обязан следовать любым другим заключениям уголовного суда (*Ред. 1089/90*) и имеет право «независимой оценки» гражданской ответственности истца (*Gz. 1316/67*).

Д. Закон о гражданских процедурах 2004 года (опубликован в официальном бюллетене Республики Сербия - ОБ РС - № 125/04)

24. Статьи 3 § 1, 413, 415, 417 и 418 гласят, что государственный обвинитель, *ex officio* или в ответ на просьбу стороны, в трехмесячный срок, имеет право обратиться с Ходатайство о защите законности на окончательное решение гражданского суда, если он полагает, что данное решение было «основано на незаконных действиях сторон», т.е. предпринятых в нарушение «обязательных норм национального законодательства», общественного порядка или норм морали». Если государственный обвинитель отказывается подавать ходатайство такого рода до установленного срока, сторона, которая была заинтересована в том, чтобы он это сделал, имеет право в течение тридцати дней подать собственное обращение о защите законности в Верховный суд.

25. Закон о гражданских процедурах от 2004 года вступил в силу 23 февраля 2005 года, отменяя Закон о гражданских процедурах 1977 года. В статье 491 §§ 1 и 5 закона от 2004 года, однако, говорится о том, что закон от 1977 года останется действующим, *inter alia*, в

отношении всех процессов, в которых постановление первой инстанции было принято до 23 февраля 2005 года и, далее, что любое такое ходатайство о защите законности, находящееся в рассмотрении, должно рассматриваться на основании закона от 1977 года.

Е. Соответствующие конституционные положения

26. Статья 25 Конституции Сербии опубликована в официальном бюллетене Социалистической Республики Сербии – ОБ-СРС - № 1/90 и гласит следующее:

«Каждый имеет право на получение компенсации любого финансового и морального ущерба, ставшего следствием незаконного или ненадлежащего поведения государственного чиновника, государственного органа или структуры, в соответствии с законом.

Подобный ущерб должен быть покрыт Республикой Сербия или [соответствующим] государственным органом».

27. Эта Конституция была отменена 8 ноября 2006 года, и в этот же день новая Конституция, опубликован в ОБ РС № 98/06, вступила в силу.

28. По существу статья 35 § 2 «новой» Конституции в аналогичной части соответствует вышеупомянутому тексту статьи 25 предыдущей Конституции.

Ф. Преемственность Государственного Союза Сербии и Черногории

29. Соответствующие положения, касающиеся преемственности Государственного Союза Сербии и Черногории, изложены в постановлении *Матияшевич против Сербии (Matijašević v. Serbia)* (№ 23037/04, §§ 22-25, 19 сентября 2006 года).

ПРАВО

1. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

30. Заявитель подал жалобу по статье 10 на нарушение своего права на свободу выражения мнения вследствие постановления гражданского суда, принятого против него. Статья 10 Конвенции, в соответствующей своей части, гласит следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу выражения своего мнения. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц...».

А. Приемлемость

1. Соответствие критерию *ratione temporis*

31. Правительство утверждало, что результат данного гражданского процесса был «закономерным следствием» предыдущего уголовного обвинения Заявителя, вынесенного до того, как Государство-ответчик ратифицировало Конвенцию 3 марта 2004. года. Таким образом, жалоба в целом была несовместима *ratione temporis* с положениями Конвенции.

32. Заявитель не согласился с этим доводом.

33. Суд считает, что главный факт настоящего дела, а именно вмешательство Государства-ответчика в осуществление Заявителем

свободы выражения мнения, заключается в принятии гражданским судом окончательного постановления от 20 декабря 2004 года, потому что именно с этого дня Заявитель был обязан выплатить назначенную компенсацию (см., *mutatis mutandis*, *Zana против Турции (Zana v. Turkey)*), постановление от 25 ноября 1997 года, Отчеты о постановлениях и решениях 1997-VII, §§ 41 и 42; см. также пункты 13 и 14 выше). Далее, несмотря на то, что гражданские суды были обязаны руководствоваться уголовным обвинением в отношении того, совершил ли Заявитель преступление или нет, они были свободны независимо оценить степень гражданской ответственности Заявителя, а также принять решение о присуждении любой компенсации (см. пункты 22 и 23 выше и пункт 49 ниже).

34. Таким образом, возражение Правительства должно быть отклонено.

2. Исчерпание национальных средств судебной защиты

(а) Аргументы сторон

35. Правительство привело довод о том, что Заявитель не исчерпал все эффективные средства судебной защиты внутри страны.

36. В особенности, он не обратился с отдельным гражданским иском в соответствии со статьей 25 Конституции, а также статьями 154, 172, 199 и 200 Закона об обязательствах. (Правительство привело пример окончательного постановления, в котором национальный суд применил статьи 5 и 8 Конвенции вкупе со статьей 200 Закона об обязательствах, и удовлетворил гражданский иск истца о компенсации ущерба в деле, касавшемся незаконной слежки, ареста и задержания).

37. Во-вторых, Правительство отметило, что Заявитель не воспользовался Ходатайством о защите законности (далее - «Х33»), возможность которого предоставляют статьи 417 и 418 Закона о гражданских процедурах от 2004 года.

38. Заявитель утверждал, что он выполнил требование об исчерпании национальных средств судебной защиты.

(b) Соответствующие принципы

39. Суд напоминает о том, что, в соответствии с установившейся судебной практикой, цель правила об исчерпании национальных средств защиты, содержащееся в пункте 1 статьи 35 Конвенции, заключается в намерении предоставить Договаривающимся Государствам возможности предотвращения или исправления предполагаемых нарушений до того, как они будут переданы на рассмотрение в Европейский Суд.

40. Правительство, утверждающее о том, что национальные средства судебной защиты не были исчерпаны, обязано убедить Суд в том, что таковые эффективные средства имелись теоретически и практически в соответствующее время (см., *inter alia*, *Вернилло против Франции* (*Vernillo v. France*), постановление от 20 февраля 1991 года, Серия А № 198, стр. 11–12, § 27, и *Далия против Франции* (*Dalia v. France*), постановление от 19 февраля 1998 года, *Отчеты* 1998-I, стр. 87-88, § 38).

41. После того, как это бремя доказывания выполнено, Заявителю предстоит доказать, что средство судебной защиты, на которое ссылается Правительство, было в действительности исчерпано, или, что оно по каким-либо причинам было неадекватно и неэффективно в конкретных обстоятельствах данного дела, или, что существовали особые обстоятельства, освобождавшие его от выполнения этого требования (см. *Данкевич против Украины* (*Dankevich v. Ukraine*), № 40679/98, § 107, 29 апреля 2003 года).

42. Наконец, Суд напоминает о том, что в ситуациях, когда имеются несколько эффективных средств защиты, выбор конкретного средства предоставляется Заявителю (см. *Айрей против Ирландии* (*Airey v. Ireland*), постановление от 9 октября 1979 года, Серия А № 32, стр. 12, § 23).

(c) Оценка Суда

43. Даже если предположить, что Заявитель мог подать ХЗЗ, по Закону о гражданских процедурах от 2004 года (см. пункт 25 выше), Суд считает, что это не было бы эффективным средством судебной защиты в конкретных обстоятельствах настоящего дела в силу отсутствия в материалах дела указаний на то, что оспоренное окончательное

решение основывалось на незаконных действиях сторон (см. пункт 24 выше).

44. Кроме того, Правительство было не в состоянии привести пример какого-либо случая в национальной юриспруденции, когда иск, основывавшийся на статье 25 Конституции и статьях 154, 172, 199 и 200 Закона об обязательствах был бы успешно применен в деле подобном данному (см. пункты 18-20 и 36 выше). В любом случае, вряд ли было разумно ожидать от Заявителя, что, исчерпав все эффективные средства судебной защиты в гражданском процессе против себя, он попытается испробовать другие способы защиты, действенность которых была маловероятна (см. пункт 42 выше).

45. Таким образом, Суд считает, что жалоба Заявителя не может быть объявлена неприемлемой по причине того, что не были исчерпаны все национальные средства судебной защиты по пункту 1 статьи 35 Конвенции. Следовательно, возражение Правительства в этом отношении отклоняется.

3. Заключение

46. Суд считает, что жалоба Заявителя не является очевидно необоснованной в соответствии с содержанием пункта 3 статьи 35 Конвенции, и не было установлено никаких других оснований, на которых она могла бы быть объявлена неприемлемой, поэтому она должна быть объявлена приемлемой.

В. Существо дела

1. Аргументы сторон

47. Правительство согласно с выводами и обоснованием национальных судов и подчеркивает, что жалоба Заявителя о растрате средств мэром был утверждением о факте, никак не подтвержденным, а не оценочным суждением. В действительности, мэр не только ни разу не был признан виновным, ему даже никогда не предъявлялось обвинение в этом преступлении, невзирая на тот факт, что против него была подана жалоба в рамках уголовной процедуры.

48. Правительство далее констатировало, что намерение Заявителя состояло в умалении достоинства мэра в присутствии заместителя

премьер-министра, поэтому у него были все основания на защиту своей репутации и как частного лица, и как известного общественного деятеля.

49. Правительство отметило, что Заявитель принял активное участие в национальных слушаниях, что исход гражданского дела был обусловлен его прошлым уголовным обвинением, и, что размер компенсации, назначенной после независимой оценки гражданскими судами, находился в соответствии с финансовой ситуацией Заявителя, а также соответствующим национальным законодательством.

50. Наконец, Правительство утверждало, что выражения, использованные, Заявителем явно вышли за рамки свободного выражения мнения и, что у Заявителя не было разумных оснований считать свои утверждения достоверными.

51. Таким образом, как заключило Правительство, вмешательство в осуществление Заявителем его свободы выражения мнения было «предписано законом», «необходимо в демократическом обществе», и предпринято для защиты «репутации или прав других лиц».

52. Заявитель вновь подтвердил свои претензии, добавив, что признание его к выплате компенсации «преследовало цель уничтожить его в финансовом отношении», а также отбить у него охоту к любой политической критике мэра лично в будущем.

2. Соответствующие принципы

53. Как Суд часто замечал ранее, свобода выражения мнения, суть которой сформулирована в статье 10, представляет собой одну из основ демократического общества. В соответствии с пунктом 2, она применима не только по отношению к «информации» или «идеям», воспринимаемым благожелательно, но также и таким, которые оскорбляют, шокируют или внушают беспокойство (см., среди многих других источников, *Кастеллс против Испании (Castells v. Spain)*, постановление от 23 апреля 1992 года, Серия А № 236, стр. 22, § 42, и *Фогт против Германии (Vogt v. Germany)*, постановление от 26 сентября 1995 года, Серия А № 323, стр. 25, § 52).

54. Суд неоднократно подтверждал право на добросовестное распространение информации на темы, вызывающие общественный интерес, даже когда это предполагает порочащие утверждения о частных лицах (см., *mutatis mutandis*, *Бладет Тромсе и Стенсаас против Норвегии (Bladet Tromsø and Stensaas v. Norway)* [БП], № 21980/93, ЕСПЧ 1999-III), и подчеркнул, что границы приемлемой критики еще шире, если объектом внимания является политик (см. *Обершлик против Австрии (№ 1) (Oberschlick v. Austria (no. 1))*, постановление от 23 мая 1991 года, Серия А № 204, § 59). В действительности, будучи ценной для всех, свобода выражения мнения особенно важна для политических партий и их активных членов (см. *Инкал против Турции (Incal v. Turkey)*, постановление от 9 июня 1998 года, *Отчеты 1998-IV*, § 46).

55. Суд также уже четко высказывался о том, что необходимо иметь в виду, касалось ли оспоренное выражение чьей-либо частной жизни или поведения в официальном качестве (см. *Далбан против Румынии (Dalban v. Romania)* [БП], № 28114/95, § 50, ЕСПЧ 1999-VI) и отметил, что характер и суровость примененных санкций, а также «существенность» и «достаточность» доводов национальных судов, были вопросами, чрезвычайно важными при оценке соразмерности вмешательства согласно Статье 10 § 2 (см. *Кумпана и Мазаре против Румынии (Cumpăna and Mazăre v. Romania)* [БП], № 33348/96, § 111, ЕСПЧ 2004, и *Зана против Турции*, упомянутое выше, § 51, соответственно).

56. Наконец, сумма назначенной компенсации должна «разумно соответствовать моральному ущербу, понесенному» ответчиком (см. *Толстой-Милославский пр. Великобританию (Tolstoy Miloslavsky v. the United Kingdom)*, постановление от 13 июля 1995 года, Серия А № 316-В, § 49; см. также *Стил и Моррис против Великобритании (Steel and Morris v. the United Kingdom)*, № 68416/01, § 96, ЕСПЧ 2005, в котором Суд постановил, что «суммы возмещения ущерба, хотя и будучи относительно скромными по современным стандартам ... [были] ... очень значительными в сравнении с небольшими доходами и ресурсами... Заявителей ...» что, таким образом, нарушало Конвенцию).

3. Оценка Суда

57. Принятие гражданским судом окончательного постановления, несомненно, явилось вмешательством в осуществление Заявителем права на свободу выражения мнения. Поскольку оно основывалось на Законе об обязательствах, также был, несомненно «предписано законом» в соответствии с формулировкой пункта 2 статьи 10 Конвенции (см. пункт 20 выше). Помимо этого, данное постановление было принято ради законной цели, а именно «для защиты репутации» других лиц. Остается лишь разрешить вопрос о том, было ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе».

58. В этом отношении Суд, во-первых, отмечает, что Заявитель был политиком, обсуждавшим социально важную тему на закрытом политическом собрании, на котором заместитель премьер-министра призвал всех участников, критически высказываться о работе муниципалитета (см. пункты 5, 7 и 15 выше). Во-вторых, объектом критики Заявителя был мэр и директор крупной государственной компании, сам публичная фигура. В-третьих, гражданские, а также уголовные суды, пришли к заключению о том, что мэр был публично обвинен Заявителем в уголовно-наказуемой «растрате», притом, что обвинительного приговора по данному факту вынесено не было (см. пункты 12, 7 и 8 выше, в этом порядке; см. также, *mutatis mutandis*, *Далбан против Румынии* [БП], упомянутое выше, § 50). В-четвертых, гражданские суды назначили компенсацию в размере чистого совокупного дохода Заявителя за шесть предыдущих месяцев (см. пункты 11 и 56 выше). Наконец, Заявитель явно имел законные основания полагать, что мэр мог быть замешан в уклонении от уплаты налогов (см. пункты 16 и 17 выше) и его утверждение, при всей серьезности, не было абсолютно беспричинным личным выпадом в адрес мэра.

59. В свете вышеизложенного, Суд считает, что данное вмешательство не было необходимо в демократическом обществе. Таким образом, имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

II. Предполагаемое нарушение статьи 6 Конвенции

60. Заявитель также подал жалобу по статье 6, однако текст жалобы был абсолютно таким же, как и содержание жалобы по статье 10. Очевидно, отсутствие во второй жалобе указания на конкретные процессуальные вопросы означает, что Заявитель счел свое право на справедливый суд нарушенным «автоматически», поскольку суд обязал его к возмещению ущерба. Имея в виду свое заключение по статье 10, Суд объявляет эту жалобу приемлемой и считает, что она не требует отдельного рассмотрения по существу (см., *mutatis mutandis*, *Перна против Италии (Perna v. Italy)* [БП], № 48898/99, §§ 33-34, ЕСПЧ 2003-V).

III. Применение статьи 41 Конвенции

61. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протокола к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

62. Заявитель потребовал 12.350 евро в качестве возмещения материального и морального ущерба.

63. Правительство указало, что требование о справедливой компенсации было подано с опозданием, но, однако, добавило, что если Суд удовлетворит это требование и констатирует нарушение Конвенции, любая финансовая компенсация должна быть назначена в соответствии с постановлениями Суда в других подобных делах.

64. Суд отмечает, что требование Заявителя о справедливой компенсации действительно было подано 11 апреля 2007 года, по прошествии почти шести месяцев от момента истечения последнего срока. Это означает, что Заявитель не выполнил пункты 2 и 3 Правила 60 Регламента Суда, и, следовательно, его требование должно быть отклонено.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявляет* жалобу приемлемой;
2. *Постановляет*, что было нарушение статьи 10 Конвенции;
3. *Постановляет*, что нет необходимости рассматривать отдельно жалобу по статье 6 Конвенции;
4. *Отклоняет* требование Заявителя о справедливой компенсации.

Выполнено на английском языке и представлено в письменной форме 20 ноября 2007 года, в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Франсуаза Тулькенс
Ф. Элленс-Пассос

Председатель Суда
Заместитель Секретаря Секции Суда

**© Центр Защиты Прав СМИ,
перевод с английского, 2009**

Краткое изложение дела

ДЕЛО «ШМИДТ ПРОТИВ АВСТРИИ» (Schmidt v. Austria)

(жалоба № 513/05)

Постановление Суда

Страсбург, 17 июля 2008 года

Суть принятого решения: В отношении заявителя не имело место нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод); четыре голоса против трех. Также в данном деле признано нарушение в отношении заявителя пункта 1 статьи 6 Конвенции; единогласно.

Краткое изложение обстоятельств дела:

Заявитель, практикующий адвокат, представлял интересы торгового менеджера в ходе судебного административно-уголовного разбирательства в муниципалитете в связи с обвинением последнего в нарушении постановления о маркировке замороженных пищевых продуктов. В ходе разбирательства заявитель письменно прокомментировал обвинения, выдвинутые Управлением пищевой инспекции г. Вены в отношении двух образцов мяса индейки, критикуя экспертное заключение, сделанное Управлением.

Муниципалитет Вены инициировал дисциплинарное разбирательство в отношении заявителя в связи с обвинительными высказываниями, умаляющими репутацию Управления пищевой промышленности.

В марте 1999 года Дисциплинарный комитет Венской ассоциации адвокатов прекратил разбирательства, придя к заключению о том, что высказывания заявителя хотя и могли нанести ущерб репутации, но были сделаны в контексте острого спора между ним и представителями органа власти.

Прокурор Ассоциации адвокатов обжаловал принятое решение. Кассационный Совет отменил решение и вновь передал дело в

Дисциплинарный комитет, который в сентябре 2000 года признал заявителя виновным и вынес ему письменный выговор.

Заявитель обжаловал данное решение, но оно было оставлено в силе.

В августе 2001 года заявитель обратился в Конституционный суд с жалобой на нарушение в отношении него статьи 10 Конвенции.

Конституционный суд отклонил жалобу Заявителя, постановив, что обжалованное вмешательство преследовало цель укрепления авторитета органа власти и беспристрастности судебной власти и, что дисциплинарным органам удалось должным образом уравновесить права Заявителя в соответствии с Конвенцией и профессиональный интерес в защите стандартов профессиональных обязанностей.

Оценка Европейского Суда:

Суд не подверг сомнению, что дисциплинарное разбирательство явилось вмешательством в осуществление заявителем его права на свободу выражения мнения, а также то, что это вмешательство было «предписано законом» и служило законной цели, а именно, защите репутации других лиц.

Суд отметил, что в данном деле требование о защите репутации Управления пищевой инспекции г. Вены не следует соизмерять со свободой прессы или интересом в открытой дискуссии на темы, вызывающие общественный интерес, поскольку высказывания заявителя содержались в письменных объяснениях, представленных в ходе судебного разбирательства (п. 38).

«Суд напоминает о том, что в то время как адвокаты, несомненно, имеют право публично комментировать характер отправления правосудия, их критика не должна переступать определенные границы. В этом отношении, необходимо иметь в виду важность соблюдения правильного баланса различных интересов вовлеченных сторон, которые включают в себя право общественности на получение информации о вопросах, возникающих на основе судебных решений, требования отправления правосудия должным образом, а также профессиональную честь юриста». (п. 37)

Суд согласился с позицией национальных судебных органов, утверждавших, что заявитель не указал ни одного факта или обстоятельства, которое оправдало бы использование оспоренного выражения (п. 41):

«По мнению Суда, это является решающим фактором в данном деле: утверждения Заявителя действительно не были подкреплены фактами. Высказывание не содержало никаких подробностей, объяснявших, почему Заявитель полагал, что Управление пищевой инспекции г. Вены действовало неподобающим образом, выдвигая обвинения в отношении его клиента».

К тому же назначенная заявителю санкция была наиболее щадящей из предусмотренных дисциплинарным законом, а, соответственно, являлась соразмерной.

В этой связи Суд счел вмешательство не выходящим за рамки усмотрения национальных органов.

В итоге Суд пришел к выводу, что не имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

© Центр Защиты Прав СМИ, 2010

ДЕЛО «ШМИДТ ПРОТИВ АВСТРИИ»

(Schmidt v. Austria)

(жалоба № 513/05)

Постановление Суда
Страсбург, 17 июля 2008 года

В деле «Шмидт против Австрии», Европейский Суд по правам человека (Первая Секция) заседал Палатой в составе:

г-н Кростос Розакис, *Председатель*,
г-жа Нина Вайич,
г-н Анатолий Ковлер,
г-жа Элизабет Штайнер,
г-н Ханлар Хаджиев,
г-н Дин Шпильманн,
г-н Сверре Эрик Йебенс, *судьи*,

а также Сорен Нильсен, *Секретарь Секции*,

Проведя 26 июня 2008 года закрытое заседание,

Вынес следующее постановление, принятое в указанный выше день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было начато после подачи жалобы (№513/05) в отношении Республики Австрия в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - «Конвенция») гражданином Австрии г-ном Харальдом Шмидтом (далее - «Заявитель»), 28 декабря 2004 года.
2. Интересы Заявителя представляла г-жа М. Виндхагер, адвокат, практикующая в Вене. Австрийское правительство (далее - «Правительство») было представлено его уполномоченным послом Ф.

Траутмансдорфом, начальником отдела международного права федерального Министерства иностранных дел.

3. 8 января 2007 года Суд принял решение поставить в известность о поданной жалобе Правительство. В соответствии с положениями пункта 3 статьи 29 Конвенции, было принято решение рассмотреть существо жалобы одновременно с вопросом о ее приемлемости.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

4. Заявитель, проживающий в Вене, является профессиональным практикующим адвокатом.

5. Заявитель представлял интересы торгового менеджера в ходе судебного административно-уголовного разбирательства в муниципалитете г. Эйзенштадт. В адрес его подзащитного было выдвинуто обвинение в нарушении постановления о маркировке замороженных пищевых продуктов (далее - «МЗПП»). 13 марта 1996 года Заявитель следующим образом письменно прокомментировал обвинения, выдвинутые Управлением пищевой инспекции г. Вены в отношении двух образцов мяса индейки:

«Поскольку данные образцы не имеют маркировки замороженной продукции (несмотря на попытку трюков в отношении моего клиента в экспертном заключении, которое легло в основу уголовного обвинения), они не подпадают под действие Раздела 1 § 1 (1) МЗПП».

6. 11 июня 1996 года Муниципалитет Вены сделал запрос в Венскую ассоциацию адвокатов на проведение судебного разбирательства в отношении Заявителя, утверждая, что его серьезные и необоснованные обвинения чернят репутацию Управления пищевой инспекции г. Вены и несовместимы с профессиональными обязанностями адвоката.

7. Впоследствии, 26 июня 1996 года, Венская ассоциация адвокатов начала дисциплинарное разбирательство в отношении Заявителя.

8. 3 июля 1997 года он представил письменное объяснение, в котором утверждал, что Управление пищевой инспекции г. Вены неоднократно прибегало к расширительному толкованию указанного положения. Говоря о том, что орган власти попытался «сделать трюки» в отношении его клиента, он лишь выразил свои сомнения в экспертном заключении органа власти «невербальными средствами», хотя, возможно, и были достаточные основания для судебного разбирательства по поводу злоупотребления полномочиями.

9. Решением от 24 марта 1999 года Дисциплинарный комитет Венской ассоциации адвокатов прекратил разбирательства, придя к заключению о том, что, в то время как утверждения Заявителя действительно могли нанести вред профессиональной чести и репутации, они свидетельствовали лишь о незначительной степени вины, учитывая, что были сделаны в контексте острого спора между ним и представителями известного органа власти.

10. 7 сентября 1999 года прокурор Ассоциации адвокатов обжаловал принятое решение. По его мнению, выражение *«попытка трюков в отношении моего клиента»*, употребленное Заявителем, содержало намек на то, что указанный орган власти действовал нечестно.

11. Впоследствии, 16 сентября 1999 года, Заявитель представил письменные объяснения, в которых повторил аргументы в свою защиту, а именно то, что его замечания не следовало воспринимать буквально. Он прибег к иносказанию, намекая на якобы имевшие место незаконные действия со стороны Управления пищевой инспекции г. Вены. Он, в частности, заявил, что последнее использовало свое положение для достижения своих целей в сфере осуществления политики проведения инспекции в области пищевой продукции.

12. 14 февраля 2000 года Кассационный Совет удовлетворил жалобу прокурора. Он отменил решение от 24 марта 1999 года и передал дело в Дисциплинарный комитет.

13. Проведя устные слушания, на которых присутствовал Заявитель, Дисциплинарный комитет 6 сентября 2000 года признал Заявителя виновным в соответствии с Разделом 9 Положения об адвокатской практике и, опираясь на Раздел 16 Дисциплинарного акта, вынес ему

письменный выговор. Более того, он обязал Заявителя к покрытию расходов на проведение судебного разбирательства.

14. Дисциплинарный комитет постановил, что Заявитель использовал порочащее и уничижительное выражение. В соответствии с Разделом 9 Положения об адвокатской практике, адвокат, защищая интересы своего клиента, вправе в приемлемой манере указать на неверность, с его точки зрения, любого официального документа. Высказывание Заявителя же вышло за рамки приемлемости формы выражения. В документах, представленных им в суд, ему не удалось указать на какие-либо факты или обстоятельства, которые оправдали бы использование выражения «*попытка трюков в отношении моего клиента*». Заявитель мог бы начать судебное разбирательство по поводу злоупотребления полномочиями, если бы для такого подозрения были основания. В заключении, Дисциплинарный комитет пришел к выводу о том, что Заявитель нанес ущерб профессиональной чести и репутации.

15. 15 декабря 2000 г. Заявитель обжаловал принятое решение и 17 января 2001 г. прокурор Ассоциации адвокатов ответил, представив собственные комментарии.

16. По окончании другого устного слушания, Совет по рассмотрению кассационных жалоб отклонил жалобу Заявителя от 7 мая 2001 года. Он подтвердил, что Заявитель преступил границы, установленные в Разделе 9 Положения об адвокатской практике. Оспоренное утверждение было клеветническим и оскорбительным для персонала Управления пищевой инспекции г. Вены. Поскольку данное утверждение было сделано в письменном виде, оно не могло быть необдуманным. Таким образом, нельзя заключить, что степень виновности Заявителя была незначительной.

17. 2 августа 2001 года Заявитель подал жалобу в Конституционный суд, где он утверждал, *inter alia*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции, поскольку обвинения Управления пищевой инспекции в отношении его клиента были объективно несправедливы. Используя оспоренное выражение, он просто хотел подкрепить свои доводы.

18. Решением от 21 июня 2004 года Конституционный суд отклонил жалобу Заявителя, постановив, что обжалованное вмешательство преследовало цель укрепления авторитета органа власти и

беспристрастности судебной власти и, что дисциплинарным органам удалось должным образом уравновесить права Заявителя в соответствии с Конвенцией и профессиональный интерес в защите стандартов профессиональных обязанностей. Следовательно, были выдвинуты достаточные обоснования того, что не было нарушения права Заявителя на свободу выражения мнения. Решение было сообщено Заявителю 23 июля 2004 года.

II. Применимое национальное законодательство

19. Раздел 9 Положения об адвокатской деятельности в Австрии устанавливает профессиональные обязанности адвокатов. Представляя интересы клиента, адвокат имеет право использовать любые средства защиты, которые не входят в противоречие с его профессиональными полномочиями, совестью и законом.

20. В соответствии с разделом 1 (1) Дисциплинарного акта, адвокат, нарушающий свои профессиональные обязанности или наносящий ущерб профессиональной чести или репутации своим поведением в рамках или за рамками профессиональной деятельности, считается совершившим дисциплинарное нарушение, подлежащее рассмотрению Дисциплинарным комитетом.

21. Раздел 16 (1) Дисциплинарного акта, в версии, действовавшей во время описываемых событий, предполагал следующие дисциплинарные санкции: письменный выговор, штраф в размере до 45.000 евро, запрет на адвокатскую деятельность на период до одного года и лишение членства в Ассоциации адвокатов.

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции

22. Заявитель утверждал, что длительность судебного разбирательства не отвечала требованию «разумного срока», содержащемуся в пункте 1 статьи 6 Конвенции, которая гласит:

«Каждый имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей ... на ... разбирательство дела в разумный срок ... судом ...».

23. Правительство оспорило аргумент относительно того, что общую продолжительность судебного разбирательства следует расценивать как неразумную, в особенности потому, что Конституционный суд рассматривал данное дело по существу.

24. Период, подлежащий рассмотрению, начался 26 июня 1996 года и закончился 23 июля 2004 года. Таким образом, на трех уровнях юрисдикции он продлился восемь лет и один месяц.

А. Приемлемость

25. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в соответствии с содержанием пункта 3 статьи 33 Конвенции. Далее он отмечает, что нет никаких других оснований, на которых она является неприемлемой, и, следовательно, объявляется приемлемой.

В. Существо дела

26. Суд напоминает, что разумность длительности судебного разбирательства должна оцениваться в свете обстоятельств дела с опорой на следующие критерии: сложность дела, поведение заявителя и соответствующих органов власти, а также интересы заявителя, поставленные на карту в конкретном споре, *Фридлинд против Франции (Frydlender v. France)* [БП], № 30979/96, § 43, ЕСПЧ 2000-VII).

27. Суд неоднократно констатировал нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции при рассмотрении дел, в которых поднимались вопросы подобные тем, что присутствовали в данном деле (см. постановления по делам *В.Р. против Австрии (W.R. v. Austria)*, № 26602/95, §§ 33-34, 21 декабря 1999 года; *Лукиш против Австрии (Luksch v. Austria)*, № 37075/97, §§ 18-19, 13 декабря 2001 года; и *Малек против Австрии (Malek v. Austria)*, № 60553/00, § 49, 2 июня 2003 года).

28. Изучив все представленные материалы, Суд считает, что Правительство не выдвинуло ни одного факта или аргумента, который мог бы склонить его к другому заключению в данном деле. Учитывая свою судебную практику, Суд считает, что в настоящем деле продолжительность судебного разбирательства была чрезмерной, т.е. требование «разумной длительности» выполнено не было.

29. Таким образом, имело место нарушение пункта 1 статьи 6.

II. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

30. Далее Заявитель утверждал, что объявленный ему выговор явился нарушением его права на свободу выражения мнения, гарантированную статьей 10 Конвенции, которая в соответствующей своей части гласит:

«1. Каждый имеет право свободно выразить свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны органов власти и независимо от государственных границ. ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями и санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

31. Правительство ответило, что вмешательство в осуществление Заявителем права на свободу выражения мнения было оправдано в соответствии с пунктом 2 статьи 10. Оно имело юридическое основание в разделе 1 (1) Дисциплинарного акта, взятого совместно с разделом 9 Положения об адвокатской практике, служило законным целям защиты репутации и прав других, а также авторитета и беспристрастности органа судебной власти.

32. В отношении необходимости вмешательства, Правительство утверждало, что право Заявителя на критику в адрес замешанного в деле органа власти в процессе защиты своего клиента было необходимо соразмерить с интересом защиты репутации других, а также авторитета и беспристрастности органа судебной власти.

Дисциплинарные органы тщательно взвесили эти интересы, подробно объяснив причины принятого ими решения. Более того, Заявитель имел возможность высказать критику, не прибегая к грубым выражениям, или подать иск о злоупотреблении властью. Наконец, дисциплинарные органы лишь объявили Заявителю выговор в письменном виде. Учитывая все изложенное выше, вмешательство было соразмерно преследованной законной цели.

33. Со своей стороны, Заявитель указал на то, что по австрийским законам долг адвоката в первую очередь состоит в защите интересов клиента. Высказывание *«попытка трюков в отношении моего клиента»* не было равнозначно обвинению органа власти в нечестном поведении. По его мнению, это высказывание было фактически обосновано и, следовательно, не выходило за рамки допустимой критики.

А. Приемлемость

34. В свете представленных комментариев, Суд считает, что в жалобе затрагиваются серьезные фактографические и правовые проблемы, связанные с Конвенцией, разрешение которых требует рассмотрения существа дела. Вследствие этого, Суд приходит к заключению о том, что данная жалоба не является явно необоснованной в соответствии с содержанием пункта 3 статьи 35 Конвенции. Не было установлено никаких других оснований, на которых она могла бы быть объявлена неприемлемой.

В. Существо дела

35. Не подлежит сомнению тот факт, что дисциплинарное разбирательство, увенчавшееся письменным выговором, явилось вмешательством в осуществление Заявителем его права на свободу выражения мнения. Не оспаривается также и то, что это вмешательство было «предписано законом» и служило законной цели, а именно, защите репутации других лиц. Суду нет необходимости отвечать на вопрос о том, преследовало ли оно цель поддержания авторитета и беспристрастности органа судебной власти.

36. Письменные замечания сторон были в основном посвящены вопросу о необходимости вмешательства. Суд напоминает о том, что в то время как адвокаты, несомненно, имеют право публично

комментировать характер отправления правосудия, их критика не должна переступать определенные границы. В этом отношении, необходимо иметь в виду важность соблюдения правильного баланса различных интересов вовлеченных сторон, которые включают в себя право общественности на получение информации о вопросах, возникающих на основе судебных решений, требования отправления правосудия должным образом, а также профессиональную честь юриста. При оценке необходимости вмешательства национальные судебные органы имеют определенные рамки усмотрения, которые, однако, являются объектом контроля со стороны Европейского суда в отношении соответствующих правил и решений по их применению (см. постановления по делам *Никула против Финляндии (Nikula v. Finland)*, № 31611/96, § 46, ЕСПЧ 2002-II, и *Шопфер против Швейцарии (Schöpfer v. Switzerland)*, постановление от 20 мая 1998 года, *Отчеты постановлений и решениях* 1998-III, стр. 1053-54, § 33). Однако в рассматриваемом контексте данного дела отсутствуют такие особые обстоятельства, как явное отсутствие общности взглядов у Государств-участников в отношении применимых принципов или необходимости принимать во внимание различия в нравственной оценке – что давало бы основания для предоставления национальным судебным органам широкие рамки усмотрения (*ibid.*).

37. Осуществляя свою надзорную функцию, Суд должен рассматривать оспоренное вмешательство в свете всего дела, включая содержание замечаний, вменяемых Заявителю в вину, а также контекст, в котором он сделал их. В особенности, Суд должен определить, было ли вмешательство «соразмерно преследованным законным целям», и были ли причины, выдвинутые национальными органами в его обоснование «существенны и достаточны» (см. *Никула*, упомянутое выше, § 44).

38. В данном деле, Заявитель представлял интересы своего клиента в ходе административно-уголовного судебного разбирательства по поводу предполагаемых нарушений постановления о маркировке замороженных пищевых продуктов. В своих письменных объяснениях, представленных в ходе данного разбирательства, Заявитель обвинил Управление пищевой инспекции г. Вены в попытках использования трюков в отношении его клиента. Отсюда следует, что в обстоятельствах данного дела, требование о защите репутации Управления пищевой инспекции г. Вены не следует соизмерять со свободой прессы или интересом в открытой дискуссии на темы,

вызывающие общественный интерес (см., *mutatis mutandis*, *Никула*, упомянутое выше, § 48).

39. Суд отмечает, что в таких административно-уголовных судебных разбирательствах, как данное, Управление пищевой инспекции г. Вены выполняет функцию сравнимую с функцией обвинителя в обычном уголовном процессе. Оно выносит уголовные обвинения на основе своих экспертных заключений. В этой связи Суд напоминает о своей практике, в соответствии с которой особой защитой пользуются такие высказывания, употребляя которые, обвиняемый критикует прокурора, в отличие от словесных выпадов в адрес судьи или всего суда (см. *Никула*, упомянутое выше, § 50).

40. Суд отмечает, что оспоренное высказывание не было равнозначно личному оскорблению (см., в противовес, *B.P. против Австрии (W.R. v. Austria)*, № 26602/95, решение Комиссии от 30 июня 1997 года, и *Малер против Германии (Mahler v. Germany)*, № 29045/95, решение Комиссии от 14 января 1998 года), а скорее было направлено против поведения Управления пищевой инспекции г. Вены в судебном разбирательстве в целом.

41. Национальные судебные органы придали значение тому обстоятельству, что Заявитель не указал ни одного факта или обстоятельства, которое оправдало бы использование оспоренного выражения (см. пункт 14 выше). По мнению Суда, это является решающим фактором в данном деле: утверждения Заявителя действительно не были подкреплены фактами. Высказывание не содержало никаких подробностей, объяснявших, почему Заявитель полагал, что Управление пищевой инспекции г. Вены действовало неподобающим образом, выдвигая обвинения в отношении его клиента.

42. Наконец, Суд отмечает, что в отличие от дела *Никулы* (упомянутого выше, § 55), здесь речь шла не об уголовном наказании, а о дисциплинарном взыскании. Суд напоминает, что особое положение адвокатов как посредников между общественностью и судами объясняет обычные ограничения в поведении членов Ассоциации адвокатов. Учитывая ключевую роль адвокатов, справедливо ожидать, что они внесут свой вклад в отправление правосудия надлежащим образом, тем самым, поддерживая доверие

общества к последнему (см. *Никула*, упомянутое выше, § 45, и *Шонфер*, упомянутое выше, стр. 1052-53, §§ 29-30).

43. Что касается соразмерности наказания в данном случае, Суд замечает, что была применена наиболее щадящая из санкций, предусмотренных в разделе 16 (1) Дисциплинарного акта, а именно письменный выговор.

44. Таким образом, Суд считает, что национальные органы привели существенные и достаточные причины в обоснование своего решения. Они не вышли за свои рамки усмотрения, вынося выговор Заявителю.

45. Следовательно, нарушения статьи 10 Конвенции не было.

III. Применение статьи 41 Конвенции

46. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протокола к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

47. Заявитель обратился к Суду с просьбой назначить ему адекватное денежное вознаграждение в качестве возмещения морального ущерба.

48. Правительство возражало против этого требования.

49. Суд считает, что Заявителю был нанесен моральный ущерб по причине длительности судебного разбирательства. Проведя оценку на справедливой основе, Суд назначает ему 4 000 евро в качестве компенсации морального ущерба.

B. Судебные расходы и издержки

50. Заявитель также претендовал на 2 340 евро, включая налог на добавленную стоимость (НДС), для возмещения издержек на

слушания в Конституционном суде, и 3 568,32 евро, включая НДС, для покрытия расходов в Европейском Суде.

51. Правительство не прокомментировало эти требования.

52. В соответствии с практикой Суда заявитель имеет право на компенсацию судебных издержек, только если установлено, что они действительно были необходимы и взысканы в разумном размере.

53. Суд отмечает, что, во-первых, он обнаружил нарушение лишь в отношении длительности судебного процесса. Во-вторых, из суммы издержек, на возмещение которых претендует Заявитель в отношении национальных судебных разбирательств, ничто не было потрачено на предотвращение или исправление этого нарушения, следовательно, компенсация расходов в национальных судах не полагается.

54. В том, что касается процесса в Европейском Суде, то Суд согласен с тем, что они действительно были необходимы и взысканы в разумном размере. Поэтому в этой части Заявителю назначается возмещение всей затребованной суммы, а именно 3 568,32 евро, включая НДС.

С. Процентная ставка

55. Суд считает справедливым, чтобы процентная ставка равнялась предельному ссудному проценту Европейского центрального банка, с добавлением трех процентных пунктов.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД

1. Единогласно *объявляет* жалобу приемлемой;
2. *Постановляет* единогласно, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции;
3. *Постановляет* четырьмя голосами против трех, что нарушения статьи 10 Конвенции не было;
4. *Постановляет* четырьмя голосами против трех
(а) что Государство-ответчик обязано выплатить Заявителю, в течение трех месяцев с момента окончательного вступления данного решения в силу в соответствии с пунктом 2 статьей 44 Конвенции, 4 000 (четыре тысячи) евро в качестве компенсации

морального ущерба и 3 568,32 (три тысячи пятьсот шестьдесят восемь евро тридцать два цента) в качестве компенсации судебных издержек.

(б) что с момента истечения вышеуказанных трех месяцев до момента выплаты на суммы, указанные выше, выплачиваются простые проценты в размере предельного ссудного процента Европейского центрального банка в течение периода выплаты процентов с добавлением трех процентных пунктов;

5. *Отклоняет* единогласно оставшуюся часть иска Заявителя с требованием справедливой компенсации.

Выполнено на английском языке, представлено в письменной форме 17 июля 2008 года, в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Кристос Розакис
Сорен Нильсен

Председатель Суда
Секретарь Секции Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 Правила 74 Регламента Суда, к настоящему решению прилагаются совместное особое мнение судей Розакиса, Вайич и Шпильманна.

СОВМЕСТНОЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ РОЗАКИСА, ВАЙИЧ И ШПИЛЬМАННА

1. Мы не можем согласиться с решением, принятым большинством судей о том, что нарушения статьи 10 не было.

2. Суд опирается на то, что считает решающим фактором в данном деле, а именно то обстоятельство, что утверждения Заявителя не были подкреплены какими-либо фактами и не содержали каких-либо подробностей, объяснявших причины, по которым Заявитель считал, что Управление пищевой инспекции г. Вены действовало ненадлежащим образом, выдвигая обвинения в адрес его клиента. Мы, однако, не видим в этом проблемы. В своем письменном замечании

Заявитель, являющийся практикующим адвокатом, прокомментировал обвинения, выдвинутые Управлением пищевой инспекции г. Вены следующим образом:

«Поскольку данные образцы не имеют маркировки замороженной продукции (несмотря на попытку трюков в отношении моего клиента в экспертном заключении, которое легло в основу уголовного обвинения), они не подпадают под действие Раздела 1 § 1 (1) МЗПП».

3. Это было приемлемое высказывание для практикующего адвоката, комментирующего экспертное заключение, легшее в основу уголовного обвинения. Высказывание адвоката содержалось в письменных объяснениях, поданных в муниципалитет г. Эйзенштадт.

4. Из практики Суда ясно видно, что он всегда очень неохотно соглашался с обоснованностью вмешательства в осуществление адвокатами свободы выражения мнения, хотя и признает, что, вследствие их особого статуса и ведущей роли в процессе отправления правосудия в качестве посредников между общественностью и судом, ограничения поведения членов Ассоциации адвокатов могут быть оправданы. Он также постановлял ранее, что статья 10 защищает не только суть выраженных идей и информации, но также и форму, в которой они переданы. Комбинация этих принципов означает, что хотя адвокаты и вправе публично комментировать характер отправления правосудия, их критика не должна переступать определенные границы. В этом отношении, необходимо иметь в виду важность соблюдения правильного баланса различных интересов вовлеченных сторон, которые включают в себя право общественности на получение информации о вопросах, возникающих на основе судебных решений, требования отправления правосудия должным образом, а также профессиональную честь юриста. (см. *Никула против Финляндии*, № 31611/96, § 46, ЕСПЧ 2002-II, и *Шопфер против Швейцарии*, постановление от 20 мая 1998 года, *Отчеты постановлений и решениях* 1998-III, стр. 1053-54, § 33).

5. Несмотря на то, что в деле *Никула* Суд подтвердил, что в делах, в которых объектом обвинений становится орган судебной власти на поведение адвокатов накладываются более жесткие ограничения (*Никула*, упомянутое выше, § 50), во многих таких делах судебные органы Страсбурга все же констатировали нарушения статьи 10 (см.

В.Р. против Австрии, № 26602/95, решение Комиссии от 30 июня 1997 года, в котором адвокат назвал заключение судьи «смехотворным», а также *Катрами против Греции* (*Katrami v. Greece*), № 19331/05, от 6 декабря 2007 года, в котором журналист написал в своей статье о том, что принимающий участие в следствии судья «нарушил присягу», назвав его «karagiozis» (§§ 41-42)).

В деле *Амихалакиоаие против Молдовы* (*Amihalachioaie v. Moldova*), № 60115/00, ЕСПЧ 2004-III), касавшемся обвинения адвоката за критику судебного решения, Суд отметил, что комментарии Заявителя были сделаны на тему, вызывающую всеобщий интерес в ходе острой дискуссии между адвокатами, и, что, хотя они и могут расцениваться как не вполне почтительные в отношении Конституционного суда в связи с принятым им решением, их нельзя считать грубыми или оскорбительными для судей Конституционного суда (§§ 35-36, цитаты из *mutatis mutandis*, *Скалка против Польши* (*Skalka v. Poland*), № 43425/98, § 34, 27 мая 2003 года; *Перна против Италии* (*Perna v. Italy*) [БП], № 48898/99, § 47, ЕСПЧ 2003-V; и *Никула*, упомянутое выше, §§ 48 и 52). Суд пришел к выводу о том, что не было «острой социальной необходимости» ограничивать свободу выражения мнения Заявителя, и что национальные судебные органы не привели «существенных и достаточных» причин в обоснование такого ограничения. Поскольку Заявитель не вышел за рамки приемлемой критики, определяемой статьей 10 Конвенции, данное вмешательство нельзя расценивать как «необходимое в демократическом обществе» (пункт 39).

6. Суд вновь подчеркнул роль адвоката в деле *Киприяну против Кипра* (*Kyprianou v. Cyprus*), [БП], № 73797/01, ЕСПЧ 2005-...) разбиравшемся Большой палатой, в котором Суд постановил:

«173. Особый статус адвокатов обуславливает их ведущую роль при отправлении правосудия в качестве посредников между общественностью и судом. Подобное положение объясняет обычные ограничения поведения членов Ассоциации. Учитывая ключевую роль адвокатов, справедливо ожидать, что они внесут свой вклад в отправление правосудия надлежащим образом, тем самым, поддерживая доверие общества к последнему (см. Амихалакиоаие против Молдовы, № 60115/00, § 27, ЕСПЧ 2004-III; Никула против Финляндии, упомянутое выше, § 45; и

Шонфер против Швейцарии, упомянутое выше, стр. 1052-53, §§ 29-30, с дальнейшими ссылками).

174. Статья 10 защищает не только суть выраженных идей и информации, но также и форму, в которой они переданы. Комбинация этих принципов означает, что хотя адвокаты и вправе публично комментировать характер отправления правосудия, их критика не должна переступать определенные границы. Более того, свобода выражения мнения адвоката в зале суда не является неограниченной, и такие определенные интересы, как авторитет органа судебной власти, достаточно важны для ограничения этой свободы. Тем не менее, даже если в принципе вынесение приговора является прерогативой национальных судов, Суд напоминает ту часть своей практики, в соответствии с которой только при исключительных обстоятельствах ограничения свободы выражения мнения адвоката – хотя бы и в мягкой форме уголовного наказания – могут быть признаны необходимыми в демократическом обществе (см. Никула против Финляндии, упомянутое выше, §§ 54-55)».

7. Границы допустимой критики шире в случаях, когда она направлена против других сторон судебного разбирательства, как это было и в деле *Никула* и в данном деле. Более того, Суд ясно показал, что только в исключительных случаях ограничения свободы выражения мнения адвоката – хотя бы и в мягкой форме уголовного наказания – могут быть признаны необходимыми в демократическом обществе (*Никула*, упомянутое выше, § 55).

В деле *Никула*, которое касалось клеветы в адрес прокурора со стороны адвоката, Суд указал на различие, проводимое во многих Договаривающихся государствах, между прокурором, оппонировавшим обвиняемой стороне, и судьей и заявил, что, вообще говоря, данное различие должно предполагать большую степень защиты таким высказываниям, используя которые, обвиняемый критиковал обвинителя, в отличие от словесных выпадов в сторону судьи или всего суда (§ 50). Критика была направлена против стратегии обвинения, которая, по мнению заявителя, являлась «ролевой манипуляцией, вторгающейся в сферу его официальных обязанностей». Притом, что некоторые выражения были неуместны, объектом ее критики была исключительно деятельность Т в качестве

прокурора в деле, касавшемся клиента заявителя, а не общие профессиональные или другие качества Т. В таком процессуальном контексте, с точки зрения Суда, Т следовало примириться с весьма резкой критикой заявителя в ее качестве адвоката (§ 51). Суд отметил, что письменные комментарии заявителя не выходили за рамки данного судебного процесса, в отличие от критики судьи или прокурора, высказанной, например, в СМИ, и что критика заявителя в адрес прокурора, имея процессуальный характер, не может расцениваться как личное оскорбление (§ 52).

В данном деле, так же как и в деле *Никула*, оспоренное высказывание – «*трюки в отношении моего клиента*» – было использовано адвокатом в его замечаниях в отношении Управления пищевой инспекции г. Вены, стороны в судебном разбирательстве, которое в административной судебной сфере Австрии выполняет функцию, сравнимую с функцией обвинения в обычном уголовном судебном процессе. Однако в отличие от обстоятельств дела *Никула*, оно было сделано в письменной форме и не использовалось в рамках публичного слушания в зале суда или СМИ (*Никула*, упомянутое выше, § 52). Таким образом, отрицательное воздействие этого высказывания, если оно вообще имело место, было сильно ограничено.

8. Мы также думаем, что Суд неверно охарактеризовал письменный выговор как мягкое взыскание. В обстоятельствах настоящего дела, подобная санкция была явно несоразмерна. В конце концов, дисциплинарные последствия в отношении адвоката будут вполне серьезными. Что касается дисциплинарного разбирательства, Суд уже констатировал, что угрозу пересмотра *expost facto* критики, высказанной адвокатом, трудно примирить с его обязанностью защищать интересы своего клиента, и что такой пересмотр возымел бы «охлаждающий эффект» на его профессиональную деятельность (см. *Никула*, упомянутое выше, § 54, и *Стер против Нидерландов (Steur v. the Netherlands)*, № 39657/98, § 44, ЕСПЧ 2003-ХІ).

9. По изложенным выше причинам, мы придерживаемся мнения о том, что нарушение статьи 10 в данном деле имело место.

**© Центр Защиты Прав СМИ,
перевод с английского, 2009**

Издание осуществлено в рамках совместного проекта
Центра Защиты Прав СМИ и
Международной организации «Артикль 19»
(Всемирная кампания за свободу выражения мнения)

Переводы постановлений Европейского Суда по правам человека
на русский язык выполнены при финансовой поддержке
Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров

**Судебная практика
Европейского Суда по правам человека
по свободе выражения мнения и свободе информации**

Том 7

Редактор - Г. Ю. Арапова

Составители – Г. Ю. Арапова, С. И. Кузеванова.

Правовое редактирование перевода – Г. Ю. Арапова

Перевод с английского Центра Защиты Прав СМИ
(М. Н. Залата, В. А. Бушин) и

Института проблем информационного права (г. Москва)

Художественное оформление - И. Ю. Ледовских

Подписано в печать 30.03.2010 г.
Формат 60x84 ¹/₁₆ Бумага офсетная
Усл. печ. л. 15. Тираж 1000 экз.
Заказ № 7

Отпечатано ООО «Фирма «Элист»
394000, г. Воронеж, ул. Никитинская, 19